



Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Бешпаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

6. 2015 НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

**Уважаемые литераторы, журналисты
и все желающие сотрудничать с нами авторы!**

Редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария» ставит вас в известность, что составляется издательский план на 2016 год, и просит желающих представить свои литературные работы для отбора и последующей публикации. Достоинства предлагаемых рукописей будут оценены редколлегией журнала.

Художественные произведения в жанре прозы не должны превышать 8–10 печатных листов, но печататься будут только некоторые главы одобренных рукописей; поэзии – 2–3 печатных листа.

В связи с тем, что журнал является единственным государственным литературным и общественно-политическим изданием на русском языке, редакция намерена продолжать печатать статьи общественно-политического характера и материалы, отображающие все стороны жизни республики. Такие статьи принимаются в любое время в течение года, в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А-4, шр. 14).

ТАЙНА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СУМКИ*Повесть*

Скверной выдалась эта осень для Веры Сандулиной. ОБХСС провел внезапную проверку с ревизией в 17-м отделении связи и выявил крупную недостачу. Начальник отделения Сандулина, почувствовав опасность, попыталась в срочном порядке избавиться от некоторых улик.

– Лева, – обратилась она к своему мужу, – надо срочно вывести в лес и сжечь некоторые документы нашего отделения. Чувствую нутром, что скоро могут нагрянуть из ОБХСС за этими документами. Тогда, считай, мы пропали.

– Ты уже все подготовила, Вера?

– Я все, что нужно, отобрала и положила в хозяйственную сумку. Заедем на работу и заберем. Давай, пригони машину.

Муж Сандулиной быстро пошел в гараж. Стал заводить мотор, но тот заартачился, чихал карбюратор. Жена недоумевала и нервничала, потом отправилась на работу сама.

Чертыхнувшись, муж бросил свои попытки и попросил соседа по гаражу одолжить машину или подвезти его до почты. Без лишних слов сосед на своем «Москвиче» подвез соседа до отделения связи, где уже ждала Сандулина, собрав все необходимые документы.

– Митя, а где твоя машина? – спросила она встревожено.

– Наша машина не заводится, чтобы время не терять, попросил Николая помочь нам. Давай быстрее, садись.

Погрузив сумку в багажник, они отправились за город. Супруги, почуввав опасность, торопились и вскоре оказались у Шалушкинского моста. Оперативники, следившие за их перемещениями, остановили машину перед самым мостом.

– Здравствуй, Вера, куда так торопитесь? Куда путь держим? – спросил оперативный работник милиции. – Решили в рабочее время покататься?

От неожиданности Вера потеряла дар речи и не смогла сразу ответить на вопросы. Супруги некоторое время молчали.

– Да мы едем в Шалушку. Туда ошибочно послали одну посылку, – наконец, соврала Вера невпопад.

– Придется отложить вашу поездку, Верочка, – укоризненно просмотрел на нее оперативник. – Сначала заедем в отделение милиции, проверим содержимое вашей сумки, побеседуем.

Супруги не смогли что-либо ответить и послушно последовали за милиционерами.



Осмотр машины и документов занял около двух часов. Результаты были ошеломляющими. Помимо бухгалтерских документов, относящихся к деятельности почты, из волшебной сумки были извлечены тридцать пять конвертов с необыкновенными сведениями.

Как говорил великий Джами, «ты тайн своих не выпускай из рук, дабы не испытать безмерных мук». Если бы Сандулина могла предположить, что содержимое ее сумки станет известно третьим лицам, она согласилась бы съесть эти бумаги без соли и перца. Во всех конвертах лежали паспорта, свидетельства о рождении и бумажка с надписью о количестве комнат и квадратуре квартир.

Тут же, после оформления протокола обыска машины и изъятия документов, следователь Тарасов решил допросить Сандулину, не дав ей возможности прийти в себя от потрясения.

– Каким образом и для какой цели вы собирали документы у граждан? Не советую вам запереться и строить иллюзии. Не поможет. Правду, одну только правду!

Сандулина молчала, апатично глядела перед собой, соображая с ответом.

– Вы намерены отвечать на вопросы? Или вызовем этих лиц сюда?

– Эти документы мне дали мои знакомые, – начала она с трудом. Руки ее дрожали, губы побелели. – Дайте воды, пожалуйста, – попросила она, трясущимися руками схватила стакан и стала пить большими глотками. Потом отдышалась, глубоко вдохнула и поставила стакан.

– Успокоились? Очень хорошо. Мы слушаем, говорите, Вера Харламовна.

– Этим лицам мы должны были помочь получить квартиры в городе.

– Прошу конкретнее. Кто это «мы»? Говорите яснее, заперательство вам не поможет.

– Председатель райисполкома Белкина Нона Донатовна, Марфа Кароедова и я тоже.

– Причем здесь Белкина? И кто такая Кароедова? – спросил Тарасов.

– Главная фигура, конечно, Белкина. Она же квартиры выделяет. А мы просто клиентов подыскиваем. Кароедова – подруга Белкиной, она меня и втянула в эту историю. Я понимаю, что влипла, ничего скрывать не стану. Все расскажу. Раз так случилось, хочу освободиться от тяжелого груза. Мне так легче станет на душе.

– Кому еще помогали получить квартиру?

– Их много. Пофамильно не помню. Все можно проверить по документам. Я помогу вам, только не сажайте меня, – взмолилась Сандулина.

– Мы должны вас задержать, Вера Харламовна. Арестовать или отпустить, решает прокурор. Но помощь следствию будет учтена. Имейте это в виду.

Записав адрес Кароедовой, Тарасов решил не откладывая произвести обыски в домах обеих мошенниц. Супруги Сандулины были водворены в КПЗ. Следователь поступил верно. На квартирах Кароедовой и Сандулиной были обнаружены подтверждения крупномасштабного взяточничества, центральной фигурой которого являлась любимица шефа области,

председатель райисполкома Белкина. Нашлись прямые улики, листки с расчетами, где черным по белому была указана фамилия влиятельной номенклатурицы. Так неожиданным образом раскрылась страшная тайна фаворитки шефа областного секретаря обкома партии.

* * *

Никогда и никого Нона Донатовна Белкина не боялась, чувствуя за спиной поддержку Главного и его корсаров. Но теперь дело принимало серьезный оборот. Следователь не сомневался, что будет давление сверху. Тарасов решил поскорее избавиться от этого дела. Он доложил ситуацию своему начальнику, и они приняли решение передать дело по подследственности в прокуратуру области.

Когда предварительные результаты расследования легли на стол прокурора области Постникова, тот пришел в тихий ужас. Выслушал доклад, подержал в руках пока еще тонкое дело, снял очки, протер их кончиком носового платка и вернул на место. Прочел показания Сандулиной и протоколы обысков. Левая щека прокурора начала подергиваться, как бывало не раз при волнении. В кабинете стояла тишина. Прокурор думал, не зная, что сказать, как быть. Он был сильно озадачен и озабочен в связи с такой неожиданностью. Он боялся шефа области как черт ладана.

– Дело остается у нас, – еле слышно сказал, наконец, прокурор области. – Порядок следствия нельзя нарушать. Мы поручим расследование нашему следователю.

– Кто примет дело, Никанор Пафнутьевич? Вещдоки под расписку надо будет отдать, – заметил Тарасов.

Постников снял телефонную трубку и набрал номер телефона «важняка».

– Гурий Захарович, зайди-ка ко мне.

В кабинет вошел следователь по особо важным делам Гурий Колмаков.

– Вот, товарищи из УВД принесли дело. Серьезное дело. Прими его и приступай к расследованию, – приказал Постников. – Дополнительные пояснения получите от представителя УВД.

Колмаков пришел в данную прокуратуру недавно, но уже заслужил отличную профессиональную репутацию. Был цепок, дерзок, стремителен и неподкупен. Вырваться из его рук было невозможно. У него проходило много серьезных дел о крупных хищениях: на химзаводе, на кабельном заводе и другие дела, наделавшие большой шум не только в области.

Колмаков быстро вник в суть дела, разбил преступление по видам и эпизодам, по каждому составил план основных действий. Выделив те эпизоды, которые нужно было проверять с помощью милиции, Колмаков поставил перед Постниковым вопрос о создании специальной следственной бригады и получил добро. Но Постников еще не представлял, во что это может вылиться.

Бригада приступила к работе. С каждым днем выявлялись все новые факты раздачи жилья за взятки. Белкина действовала уверенно и

масштабно, не боясь ничего и никого. Такую уверенность ей придавало покровительство шефа области.

Нона Донатовна Белкина, недавно назначенная председателем райисполкома в областном центре, до этого занимала должность секретаря Тригорского райкома КПСС.

Нона, дама с продолговатым лицом, на котором красовался орлиный нос, всегда старалась угождать своему кумиру. Орлиный нос служит признаком расчетливости и даже скупости, мстительности. Такие люди всегда стремятся руководить и быть первыми в любой ситуации, как на работе, так и в семье.

Белкиной было уже за сорок, она была замужем. Однако ходили слухи, что областной начальник в свои визиты в район уединяется с Ноной в особнячке у озера. Во всяком случае, отношения у них были более чем дружеские.

В свое время прокурор этого района Сурков раскрыл крупную аферу в области животноводства. В начале года район брал повышенные обязательства по развитию животноводства. Эти обязательства никогда не выполнялись, а в конце года недостающее поголовье крупного рогатого скота приписывали в государственную отчетность. И снова, исходя из дутых цифр, брали высокие обязательства. И так из года в год.

Прокурор успел проверить только четыре колхоза, которые «успешно» выполняли планы и обязательства. Попытки проверить другие хозяйства были пресечены райкомом партии. Райком просто запретил руководителям хозяйств выдавать или показывать какие-либо документы прокурору. В одном лишь колхозе «Вторая пятилетка» были приписаны 117 голов крупного рогатого скота. Райком забил тревогу и ополчился на прокурора за такое разоблачение.

Райкомовцы действовали нагло, ничего не боясь. За их спиной стоял глава области Буханский. Таким путем он намеревался заполучить звезду Героя Социалистического Труда. Это была заветная его мечта. Для этого он шел на всякие махинации, заставляя вносить искажения в статистическую отчетность.

Буханский ополчился на прокурора. И глава области заставил Суркова написать заявление об освобождении от должности прокурора района «по собственному желанию». Но, как ни старался Буханский, на его груди так и не засияла Золотая Звезда Героя.

По воле Буханского его подружка Белкина получила правительственные награды и должности в областном управлении. Вскоре Белкина стала председателем вновь созданного специально для нее созданного райисполкома в областном центре. Второй секретарь райкома Хохрюков был назначен заведующим ревкомиссии облсовета. Так шеф «наказал» чиновников района за преступные действия.

* * *

Была арестована Кароедова. На допросе она сидела прямо, держалась уверенно. Она не раз держала ответ перед правосудием и обладала большим опытом. Года два назад освободилась из мест заключения, где отбывала наказание за крупную растрату, будучи завскладом райПО.

Перед следователем сидела располневшая уже немолодая женщина с круглым лицом, с седеющими волосами. Кароедова вспомнила колонию, где недавно отбывала наказание. Здесь она верховодила, установив свою власть над другими. Теперь мысленно представила себе нары, парашу, которую она заставляла таскать новичков.

Кароедова поняла, что снова попалась и ей не удастся выкрутиться. Обдумав все объективно, она внутренне подготовилась к допросу. Она поняла, что запираться бесполезно, и решила ничего не утаивать и рассказать всю правду.

– Расскажите, Марфа Стояновна, как и при каких обстоятельствах вы познакомились с Белкиной? – спросил Колмаков. – Какие у вас взаимоотношения?

– Очень просто. Моя подружка Вера Сандулина привела меня к ней на прием. Мне нужно было разменять квартиру на две разные, чтобы отделить дочь с зятем. Я уже подробно рассказывала об этом в милиции. Могу повторить, если надо.

– А как же потом вы превратились в доверенное лицо Белкиной? Сандулина говорит, что вы ее свели с Белкиной.

– Пусть не врет, как раз наоборот. Если бы не Сандулина, я бы не знала Белкину. Пусть попробует сказать это при мне, я ее разорву на куски за такое вранье!

– Какие отношения сложились у вас с Белкиной?

– Да она же прорва ненасытная! Я ей поставляла одежду, обувь. Доставала все, что она заказывала. Так и вошла в доверие. Потом подыскивала клиентов на получение квартир за взятки. Так и было, гражданин следователь. Не с руки мне теперь врать, правду гутарю.

– Каким образом вы вовлекли в преступную деятельность Аду Мухину?

– Да, про это я и забыла. Значит, дело было так. Ада хотела получить квартиру без очереди. Обратилась к Белкиной. Та ее выслушала и направила ко мне на беседу, а я ей объяснила условия. Она дала десять тысяч, я отнесла их Ноне. Позднее Мухинина опять пришла и попросила помочь с квартирой для своей знакомой. Так и она оказалась в наших рядах. Она тоже находила клиентов, присылала ко мне, а дальше все очень просто.

Кароедова отвечала на все вопросы охотно, не запиралась, но за один допрос все факты изложить было невозможно.

– Разговор продолжим завтра, Марфа Стояновна, – сказал Колмаков. – Идите, отдохните, продумайте все, на сегодня хватит.

Кароедову увели в камеру. Теперь остро встал вопрос – что делать с Белкиной? О ее аресте или задержании речь идти не могла, она депутат, ответственное должностное лицо. Как бы там ни было, Колмаков решил потревожить строптивую даму, попытаться ее допросить хотя бы предварительно в качестве свидетеля. Он снял трубку и позвонил в райисполком.

– Слушаю вас, здравствуйте, – ответила девушка из приемной.

– Соедините меня с товарищем Белкиной.

– Кто спрашивает?

– Следователь по особо важным делам прокуратуры Колмаков.

– Я сейчас. Нона Донатовна, с вами хочет говорить следователь из прокуратуры.

– Что ему надо? – вздрогнула Белкина, услышав имя представителя прокуратуры.

– Не знаю, говорит, что срочное дело.

– Ладно, соедини.

Недобрый холодок пробежал по ее телу. Она сразу ощутила близкую опасность, но рассчитывала на поддержку Буханского и взяла себя в руки.

– Здравствуйте, Нона Донатовна, – послышалось в трубке. – Извините за беспокойство. У меня возникла необходимость встретиться с вами. Когда вам удобно зайти ко мне?

– Как вас понимать? Что это значит? Зачем я вам понадобилась?

– В моем производстве находится уголовное дело по обвинению Сандулиной, и возникла необходимость задать вам несколько вопросов в официальной обстановке. Это очень важно.

Услышав фамилию Сандулиной, Нона испугалась, но попыталась взять себя в руки и заявила возмущенным тоном:

– Так расследуйте, при чем здесь я? Если хотите что-то спросить, спрашивайте сейчас и не мешайте мне работать! У меня куча дел.

– Я не хочу мешать вам. Но в то же время прошу и вас не создавать помехи для моей работы. Я этого не люблю. Жду вас завтра к четырнадцати часам.

– Это как понимать, товарищ Колмаков? Вы приказываете мне? А вы знаете, кто я такая!

– Понимайте как хотите. Не приводить же вас под конвоем. Неловко как-то.

Белкина взорвалась. Таких слов ей доселе не приходилось слышать. Страх охватил ее, но сдаваться не желала, мучительно искала способ отделаться от настойчивого следователя. Она понимала, что дело принимает опасный оборот.

– Кто вам дал право так обращаться с представителем советской власти! Я вам покажу конвой! Не желаю с вами больше разговаривать! – она швырнула трубку на рычаг, встала и зашагала по кабинету. «Надо что-то предпринять», – лихорадочно размышляла она. Затем, отдышавшись, вернулась к столу и набрала номер прокурора области.

– Добрый день, Никанор Пафнутьевич. Белкина беспокоит.

– Здравствуйте, Нона Донатовна, – слащаво заискивающим тоном ответил Постников. – Слушаю вас внимательно. Как у вас дела? Как здоровье? Чем могу помочь?

– Со мной только что говорил по телефону ваш следователь Колмаков и угрожал доставить меня в прокуратуру под конвоем. Что это значит? Это ваше указание? Как изволите это понимать? – Белкина хорошо знала трусливого прокурора и давила на него, надеясь с его помощью пресечь дальнейшие расспросы этого назойливого следователя.

– Да что вы говорите?! Впервые об этом слышу. Разберусь обязательно, даю слово. Не волнуйтесь, Нона Донатовна, – лакейским тоном ответил прокурор. – Я приму меры.

– Очень надеюсь на это. Скажите ему, чтобы больше меня не беспокоил, иначе я буду вынуждена обратиться к товарищу Буханскому. Надеюсь, вы меня понимаете?

У Постникова задергалась левая щека, страх охватил его от одного упоминания имени Буханского.

– Я надеюсь, до этого не дойдет, Нона Донатовна. Я все улажу, обещаю. До свидания, всего доброго.

Белкина ненадолго успокоилась, но скоро вновь ощутила упадок настроения. Ее охватила тревога. Она еще не сознавала, как глубоко увязла в трясину. Ей доложили об аресте Сандулиной по делу о недостатке в отделении связи. Но она не предполагала, что за решеткой уже сидит Кароедова, и дело приняло совсем иной оборот.

«Буханский меня не отдаст этому жалкому следователю, – успокаивала себя Нона, прохаживаясь по кабинету. – И депутаты не дадут в обиду». Однако безотчетная тревога росла внутри все сильнее и сильнее.

Конечно, Постникову и в голову не пришло дать отпор обнаглевшей взяточнице и объяснить, что законы писаны и для нее. Но на этот раз Никанор Пафнутьевич не рассчитал. Маховик был запущен на больших оборотах, и остановить его было невозможно даже и ему.

Вызвав Колмакова и изобразив на лице отчаяние, Постников спросил:

– Почему ты так грубо разговаривал с Белкиной? Ты с ума сошел?! Ты разве не знаешь кто она такая!

– Никак не грубо, Никанор Пафнутьевич. Все по закону. Я должен ее допросить. Все нити к ней тянутся. Что тут такого, не понимаю? Я просто попросил ее зайти ко мне для допроса в качестве свидетеля. Разве это недопустимо? Это она дерзко вела со мной.

– Давай не будем. Она пожалуется в область на нас, и тогда, считай, пропали, – Постников указательным пальцем показал вверх.

– Жаловаться ей никто не запрещает. Это ее право. Но я ее допрошу, Никанор Пафнутьевич, даже если она пожалуется самому Господу Богу.

– Ты меня ставишь под удар, Гурий. Я этого не хочу. Пойми меня, – взмолился прокурор области, испугавшись от этих слов. Давай не будем...

– Вам чего бояться? Вы прямо сейчас доложите самому Буханскому суть дела. Опередите эту взяточницу, пока она не начала икру метать и звать о помощи.

– А может, прекратим дело подальше от греха? А? Как ты на это смотришь? – осторожно спросил Постников. – Зачем нам такая лишняя проблема? Она не оставит нас в покое.

– Вы можете это сделать сами? Я не возражаю, только сами примите решение. Могу сейчас же сдать дело вам. Но такое решение я принимать не стану. Не в моих правилах играть с законом, я этого не люблю.

– Зачем так? Ты напиши постановление, а я соглашусь. Вот и все. Все так просто, – умоляющим взглядом посмотрел Постников на следователя.

– Нет, Никанор Пафнутьевич. На сделку с совестью я не пойду. Поступайте сами, как хотите, но без меня, – встал следователь, собираясь уходить, оставив дело на столе перед прокурором.

– Ладно, не кипятись. Пойду к Буханскому. Составь мне хорошую информацию по делу, – вынужден был уступить трусливый прокурор.

– Вот это другой разговор! Через час все будет готово. Можно идти?

– Идите, идите, но прошу, поосторожней с ней. Непростая она птица, помни об этом.

Следователь был осведомлен о повадках руководства области и решил не поддаваться давлению с его стороны.

Никанор Постников тоже готов был заболеть от постоянного страха. Дело по факту крупномасштабного взяточничества Белкиной обрело ясное юридическое очертание, но Буханский пока не решался принести в жертву свою фаворитку. Постников разрывался между двух огней. Следователь Колмаков был неумолим. Сроки содержания Сандулиной и Кароедовой под стражей истекли, и пришлось продлевать их еще на один месяц.

Наконец, необходимость допроса Белкиной стала очевидной для областного руководства.

– Ладно, Гурий Захарович, – в приподнятом тоне заявил Постников. – Можешь допрашивать Белкину, начальство наверху считает это возможным.

– Давно бы так, Никанор Пафнутьевич. Сколько времени зря потеряли. Когда можно ее вызвать?

– Тебе не нужно этого делать.

– То есть?

– Не кипятись. Пригласим ее ко мне и допросим у меня. Пусть это делает не ты, а кто-то из твоей бригады в порядке беседы. Понял?

– Она что, боится меня?

– Нет, она никого не боится. Но так лучше. После той вашей с ней беседы по телефону у нее сложилось о тебе отрицательное мнение.

– Рано или поздно она со мной встретится. И мнение у нее будет еще хуже. Она у меня запляшет без музыки! – резко произнес Колмаков.

– Без грубостей, Гурий Захарович. Все, мы договорились. Вы свободны, идите и ждите новостей.

Белкина приехала на допрос на персональной машине. Она гордо шагнула в кабинет прокурора области и плюхнулась на мягкий диван без приглашения.

– Прошу, Нона Донатовна, присаживайтесь, устраивайтесь поудобнее, – хлопотал прокурор области. – Вот следователь Воронков, вы тут побеседуйте, я не буду мешать, – Постников на цыпочках удалился из собственного кабинета.

Допрос-беседа длился около часа. Когда Колмаков прочитал протокол, он понял, что никакого результата следователь не добился. Белкина пришла в прокуратуру, делая всем большое одолжение. Вела себя высокомерно, категорически отрицала связь с Сандулиной и другими лицами. Посчитала допрос по такому поводу оскорбительным и потребовала больше ее не беспокоить.

Постников твердо решил не допустить нового допроса Белкиной. «Второй раз за одним и тем же к шефу не пойду», – сказал он себе. Но вскоре на сцене появились силы, куда более могущественные.

...Все началось с малого. Утром Белкина проснулась рано. По радио впервые передавали новую редакцию гимна Александрова. Нона сладко потянулась, сползла с мягкой перины и пошла на кухню. Муж спал богатырским сном, громко похрапывая. До прихода домработницы было еще много времени. Ребенок жил у няни. Так что Нона была избавлена от лишних хлопот. Она выпила, причмокивая, стакан свежего апельсинового сока и выглянула в окно. Был четверг. Дети с букетами цветов торопились в первый класс.

В восемь утра к дому Белкиной подъехала черная «Волга», и Нона с мужем сели на заднее сидение. Высадив начальницу у райисполкома, водитель развернулся и повез Олега Собренова на завод, где тот был директором.

В приемной Белкину ждала Вера Сандулина, ее новая подруга и доверенное лицо. Увидев ее, Белкина сразу поняла, что кокетливая Вера пришла с деловым предложением.

– Ой, здравствуй, Нона, боялась, что не дождусь тебя. Уже собиралась уходить.

– Приветик. Пошли ко мне.

Нона подошла к зеркалу у шкафа, поправила прическу, провела помадой по губам. За последнее время она еще больше расплнела, щеки вздулись, как два шара, между ними клювом торчал напудренный нос. Плехнувшись в высокое кожаное кресло за столом, она без церемоний спросила:

– Принесла? Сколько?

– Пять, – показала гостя растопыренные пальцы правой руки.

– Маловато.

– За двухкомнатную?

– Ну и что? Эта Скупина только что приехала в наш город, ни в какой очереди не стояла. Кумекаешь? Пусть станет в очередь, тогда будет знать, что к чему. Поняла?

– Понять-то поняла, но больше она не сможет дать. Нет у нее. Я пыталась еще выудить, не получилось.

– Ладно, давай сюда эти пять червонцев, – с неохотой вымолвила начальница.

Сандулина раскрыла сумку и вытащила сверток. Нона небрежно взяла его и бросила в выдвижной ящик стола.

– Нона, помнишь, я тебе говорила про одну женщину?

– Ты о многих говорила, разве все упомнишь. Кого ты имеешь в виду?

– Ну, про ту, которая дефицитные товары достает.

– Ах, эта. Помню. Что она хочет?

– Когда ты сможешь ее принять? Нужный кадр.

– Пусть зайдет завтра утром, в такое же время. Не болтливая она? Ты доверяешь ей?

– Что ты, Нона. Она битая, прошла огонь и воду. Надежный человек.

– Хорошо, иди. Мне некогда и тебе на работу пора.

Сандулина, тоненькая женщина с вьющимися волосами, работала начальником отделения связи. Однажды она пришла на прием к Белкиной

и попросила помочь в расширении жилплощади. В разговоре на разные темы они поняли друг друга. Нона решила ее проблему за три тысячи рублей. На этом знакомство не закончилось, в следующий раз Вера попросила помочь с квартирой для некой Мухиной. Договорились за пять тысяч. Честно расплатившись, Мухина также вошла в доверие к Белкиной. Такой бригадный метод приносил хорошие барыши не только Ноне Донатовне, но и посредникам. В частности, от Скупиной, дело которой решилось сегодня, Вера Сандулина получила семь тысяч рублей, но Белкиной отдала только пять.

На следующее утро, еще до начала рабочего дня, в кабинет Белкиной вошла крупная пожилая женщина и, тяжело дыша, села на стул.

– Марфа Кароедова, – представилась она. – Я от Сандулиной.

– Да, знаю. Что вас привело ко мне? Нужна помощь?

– Да. У нас в семье создалось трудное положение. В трехкомнатной квартире живем я, муж, дочь и зять. Очень неудобно. Они вечно ссорятся, нет покоя нам старикам. Хотелось бы разменять на две двухкомнатные. Можно и другие варианты.

– Я вас поняла. Подумать нужно, как вам лучше помочь. Ответ получите от Веры.

Это был вполне прозрачный намек. Кароедова хорошо поняла, о чем речь. Она долгое время работала в торговле, но, проворовавшись, очутилась за решеткой. В колонии она верховодила и имела кличку «Жаба». Через пять лет вышла по амнистии и с тех пор нигде не работала, промышляя спекуляцией. Имела связи с крупными базами, складами. Разъезжала по стране. Была ловкой, хитрой, хорошо разбиралась в людских пороках.

* * *

Нона Белкина почуяла вкус легкой наживы и окончательно уверовала в свою безнаказанность. При исполнении работала специальная комиссия по жилищным вопросам, но Белкина в ее дела практически не вникала.

Квартиры она продавала чуть ли не в открытую, решая все вопросы единолично. О неблагополучии в жилищном вопросе был информирован соответствующие инстанции, но все факты ими игнорировались.

Марфа Кароедова, по кличке «Жаба», проживала в трехкомнатной квартире площадью в пятьдесят шесть квадратных метров на четверых. По всем существующим нормам она не нуждалась в улучшении жилищных условий. Но после визита к Белкиной она испытала прилив оптимизма и через определенное время заявила к Вере Сандулиной за ответом.

– Все в порядке, Марфа! – обрадовала ее Сандулина. – Нона решила выделить тебе с мужем новую двухкомнатную в центре, а трехкомнатную можешь оставить за дочерью.

– Это же шикарно! – воскликнула Жаба. – Ты молодчина, Веруня!

– Но такие вещи даром не делаются, ты же понимаешь.

– О чем речь! Я ее озолочу. Скажи сколько?

– Пока денег ей не надо. Я объяснила ей, чем ты занимаешься.

– Все, что захочет, хоть с Луны достану! – с полуслова поняла все Кароедова.

– Для начала достань ей пальто импортное и туфли. И сама отнеси. Она примет, ты же умеешь обвораживать людей.

– Все сделаю, милая Вера. Она будет довольна, это я говорю!

На следующий день Жаба явилась к Белкиной на прием с тяжелой сумкой, где лежали импортная кофта, туфли, дорогое платье, пуховый платок, коньяк «Наполеон» и другие приятные мелочи.

– Ой, ну зачем же столько! – замурлыкала Белкина. – Я не могу это взять, скажите, сколько стоит, я заплачу.

Кароедова закивала головой и назвала копеечную сумму, которую Белкина тут же вынула из толстого кошелька.

– Если что еще понадобится, не стесняйтесь, Нона Донатовна, все достанем, – сказала Жаба подкупающим тоном.

Белкина задвинула сумку с вещами под стол и, подумав, сказала:

– Если будет возможность, присмотри мужское пальто. Размер 54, рост третий. И костюм попроще.

– Все замётано, Нона Донатовна. Когда будет готово, позвоню. Пусть ваш шофер заедет за товаром, так и для вас, и для меня надежнее.

– Так и сделаем. Ордер получишь на той неделе. За это не переживай.

– Вы просто моя благодетельница, не знаю, как вас благодарить. Большое спасибо. Можно нам уже перейти на «ты», раз уж так случилось?

– Конечно, Марфа, мы люди свои.

– Ну, пока, Нона, я побежала.

Вскоре Кароедова увидела свою фамилию в списке лиц, получивших квартиры в новом многоэтажном доме улучшенной планировки. В дальнейшем она могла в любое время являться к Белкиной как самый близкий человек, пользующийся абсолютным доверием. Вместе с Сандулиной она активно помогала «благодетельнице» распродавать жилой фонд. Алчность совершенно затмила разум Ноны Белкиной, она уже не могла остановиться.

* * *

Марфа Кароедова развернула бурную деятельность. Подарки и деньги рекой лились в кабинет Белкиной. За ними даже приходилось направлять служебную машину.

Совершенно потеряв чувство меры, Белкина набрала денег и раздала обещаний больше, чем могла исполнить. Назревал скандал. Взяткодатели стали давить на Кароедову и Сандулину, требуя или квартиру, или возврата денег. Поразмыслив над ситуацией, Вера Сандулина позвонила на квартиру Белкиной и, изменив голос, сказала:

– Вас беспокоит человек, работающий недалеко от вашей конторы и связанный с Кароедовой.

– Кто говорит? О чем речь? – не поняла Белкина.

– Я связана с Марфой, дорогуша, и вы знаете, о чем я хочу сказать. Я могу это более подробно объяснить, но в другом месте. Вам это понятно? – Сандулина положила трубку.

Белкина не на шутку встревожилась. Вскоре Сандулиной позвонила женщина, назвавшаяся Лидой.

– Хочу вам сообщить, что ордера скоро будут готовы, можете не беспокоиться, – ответила ей Вера. – В 9 часов 30 минут вас будут ждать.

В назначенное время Вера явилась в райисполком. Белкина как раз выходила из кабинета и дала знак следовать за ней.

– Почему ты позволяешь этой аферистке себя окрутить? – резко сказала она на улице, подойдя к машине. – Жаба становится опасной. Надо от нее избавиться.

– Как? Что ты имеешь в виду, Нона? – испугалась Сандулина. – Разве она провинилась в чем-то?

– Как хочешь, так и понимай! – Белкина хлопнула дверцей, и машина тронулась с места.

Ошеломленная Сандулина некоторое время гуляла по городу и пыталась понять, что происходит. «Если Жаба опасна для Ноны, значит, опасна и для меня», – рассуждала она. Но что случилось? Потом она пошла к Кароедовой, но дома ее не застала. Пришлось долго ждать.

Наконец, Марфа с большой хозяйственной сумкой, тяжело дыша, вывалилась из такси.

– Привет. Давно меня караулишь? Случилось что?

– Около часа жду.

– Что-то срочное? Ты очень взволнована, я вижу.

– Пойдем в дом, поговорим, – Сандулина пропустила ее вперед.

– Ну, выкладывай, – требовательно произнесла Кароедова, сев на диван и немного отдышавшись.

– Может, ты объяснишь, что у тебя стряслось с Ноной?

– О чем речь? Ничего не понимаю.

– Она не желает иметь с тобой никаких дел больше! Теперь понимаешь?

– Как это так? Она сама это говорила?

– Да, говорила, еще назвала тебя аферисткой.

– Она деньги в карман положила, а я аферистка? Я ей рога поотшибаю, стерва такая!

– Я к половине шестого иду к ней. Она обещала все ордера выдать. Но уже не могу ей верить.

– Я с тобой пойду.

– Может, не надо, Марфа? Зачем нарываться?

– Почему это не надо? Очень даже надо! С людей деньги получила, квартиры где? Так дело не пойдет! Я ей покажу, аферистка!

Немного выпив для храбрости, они вскоре направились в исполком. Секретарша сказала, что у Ноны Донатовны начальник телефонной станции Духренский, надо подождать.

– Ничего, пусть он подождет, а не я! – молвила Кароедова и, рывком открыв дверь, шагнула в кабинет.

– Что вы себе позволяете! – крикнула ей вслед секретарша.

Сандулина, открыв от удивления рот, осталась в приемной.

– У меня срочное дело! – громогласно заявила Кароедова. – Товарищ Духренский, вы можете идти, до свиданья! – она указала посетителю на дверь.

Начальник телефонной станции в недоумении крутил головой, не зная, что делать. Белкина моментально оценила ситуацию. «Эта сволочь может ляпнуть что-нибудь при Духренском», – подумала она.

– Ладно, Василий Вартанович, – сказала она сладким голосом, – мы потом продолжим наш разговор. Пожалеем пенсионерку. Можете идти.

Как только за Духренским закрылась дверь, Жаба взорвалась.

– Ну-ка скажи мне, стерва, кто из нас аферистка? Кто деньги в карман положил? Я или ты? А-а?! – Кароедова наступала на фаворитку Буханского.

– Успокойся, Марфа, что с тобой. Потише, пожалуйста, нас могут услышать.

– Ты сначала ответь, или я на всю улицу закричу! Я тебе покажу аферистку! Узнаешь, где раки зимуют!

Нона испугалась не на шутку. Она почти потеряла дар речи. На столе зазвонил телефон, она приподняла трубку и опустила. В это время в кабинет вошла Сандулина, и Белкина приободрилась.

– Проходи, Вера, садись. Тут мы беседуем с Марфой.

– Долго рассиживаться некогда, Нона, люди ждут. Они требуют или ордера, или деньги. Надо что-то делать, – сказала Вера, с озабоченным видом глядя на начальницу кабинета.

– Ты не отвлекай ее, Вера. Пусть сначала ответит на мой вопрос! – стукнула кулаком по столу Кароедова.

Нона лихорадочно соображала, как ей разрядить ситуацию. В кабинет с папкой бумаг вошел ее заместитель Кривоносов. Нона махнула рукой, давая понять, что занята. Встав, она подошла к столику, где стояли бутылки с минеральной водой, откупорила одну бутылку и налила в стакан. «Как поступить? – изнывала она. – Квартир свободных сейчас нет, что делать? Не возвращать же деньги!».

– Что вы, девчонки, ополчились на меня, – заговорила она жалобным тоном. – Вера не так меня поняла. Сорвалось с языка, с кем не бывает. Извиняюсь.

– Не-е-т! Не выйдет, красавица! – нажав на последнее слово, сказала Кароедова. – Вера все правильно поняла. Обманывать себя на гнилухе я не дам. Ты сама первая аферистка! Зажралась, сука!

– Марфа, хватит, остановись. Надо главный вопрос решить, – вмешалась Сандулина.

– Так она с нами уже не хочет дела иметь, вот какой вопрос! Она же так тебе сказала.

– Нам нужно знать, будут квартиры или нет. Если нет – немедленно деньги на стол! – потребовала Вера.

– Давай, холера, выкладывай! Люди ждут, – наступала Кароедова.

– Разве я отказываюсь? – защебетала Белкина. – Помилуйте, девочки! Даю слово, как только сдадим двенадцатиэтажный дом на набережной, ордера они получат. Или вы думаете, я что-то от вас скрываю? Не надо мне так на горло наступать. Я сама переживаю, объясните им положение. И меня тоже поймите.

Кароедова немного успокоилась и более спокойным тоном сказала:

– Добро. Так и порешим, – сказала она. – Но если будешь тюльку гонять, сразу узнаешь, кто такая Жаба. Пошли, Вера.

Довольная таким исходом Белкина проводила их до самой лестницы. «Рассчитаюсь с этими мерзавками и больше не стану с ними связываться, – решила она. – Других себе найду». О том, чтобы остановиться, она даже не и думала.

Белкина с большим трудом выбиралась из ситуации, в которую сама себя загнала от чрезмерной жадности. За полгода ей удалось выделить квартиры только двоим из числа тех, кто давал взятки. Оставалось еще восемь «потерпевших». Новый дом так и не был сдан. Строители нарушили все сроки, не завезли оборудование для монтировки лифтов, не завершили отделку.

Чтобы компенсировать «моральный ущерб», Кареедова потребовала себе досрочную пенсию в повышенном размере. Белкина помогла ей переписать год рождения с 1926-го на 1916-й и получить фиктивную трудовую книжку в жилконторе. Так амнистированная воровка Марфа Кареедова стала пенсионеркой с полным трудовым стажем. Она хорошо изучила характер Белкиной и знала, когда следует заливать соловьем, а когда задавать баню. Мечты Ноны Донатовны избавиться от нее не сбылись. Кареедова держала ее мертвой хваткой...

* * *

В производстве следователя Колмакова находилось несколько сложных, особо важных дел. По одному из таких дел срок следствия подлежал продлению свыше шести месяцев. В связи с этим он был командирован в прокуратуру СССР для продления срока следствия. При этом не забыл о деле Белкиной, захватил с собой.

Добившись аудиенции у генерального прокурора Александра Рекункова, следователь изложил суть проблемы и попросил содействия. Александр Михайлович как раз собирался в ЦК КПСС и доложил об этом деле секретарю ЦК, курировавшему правоохранительные органы. Это уже можно было считать победой. В Москве у Буханского было немало недоброжелателей. Ему тут же по красному телефону с гербом позвонили из ЦК и предложили незамедлительно снять Белкину с работы и отдать под суд. Это случилось в тот самый день, когда «дорогому Леониду Ильичу», давно уже выставленному на всеобщий позор, привинчивали на мундир третью звезду Героя Советского Союза.

24 декабря 1981 года карьера Ноны Донатовны Белкиной бесславно оборвалась. Внеочередная сессия райсовета единогласно освободила ее от занимаемой должности за злоупотребления по службе. Были сняты все ограничения по привлечению Белкиной к уголовной ответственности.

Эта своенравная нахальная женщина теперь на собственной шкуре почувствовала, что такое оказаться за бортом и слоняться без работы. Но она не теряла надежду, верила своему кумиру, который сумеет защитить ее и на этот раз. Белкину надо было лишить партийного билета сразу же. Но как это сделать?

Вопрос о партийности не могли решить без санкции сверху. Только 23 марта 1982 года она была исключена из рядов КПСС. Чтобы взяточ-

ницу заключить под стражу, следовательно пришлось потратить немало нервов. Прокурор Постников, находясь под давлением, не давал санкцию на ее арест. Следователю пришлось еще раз воспользоваться поддержкой прокуратуры СССР, на контроле которой находился ход следствия по данному делу.

...На допросах Нона Донатовна отвергала свою вину, кричала, что с ней сводят счеты. Однако имен не называла. Некоторые полагали, что она имеет в виду Суркова.

Буханский несколько месяцев не решался дать санкцию на арест Белкиной, а Постников продолжал бояться всего на свете. В конце концов Колмаков поставил вопрос ребром:

– Или заберите у меня дело, или санкционируйте арест, – сказал он прокурору области.

– Эх, или грудь в крестах, или голова в кустах! – воскликнул Никанор Пафнутьевич и трясущейся рукой вывел свою фамилию на постановлении.

5 мая 1982 года Белкина была заключена под стражу.

Ей предъявили обвинение в полном объеме. 63 человека получили квартиры за взятки через посредников. Лично Белкина получила на руки четыреста двадцать тысяч рублей.

Она не отрицала факт разбазаривания жилья, но заявила, что делала это из благородства, желая бескорыстно помочь людям.

– Прошу подробно рассказать об обстоятельствах выделения квартиры из двух комнат гражданке Скупиной, – задал вопрос следователь Белкиной.

– Я сейчас не помню, решение исполкома должно быть, как положено.

– Я могу напомнить, как все было. Хотите?

Белкина молчала. Она, конечно, помнила этот скандальный случай. Ей тогда пришлось изрядно попотеть, чтобы выбить жилье.

– Кто дописал фамилию Скупиной в решении № 63 от 3 февраля 1978 года о постановке граждан на учет?

– Не знаю такого факта.

– Вам предъявляется проект решения исполкома № 63, составленный и подписанный заведующим отделом по учету и распределению жилья Тамбриным.

– Ну и что из этого? – вертела Белкина документ в руке.

– Не понимаете? Здесь же нет фамилии Скупиной. Вот другой экземпляр того же решения, где вами дописана фамилия «Скупина Н. А.». Что вы скажете по этому поводу? Вашим почерком написано.

– Мне нечего сказать. Может быть и так, но денег я ни у кого не брала. Мне жалко людей, хотелось им помочь.

– А вам не пришло в голову пожалеть многодетных матерей или инвалидов, десятки лет ждущих очереди?

– Я всем помогала, как могла.

– Неужели сегодня, когда вы оказались перед свершившимся фактом и впереди вам ничего хорошего не светит, не испытываете чувства сожаления, раскаяния?

– Я сожалею. Многие, кому я помогла, теперь против меня выступают.

– Мне трудно поверить в вашу искренность. Оставим это. Лучше ответьте, какие у вас были взаимоотношения с Марфой Кароедовой?

– Не знаю такого человека! – повысила голос Белкина. – Не надо приписывать мне чего не было.

– Ни по одному эпизоду обвинения вы не признали себя виновной, дали ложные показания. Теперь мы вынуждены произвести очные ставки с вашими сообщниками и клиентами. Может, тогда вспомните их?

Белкина заметно побледнела, но не произнесла ни слова. Ей сделалось страшно от одной мысли очной ставки с подельниками. Колмаков вызвал конвоира, подследственную увели.

Следователь по особо важным делам Гурий Колмаков форсировал окончание следствия по делу о взятках. На очных ставках свидетели и соучастники изобличили Нону Белкину. Особенно колоритно прошла ее встреча с Кароедовой.

Марфе Стояновне был задан вопрос, знает ли она сидящую перед ней гражданку и какие у них взаимоотношения?

– Сидящая передо мной гражданка – Белкина Нона Донатовна, работала председателем райисполкома, знаю ее давно и находилась с ней в приятельских отношениях, – последовал ответ.

На тот же вопрос Белкина ответила:

– Сидящую здесь женщину видела раз или два. Она посещала исполком по вопросу улучшения жилищных условий. Я ее по имени и фамилии не знаю, никаких дел с ней не имела.

Белкина боялась проговориться, тщательно подыскивала слова.

После ответа Белкиной у Кароедовой надулись щеки, глаза налились кровью, она соскочила со своего места и кинулась на Белкину, как пантера.

– Ах, ты сука такая! Пороть чернуху решила! – Кароедова схватила Белкину и начала трясти. – Сколько я тебе на лапу совала! Лапошница хренова, быстро ты меня позабыла! Я тебе все припомню, гадина!

Колмаков с трудом оторвал старуху Кароедову от Белкиной и усадил на место.

– Вы где находитесь, Кароедова? Ведите себя нормально!

– А пусть она не врет, гражданин следователь. Я такое не потерплю. Я почти через день бывала у нее, спросите у секретарши Кати, она не даст мне соврать.

Белкина сидела бледная, потерявшая дар речи. Она все сильнее ощущала свое беспомощное состояние. Разница между служебным кабинетом, где она властвовала, и кабинетом следователя была большая. Нона не хотела смириться с этим. Она все еще надеялась на чудо. Думала, надеялась, верила, что шеф сможет вытащить ее из этого дерьма.

– Так как же нам записать, Нона Донатовна? Знаете вы Кароедову или как?

– Лучше бы не знала, – с горечью ответила Белкина после затяжного молчания. – Эта пройдоха выклянчила у меня квартиру для себя, я ей помогла, пожалела. Теперь видите, как меня же за горло хватает.

Среди прочих Кароедовой был задан вопрос о гражданке Мухиной.

– Где-то в июле 1980 года Белкина прислала ко мне домой свою секретаршу Катю, – последовал ответ, – с ней была эта Мухинина. Катя ушла. Я сразу же начала переговоры с Мухиной, ей нужна была трехкомнатная квартира в новом доме автокомбината. Сторговались за пять тысяч. На следующий день она деньги принесла с документами вместе. В тот же день я отнесла их Белкиной и положила на стол. Деньги были завернуты в газету «Труд». Нона быстро спрятала их в ящик и сказала: «Если даже не будешь брать взятки, люди все равно не поверят, так что лучше брать». Вскоре Белкина предложила Мухиной трехкомнатную квартиру в старом доме на улице Кирова, на шестом этаже. Ада Мухинина не захотела эту квартиру взять, заявив, что мы договаривались про новый дом. Месяцев через семь или восемь она получила что хотела.

Следователь зачитал эти показания, занесенные в протокол, и спросил Кароедова:

– Ваши показания правильно изложены?

– Точно так и было. Если не верите, спросите у Мухиной.

Марфа взяла ручку, нацарапала в протоколе свою подпись и откинулась на спинку стула.

– Вы слышали показания Кароедовой? – обратился следователь к Белкиной.

– Я показания этой мошенницы слышала, но отрицаю их полностью! Денег никаких от нее не получала. Мухинина получила квартиру по своей очереди. Больше мне добавить нечего.

– Кароедова, у вас есть вопросы к Белкиной?

– Да, имеется. Как она может нагло утверждать, что Мухинина получила квартиру правильно? Ни в какой очереди она не стояла. Это же ты вписала ее задним числом, подделав решение райисполкома! Зачем врешь, собака!

– Не нужно взаимных оскорблений, – потребовал Колмаков. – Это делу не поможет. Прошу вас ответить, гражданка Белкина.

– Мухинина стояла в очереди. Кароедова говорит неправду. Она, может быть, подговорила Мухинину меня оклеветать.

– Ах, ты, босявка! – зорала Кароедова. – У меня здесь что, приемная райисполкома? Это же ты, стерва, на свободе гуляла четыре месяца, всех подговаривала, подкупала. Теперь на меня свалить хочешь? Не выйдет!

– Прекратите сейчас же, Кароедова!

– Не нужно мне рот затыкать, гражданин следователь! Или хотите вытащить ее из грязи? Не получится! Пусть не врет!

– Перестаньте паясничать, Марфа Стояновна. На этом сегодня заканчиваем очную ставку. Продолжим разговор в следующий раз в более спокойной обстановке.

Арестованных увели...

* * *

Следователь Колмаков продолжал серию очных ставок. Они проходили остро, с взаимными оскорблениями. Белкина то и дело впадала в

истерику, отрицая все подряд, кидалась на своих обличителей с кулаками. Других серьезных аргументов в свою пользу у нее не было.

Среди прочего выяснилось, что Белкина дважды подделывала документы, удостоверяющие ее личность. Последний паспорт и партбилет содержали недостоверные сведения о ее возрасте. В них было указано, что Нона Донатовна родилась 25 декабря 1936 года в городе Нижнем Тагиле. Следователи нашли иной документ, где сообщался год рождения 1934-й. На самом же деле было установлено, что Белкина родилась 18 января 1930 года.

Уголовное дело растянулось на сорок томов. Больше всего Колмакова мучил вопрос, что такое преступление с участием множества действующих лиц происходило почти в открытую, а попались мошенницы, в общем, случайно. Сотрудники райисполкома не могли не знать о творившихся безобразиях. Они боялись своей начальницы и помалкивали.

Судебный процесс по делу о взятках закончился 2 ноября 1982 года. Белкина продолжала «стоять насмерть» и свою вину так и не признала. Несмотря на это, а также на свою центральную роль в преступной группе, она получила меньший срок, чем ее подельники. Белкину приговорили к восьми годам лишения свободы, Сандулина получила четырнадцать, а Кароедова – десять лет. В своей кассационной жалобе Белкина проливала крокодиловы слезы, клялась и божилась, что взятку не брала, а оговорили ее нечестные люди.

В газете «Известия» 20 января 1983 года появился фельетон Кази Алиханова «Взяточники», где речь шла о проделках Ноны Донатовны в должности председателя Октябрьского райисполкома.

Нонна Белкина и ее адвокат в кассационных жалобах требовали отменить приговор областного суда и дело в отношении нее прекратить за недоказанностью вины. Однако, кроме голословных отрицаний, аргументов не было. Тем более что Кароедова и Сандулина свою вину признали полностью и просили лишь о снижении меры наказания.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР под председательством А. Е. Меркушева 31 января 1983 года отклонила прошение Белкиной. Приговор вступил в законную силу. А 4 апреля в областной суд поступило сообщение о прибытии Белкиной в учреждение УО-68/3. В соответствии с законом суд вошел с представлением в Президиум Верховного Совета СССР о лишении осужденной всех наград: ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, медали «За доблестный труд». Указом от 15 июня Президиума Верховного Совета Нона Донатовна была лишена всех этих наград, подаренных без всяких заслуг.

Еще долго Нона Белкина с особо тупым, только ей присущим упорством слала из колонии жалобы во все концы, требуя оправдания. Раскаяние так и не затронуло ее душу. В этом и беда падшего человека.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Дети войны. Да, это мы, те, у кого война украло счастливое безоблачное детство.

Война. Страшнее нет слова. Оно подразумевает и слёзы, и горе, и несбывшиеся мечты, потери...

Конечно, мои воспоминания о войне, в силу возраста, очень смутные.

Она пришла к нам в село в конце 1942 года. Все в смятении, в страхе. В первые же минуты появления их в селе бомба упала к нам на огород и осколком ранила отца, только что вернувшегося с рытья траншей. Немцы поселились в нашем доме. И мы вместе практически со всеми жителями села отправились к родственникам в Нижний Курп. Раненого отца на тачке везли мой старший четырнадцатилетний брат и кто-то из соседей, а меня на плечах тащила старшая сестра. Смутно помню большое количество людей, которые в смятении уходили из обжитых домов в неизвестность. Но и здесь, в Нижнем Курпе, нам не удалось долго задержаться. Следом за нами здесь появились те, от кого мы уходили. Оттуда мы отправились в Хамидие, где проживала тётя, сестра моего отца.

В те же дни с нами, с обжитого места, не захотел уходить мой дядя. Он оставался в своём доме. Во время бомбёжки прятался под печкой. Во время одной из бомбёжек снесло дом, осталась одна печь, с торчащим дымоходом, и дядя под печкой, весь в пыли и саже, остался жив.

Жизнь в Хамидие тоже была не сладкой. Семья тети из семи человек и нас столько же. А еды и скарба у всех было не так много. Жили впроголодь, но помогала вера в победу, в скорейшее возвращение в родные места. Немцы были и в этом селе, но здесь их было не так много.

Когда, в январе 1943 года, немцев прогнали из наших краёв, мы вернулись домой. Оказалось, что возвращаться нам некуда, дом был разрушен, оставался один фундамент да засыпанный подвал.

В селе оставалось очень мало неразрушенных домов. Пока всем миром, помогая друг другу, не выстроили заново дом, мы жили у родственников, вместе с ними. А построить дом было не так просто. Надо было восстанавливать развалившийся колхоз, был голод, практически всё мужское население было на войне. На плечи женщин, детей и очень мало-го количества мужчин ложилась большая ноша: выжить, помочь выжить родным и близким. Взаимовыручку, взаимопомощь, ответственность перед родными проявляли и не по годам повзрослевшие дети. Мои родители принимали участие и в восстановлении разрушений, и в полевых работах, и в работе на животноводческой ферме. Одновременно в свободное время



делали саман для постройки нового дома, возили лес. Каждое новоселье в эти годы было большим праздником. Как счастливы были мы, когда поселились в нашем саманном доме, с ещё не просохшими стенами. Из заваленного подвала достали сохранившиеся предметы обихода. Тяга к жизни, преодоление всех трудностей, жизнь вопреки – это была ещё одна победа нашего народа в этой страшной войне.

В селе, как я уже говорила, оставалось мало неразрушенных домов, а также домов, чьи хозяева ещё не вернулись с село. Именно они и были приспособлены для продолжения обучения детей и подростков, чью учёбу оборвала война.

Я пошла в школу в 1946 году, в первый класс, уже 10-летней девочкой. Голод. Разруха. Не было одежды. Нашу семью постоянно выручало то, что моя мама была рукодельница. Как говорится, «из ничего могла сотворить чудо». Всё лето мы ходили в тканевых чуваках, которые она нам шила, зимой она из старых кирзовых сапог шила нам обувь. Обувь заполняли соломой.

Из любых лоскутков готовила одежду. Однажды, выйдя за водой, мама заметила в кустах кусочек материи. С опаской потянула за край и увидела, что это парашют. Распоров его, постирала и сшила мне из него платье, брату – шаровары, старшей сестре – сарафан. В этом платье я и пошла в первый класс.

Учителя школы – Герандоков Мухаметгери, Ашхотов Езид и другие, которые ушли на фронт, – не вернулись. В школе работало много приезжих учителей: Соболева Мария, Яковлева Мария, Еремчук Вера, Сахаров Алексей и многие другие.

В доме Дзагаловых были открыты два класса. Вместо парт стояли столы, сколоченные из досок. За одним таким столом мы сидели по шесть-семь человек. За нашим столом сидели Нюся Тимижева, Мирзова Лона, Ашхотова Люся, Емишева Хабаба, Гуважокова Марзидан.

Учились хорошо. За прилежность и хорошую учёбу к празднику нам подарили по половинке карандаша. Нашей радости не было предела. Тетрадей не было. Писали на клочках бумаги, на срезах газет. Вместо чернил использовали спелые ягоды бузины. Перья прикрепляли к самодельным ручкам – палочкам, приготовленным отцом из мягких сортов дерева. Было максимум два учебника на класс. Книги передавались из рук в руки. Домашнее задание старались выполнить до темноты, поскольку вечером за маленьким домашним столом было трудно разместиться всем. Кроме того, лампа, которой мы пользовались вместо керосиновой, была самодельной. Брели крупную гильзу, одну из сторон придавливали, сбоку делали отверстие и в него заливали керосин или солярку, а в придавленную сторону протаскивали вместо фитиля куски от старой шинели. Эти лампы были настолько непрочны, что задувались даже от нашего дыхания.

После выполнения задания меня со средним братом отправляли собирать зерна и колосья ячменя, которые мы разыскивали по всему полю после уборки урожая сухих колосьев. Мама очищала зерна, молола с

помощью ручной мельницы и готовила из них лепёшки, которые мы ели с топинамбурами. Готовили и пили травяные чаи.

Потихоньку мирная жизнь налаживалась, с трудностями, недоеданием и в лохмотьях, но – мирная.

Успешно окончив школу, поступила в 1957 году на факультет кабардинской филологии в КБГУ (я отношусь к первому выпуску КБГУ), окончила его в 1963 году и стала учителем кабардинского языка и литературы. Преподавала свой любимый родной язык в Верхне-Курпской средней школе пятьдесят четыре года. Никогда не предавала свою профессию и никогда не жалела о выбранном пути.

Шла мирная жизнь. Казалось, что в душе у каждого зажили раны, нанесённые проклятой войной. Но ужасающие последствия войны время от времени давали о себе знать. Сколько молодых ребят подорвались на минах, оставшихся на полях после войны. Ведь Курпские высоты – это места самых ожесточённых боёв. Это места, от которых врага повернули назад, не позволив им пройти дальше, к бакинской нефти.

Коснулась эта беда и моей семьи. 1968 год. Октябрь. Старший сын моего старшего брата учился в пятом классе, где я была классным руководителем, младший всего полтора месяца ходил в первый класс. В школе был объявлен сбор металлолома. Полную арбу привезли они тогда в школу и радовались, что им удалось собрать так много. Но они никому не показали свою страшную находку, найденную в поле мину. Дождавшись, когда дома не будет никого, мальчики решили достать из мины порох. Чтобы сделать пугач и, как и все мальчишки, играть в войнушку. Но удалось сделать всего несколько ударов, как взрыв неимоверной силы раздался со двора брата. Никто не мог понять, что случилось. Все бежали к дому Герандоковых, где произошло непоправимое. Когда рассеялся дым, нашли разорванное в клочья тело старшего мальчика. Младший, откинутый взрывной волной в недостроенный подвал, остался слепым на всю жизнь. Младший, Мухамед, прожил до сорока трех лет и ушёл из жизни в 2004 году. Несмотря на слепоту он сумел найти своё место в жизни. Он и работал, и получил высшее юридическое образование, был лидером в спорте (шашки, шахматы, борьба).

Много жизней унесла война, многие судьбы она исковеркала. Но не удалось ей сломить мужество и стойкость, сильную волю людей, которые любили свою землю. Свою родину. Именно эта любовь и вера в мирное светлое будущее и помогла им выжить и в годы войны. И в годы разрухи, и в голод, и в холод. Вот какие мы – дети войны!



Мусарбий ДАЦИРХОЕВ,

ветеран труда,

село Новое Хамидие

ОН НАШЕЛ СВОЙ ПУТЬ



В этот день малый зал Терекского сельского Дома культуры заполнили жители села. Здесь были и ветераны сельского хозяйства, и специалисты, домохозяйки, учителя и учащиеся местной средней школы, служащие и гости. По программе культурного учреждения проводилось мероприятие «Чествуем человека труда», и посвящалось оно заслуженному агроному республики Михаилу Мажидовичу Нибежеву, одному из самых уважаемых и авторитетных людей, чья трудовая деятельность прошла в этом селе. В зале было много его друзей, с которыми он учился и трудился, с которыми делил и трудности и радости. Сначала он коротко рассказал о себе, а затем присутствующие говорили о нем тепло и сердечно. У каждого было что вспомнить, о чем поведать собравшимся. Бывшие председатели колхоза Анатолий Хажуев, возглавлявший это хозяйство более семнадцати лет, ныне – член Общественной палаты парламента КБР, и Мухамед Кодзоков, долгое время возглавлявший Управление сельского хозяйства района; знатный кукурузовод, бывший звеньевой Къаншоуби Дадов, постоянный его соперник, бывший заведующий хозяйством Мухамед Тлеужев; друг детства и одноклассник Асланби Балкаров; глава местной администрации Заурбек Ханиев и другие, которые раскрыли все положительные качества Нибежева. О том, что он настойчивый и упорный, требовательный, но справедливый руководитель, трудолюбивый, доводящий до конца любое начатое дело, любитель и приверженец экспериментов и новаторства в производстве. Словом, обо всех тех качествах, которые принесли ему славу и уважение.

Как и миллионы российских детей, Михаил пережил трудные послевоенные годы. Отец, которого забрали на фронт в 1942-м, погиб в

том же году на полях сражений в Ростовской области. В их дом пришло горе. Маме Михаила, Намыца, овдовевшей, не достигнув и тридцати лет, одной пришлось поднимать пятерых детей. К сожалению, в раннем возрасте одна из дочерей ушла из жизни. Каких трудов это ей стоило, поймет только тот, кто был на ее месте. Работать в поле от зари до зари и выполнять домашние работы по уходу за хозяйством и за детьми вынуждены были все мамы и даже бабушки. Мише тогда шел только четвертый годик, а старшему было чуть больше двенадцати. А единственной сестре шел только пятый месяц. Нетрудно себе представить, каково было их матери. Но она сумела вырастить их, поставить на ноги, дать образование. Воспитала так, что все вокруг восхищались их поведением, отношением к старшим, заботой о матери, они выросли трудолюбивыми и честными. Чтобы облегчить труд матери, старший сын Петро был вынужден бросить школу после пятого класса и пойти работать в колхоз. Из него впоследствии вышел отличный широкопрофильный механизатор, классный специалист. Его имя всегда называли среди передовиков хозяйства.

– Отца я не помню – был маленьким, – говорит Михаил. – Но мама всегда повторяла, что нужно вырастить детей достойными отца. А отец был уважаемым и образованным человеком. До ухода на фронт он девять лет работал бригадиром в колхозе. Дядя Билял, старший из братьев, еще до войны отслужил срочную службу, женился на польке и уехал на ее родину. Хамид тоже был грамотным, окончил институт. Погиб в первый же год, как ушел на фронт. На отца мама получила извещение, он пропал без вести. Но потом оказалось, что он погиб в Ростовской области. Когда его призвали на фронт, их три месяца готовили в городе Моздоке. Мама тогда ездила к нему попрощаться, и оказалось – навсегда. К сожалению, я узнал о месте его захоронения поздно для моих лет. Был бы немного моложе, съездил бы на его могилу. В Мартыновском районе Ростовской области бережно и трепетно относятся к памяти погибших на их земле воинов 115-й кавалерийской дивизии, которая почти вся полегла на поле боя в степях.

С юных лет Миша полюбил родные поля. Научился прислушиваться к ним, заботливо ухаживать. Еще мальчишкой бегал на край поля, где мощная техника выполняла сельскохозяйственные работы, где железный конь переворачивал пласт за пластом землю, вдыхал ее запах, где мощные комбайны, сначала прицепные, а затем и самоходные, убирали выращенный хлеб. И радовался, когда его допускали к штурвалу, что имеет возможность наблюдать за умелыми хозяевами этой техники, чьим рукам она послушна. Он не мог дождаться, когда самостоятельно начнет работать.

Незаметно пролетели годы учебы в Терекской средней школе. И когда Миша окончил девятый класс, решил посвятить себя хлеборобской профессии и пошел работать в колхоз. Сначала ему доверили должность учетчика в бригаде, но недолго успел поработать. Когда его друзья, с которыми учился в школе, призвали в армию, семнадцати-

летним юношей пошел служить, прибавив себе два года. На службе показал себя волевым, стремящимся к успешному прохождению службы солдатом. В танковом училище получил специальность механика-водителя тяжелого танка, после чего их послали в Венгрию, где тогда происходили большие волнения. И здесь, как говорят, пришлось понюхать пороху. Даже смотрел в глаза смерти. Как участнику тех событий, ему вручили удостоверение, уравнивающее его в правах с ветеранами Великой Отечественной войны.

После службы Михаил проработал киномехаником в сельском клубе села. Тогда же и вернулся за парту и, днем занимаясь в школе, а по вечерам работая, окончил среднюю школу, получил аттестат с хорошими оценками. Немного поработал в колхозе учетчиком и, сдав успешно экзамены, поступил в 1963 году на агрономическое отделение КБГУ. Окончил его, не опираясь ни на кого, кроме своих знаний. В те годы практиковались выездные экзаменационные комиссии, и он вместе с тогдашним председателем колхоза Ханиевым Петром Магомедовичем и секретарем парткома Петром Мухадиновичем Макоевым сдали государственные экзамены на «отлично», а затем получили дипломы об окончании КБГУ.

Вскоре Михаила назначают заведующим хозяйством, где он показал себя не только отличным специалистом, но и хорошим организатором производства. Руководимое им подразделение получало высокие урожаи зерновых и других культур, что помогло колхозу в выполнении планов производства и поставок сельхозпродуктов. В соревновании между его хозяйством и хозяйством Мухамеда Тлеужева лидировали чаще. Когда руководство колхоза уже было уверено, что Нибежев способен и на большее, его назначили главным агрономом. В этой должности он проработал бессменно более двадцати трех лет. О его работе на этот период красноречиво говорят поощрения и награды, которыми отмечен его труд. В 1973 году ему вручают орден «Знак почета». Через три года – «Почетный диплом РСФСР». Его грудь украсили ленинская юбилейная медаль и медали «К 65-летию Великой Победы в Великой Отечественной войне», «К 60-летию Вооруженных Сил СССР». Его постоянно избирали в депутаты сельского Совета и в партбюро. Был пропагандистом и агитатором. Умел убеждать и вдохновлять людей.

В 1977 году, как только Михаила Нибежева назначили главным агрономом колхоза, его направили на курсы подготовки руководящих кадров Кубанского сельскохозяйственного института, откуда он вернулся с дипломом об их окончании. Он досконально знал все земли колхоза, изучил наиболее подходящие в наших условиях семена, освоил высокую технологию их возделывания. И успехи не заставили себя ждать. Хозяйство ставило перед собой высокие задачи и справлялось с ними. И к его наградам прибавились серебряные медали ВДНХ в 1988 и 1991 годах, и – «Победитель социалистического соревнования» за 1980 и 1988 годы.

Часто в колхозе испытывали высокоурожайные сорта кукурузы и технику по ее возделыванию Кубанского сельскохозяйственного института под руководством их специалистов. А колхоз этот был выбран не случайно – здесь всегда выращивали богатырскую культуру на больших площадях и получали высокие урожаи. Поэтому и стало хозяйство площадкой для испытательных работ. Это помогало собирать высокие урожаи, и колхоз продавал государству намного больше планового задания. Именно в те годы Михаилу было присвоено звание «Заслуженный агроном КБР», которого он удостоился в 1998 году. Вручал награду первый президент нашей республики Валерий Мухамедович Коков.

Человек, который все время находился в гуще людей, вел активный образ жизни, не может спокойно сидеть на пенсии. Его уважение и авторитет на селе высоки. Иначе бы его не избрали тамадой «Адыгэ хасэ» села. Еще у него есть хобби, которому он отдает свое свободное время – он прекрасно рисует акварелью и гуашью. Его красочные картины украшают не только его домашний зал, но он их дарит и друзьям, знакомым. Талантливый человек, действительно, талантлив во всем. Михаил еще пишет стихи и рассказы, часто выступает в местной и республиканской печати, поднимая актуальные вопросы, затрагивая все слои общественной жизни.

У Михаила прекрасная жена, с которой прожили в согласии сорок лет, и две замужние дочери. Старшая, Элита, закончила педколледж, она замужем за Хамовым Зауром, и у них два сына и дочь. Вторая дочь, Мадина, окончила сначала экономический факультет КБГУ, затем Московскую академию комплексной безопасности, юрист.

Михаил – из поколения людей, на чью долю выпали большие испытания, счастлив, что имеет замечательных домочадцев, всю жизнь занимается, и очень успешно, любимым делом в свободное время. Занимался любимой профессией много лет. Хочется пожелать ему дальнейшей счастливой и здоровой жизни.



ВОСПОМИНАНИЯ



Я родился 24-го марта 1935 года. Прекрасно помню выступление Молотова по радио о начале войны, мне тогда было шесть лет.

А в 1942 году, в сентябре, немцы зашли в наше село, как сейчас помню. В 1943 году, в начале января, после ночных бомбежек нашего села, утром немцы ушли, а затем пришли наши солдаты. 1943 году, в марте, вновь открыли Плановскую среднюю школу, и я пошел в первый класс, тогда брали восьмилетних. В 1945 году, когда закончилась война, на территории сельского Совета состоялся большой митинг. После митинга девушки танцевали в национальных костюмах, радовались долгожданной победе.

У меня и сейчас перед глазами – как нас, учеников, посылали помогать в колхоз, собирать колоски после комбайнов, и это продолжалось каждый год. В 1953 году окончил сельскую школу и поступил в пединститут. Но прежде чем поступить в вуз, проработал разнорабочим на железной дороге. В 1960 году окончил учебу. После окончания учебы работал учителем, затем директором школы. Долгие годы занимался воспитанием подрастающего поколения. В настоящее время нахожусь на заслуженном отдыхе.



Берберов Бурхан Абуясуфович родился 8 мая 1961 года в селе Терезе Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии.

В 1978 году окончил терезинскую среднюю школу. После службы в рядах Советской Армии в 1981 году поступил на режиссерское отделение музыкального училища (город Черкесск), которое успешно окончил. Позднее окончил ГИТИС (1988), Литературный институт им. А. М. Горького (1992) и специальный факультет Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (1993). Участник IX съезда молодых писателей СССР (Москва, 1989). Работал учителем в средней школе, корреспондентом республиканской газеты «Заман», преподавал историю балкарской литературы и фольклора в Кабардино-Балкарском государственном университете.



В настоящее время работает старшим научным сотрудником в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (КБИГИ). Кандидат филологических наук (2002), член Союза журналистов РФ (2000), член Союза писателей РФ (2006).

ОДЕЯЛО В КЛЕТКУ

Рассказ

Несколько растерянным взглядом Эльдар оглядывал свою комнату. С портрета на него смотрел отец в молодости, в военной форме, с высоким лбом, густой шевелюрой, с едва заметной улыбкой на лице. Школьные учебники по-прежнему стояли на полке, а на стене все так же висела карта мира.

Фотографии детства, железная кровать, шкура черной козы на полу вернули его в прошлое. На одном из снимков он был запечатлен укутанным в клетчатое одеяло. Из-под серо-голубого конуса торчала вихрастая голова мальчика, широко улыбающегося щербатым ртом. Он хорошо помнил этот день. Родители обустроивали саманный домик после возвращения из дальних краев, а он, сидя на камне, наблюдал за ними. Позже это одеяло вместе с керосиновой лампой, косами, вилами, ведрами и другими вещами увезли на летнюю кошару, и он больше его не видел...

Из окна он оглядел деревья осеннего сада – яблони, груши, сливы. Посмотрел на горы. Из летней кухни доносились запах хычинов и тихая песня матери. Эльдар по-настоящему осознал, наконец, что он в этом доме не гость.

Он взял в руки любимую книгу детства – о подвиге Прометея. Стал листать ее, и оттуда неожиданно выпала фотография Мадины. Ее светлые глаза по-прежнему смотрели на него нежно и вопрошающе.

– Вышла замуж твоя Мадина. Не судьба... – услышал он голос матери, оказавшейся рядом. – Сынок мой! С тех пор как ты ушел, ни одну ночь я полностью не смыкала глаз. А сегодня так хорошо спала, как заквашенное молоко. Одиночество – хуже врага. Тысячекратно благодарю Аллаха, который помог тебе живым и невредимым вернуться домой. Пусть пожар войны и ребенка врага не затронет. К счастью, ты отдал свой воинский долг. Глаза-брови целы, мало ли что случается, – сказала она и, тихо всплакнув, позвала сына завтракать.

Умывшись, Эльдар пришел на кухню и сел за стол. Мать следила за каждым его движением. В его облике угадывалась взрослость, которая раньше не замечалась.

– Ешь хорошо, мой сын, еда подкрепляет стержень человека, – сказала Мариям и поставила перед ним хычины. – Попробуй и бузу, какая получилась, сама приготовила. Без бузы у пищи нет вкуса.

Когда сын закончил трапезу, мать обратилась к нему:

– Эльдар, золото мое, у наших ворот одна петля сломана. Скрипит на всю округу. И соседи, наверное, стыдят нас. Если бы ты ходил на базар и купил новую петлю и гвозди, было бы хорошо. Заодно и город бы посмотрел, – сказала она.

Когда Эльдар, не спеша, вышел во двор, собака не узнала его и, злобно, с подвизгом залааяв, несколько раз сильно дёрнула цепь, пытаясь сорваться с неё.

Мариям удивилась:

– Прекрати, Бойнак, иди на свое место. Посмотри на него, своего хозяина забыл. Даже на чужого человека так не кидается. Не бойся, Эльдар, пока он не поумнеет, я его с привязи не спущу. А ты близко не подходи, какое доверие собаке?

Мать, провожая его, смотрела ему вслед и думала: «Единственный ребенок, души моей лекарство...»

Базар – как улей, растревоженный медведем, и люди, как пчелы, оставшиеся без пчеломатки, хаотично и беспорядочно ворочались одной темной массой, прикрытой неясным гулом голосов и шорохами неоформленных мыслей. Эльдар, почему-то не решаясь пройти вглубь базара, походил по краю, выискивая петли, гвозди.

Выставленные по рядам продавались новые и старые вещи... Казаны, ведра, сита, деревянные лопатки для перемешивания каши, подковы, тулупы, окна, двери, столы, стулья...

Спустя некоторое время взгляд парня зацепился за одеяло, косо брошенное на забор. Его отличала необычайная окраска. Такой цвет можно увидеть лишь утром после дождя на чистом небе. Бирюзовый цвет одеяла по горизонтали и вертикали был расчерчен широкими полосами цвета свинца. Эльдар, увидев это, немного отпрянул, отошел назад. Как будто не в силах шагнуть вперед, он оглядывался по сторонам. Но вскоре, отмахнувшись от одеяла, вспомнил о просьбе матери и быстрыми шагами двинулся дальше.

Картофель, морковь, кукуруза, свекла, куры, цыплята... Игрушки, куклы, мячи, ружья, пули, тела, души, кровь, купля-продажа, жизнь,

смерть, лошади, верблюды, вагоны, время... Эльдар сам не заметил, как, сделав круг, он снова оказался перед тем же одеялом с клеточными узорами. Не решаясь дотронуться, глядел на него долгое время. Подойдя ближе к продавщице, потрогал одеяло на ощупь. Посмотрел хорошенько, повертел в руках. Ладонью повел, как бы выискивая на нем свинцовые полосы. С удивлением следившая за всеми странными движениями молодого человека старушка спросила:

– Что тебе нужно, сынок?

– Вот это одеяло, – ответил Эльдар.

– Конечно-конечно, кто возражает. Не сильно новое, но тепло, наверное, еще не ушло, еще получишь пользу. Не хочу грех на душу брать, то там, то здесь износилось, есть местечки даже, где моль поела. А так качество очень хорошее. Сейчас где найдешь такое одеяло? Со времен моего детства сохранилось. Мама моя, бедная, говорила, что оно из верблюжьей шерсти. Возьми, не пожалеешь, дитя мое.

Эльдар молча заплатил. Неясно ощущая нечто, вновь неожиданно вернувшееся в его жизнь, он аккуратно свернул одеяло, засунул под мышку и принес домой.

В обед, когда Мариям с двумя ведрами яблок вошла в дом, Эльдар спал в своей комнате. Подойдя поближе, она увидела на нем странное одеяло цвета золы.

«С каких пор он стал засыпать в световой день? Не видно, что он чем-то болен», – заволновалась она.

Однако лицо сына излучало умиротворение. Этот спокойный сон ее радовал, но странное, непонятно откуда взявшееся одеяло смущало. К тому же, когда она вышла к воротам, то увидела, что они, как и утром, висели на одной петле. Мать вернулась на кухню и, стараясь не громыхать утварью, начала готовить ужин, однако ощущение неясной тревоги, или даже лёгкого беспокойства – не покидало её.

Неожиданно вошел Эльдар. Он был похож на человека, который отдохнул от большого, тяжелого труда.

– Сын мой, проснулся? Как сходил на базар? С чем вернулся? И откуда на тебе это странное одеяло, которого у нас в доме сроду не было? Я в жизни не видела такого странного одеяла, что за клетки на нем нарисованы? К тому же оно не новое. Откуда оно?

– А мне оно нравится.

* * *

Утром следующего дня Мариям поймала белоголовую курицу с хохлом и, сжимая в одной руке нож, подошла к дверям и позвала сына.

– Душа моя, давай на обед приготовим куриный бульон.

Она вручила курицу и нож Эльдару. Отчаянно кудахтанье курицы – надрывное «как-как-как» – заполнило двор. Он, схватив курицу за обе ноги, опустив ее головой вниз, не спеша, пошел в сторону сада и присел на корточки.

Внезапно взгляд утреннего солнца окрасил деревья в красный цвет. Они как будто воспламенялись от огня, и дрожащие на осеннем ветру

листья напоминали летящие искры. Горящие деревья, окружая, казалось, готовы были упасть на него. Эльдар почувствовал мгновенную слабость и поспешил закрыть лицо руками, отпустив курицу и бросив на землю нож. Курица, вырвавшаяся на свободу, с радостным кудахтаньем понеслась к остальным птицам, копошившимся у навозной кучи.

Когда Эльдар вошел в дом, мать подбирала мелкие щепки и готовилась развести огонь.

– Мама, приготовь мамалыгу, я не хочу куриный бульон, – сказал он.

– А, чтобы твоя душа никогда горя не видала, оказывается, ты сожучился по мамалыге. Надо было с самого начала сказать. Разве трудно ее приготовить! Мука, айран есть, – сказала она.

* * *

...В одно утро Мариям заметила, как побелели горные вершины. В дыхании осени уже чувствовался холод зимы.

– Сынок, наши яблоки могут замерзнуть. Кроме самых верхов, как смогла, так убрала. Как хороший сын, сорви остальное. Помнишь, как в детстве про тебя говорили, что на дерево ты лазаешь, как белка, – сказала мать и заулыбалась.

Эльдар надел широкий свитер, края его заправил в брюки.

Мариям, наблюдавшая за ним, удовлетворенно вздохнула:

– Значит, не забыл, как раньше собирал яблоки.

Эльдар ловко залез на большое дерево и, оглядываясь по сторонам, начал проворно собирать яблоки за пазуху. С высоты село было видно как на ладони. С гор стекавшая река Баллы (Медовая) заметно потемнела и сверху напоминала солдатский ремень. На другой стороне села всадник подгонял своих овец. Когда Эльдар перевел взгляд на свою улицу, перед его глазами встала необычная картина. Его ноги дрогнули, и парень чуть не сорвался с ветвей. Кто-то, накинув на себя одеяло с клеточными узорами, уходил по горной дороге вниз. Эльдар, долго не раздумывая, быстро слез с дерева, перескочил через забор и, не жалея сил, побежал за мужчиной. Тяжело дыша, он догнал его и резким движением сорвал с него одеяло. Тот опешил и, отшатнувшись назад, со страхом посмотрел ему в лицо. Эльдар, не произнося ни слова, вытащил из-за пазухи все яблоки и наполнил ими переметную суму нищего.

Когда с накинутым на плечи одеялом Эльдар резко открыл скрипучие ворота и ворвался во двор, мать остолбенела:

– Сынок, ты же был в саду! Это старое одеяло я, как милостыню, дала тому нищему. Одно подаяние спасает от тысячи бед. Ладно, если вернул себе, пользуйся на радость, – сказала она, неумело скрывая свою растерянность.

Всю ночь Мариям качала полной раздумий головой: «Аллах, обереги моего ребенка от несчастья». Повторяя молитвы, она дождалась утра. На рассвете мать отправилась в селение Кушэль к сестре Забиде.

– Забида, сестра моя, кто, кроме тебя, у меня есть, чтобы сокровенные мысли, тревогу высказать?

– Ой, Аллах, что за спешка? Что случилось?

– Эльдар. Что-то непонятное у него в душе творится, совсем изменился он. Что делать, что думать – не знаю. Ходит, весь в себе, не знаю, чем его обрадовать, не угадываю, чем огорчаю.

Она, всплакнув, ничего не скрывая, рассказала обо всем, что ее волновало.

– Э, девушка, ты, оказывается, сошла с ума. Не у Эльдара, а у тебя голова помешалась. Курицу она дает парню в руки!

Забида весело рассмеялась.

– Курицу оставь себе, а ему вручи красивую девушку, – прекратив смеяться, женщина внимательно посмотрела в лицо сестре и заговорила серьезным тоном: – Мариям, сестра моя, все болезни твоего сына от этого пройдут. Ему надо привести в дом жену, надолго не откладывая. Жена в доме – покой в душе.

Мариям немного пришла в себя. И глаза у нее радостно заблестели. Забида задумчиво нахмурила брови.

– Погоди, погоди, у моей соседки Малики есть очень хорошая девочка. Хоть я говорю «девочка», она уже работает в школе учительницей. На нее много парней заглядываются. Я познакомлю Лейлу с Эльдаром. На дело, которое откладывается, снег выпадает, говорят же. Прямо завтра приведи Эльдара ко мне. Как говорится, лишь бы они увиделись, остальное я беру на себя.

* * *

Лейла с подругой Фатимой сидят за столом, рассказывая смешные истории Эльдару. Забида, кружась вокруг них, как наседка, время от времени приносит гостям угощения.

– Я специально для вас пеку халву. Вы еще не знаете, какая я мастерица! – сказала она, немного кокетничая.

Спустя некоторое время послышался ее голос:

– Фатима, пойдем со мной, поможешь мне, почему-то халва не схватывается. Прямо, как песок, разваливается, – сказала Забида. Превращая нарочитый обман в шутливую игру, она, смеясь, увлекла соседку на кухню.

Лейла коротко, но пристально посмотрела на Эльдара и, уже уводя взгляд в сторону, отметила про себя и его прямые широкие плечи, и то, как особенно ладно сидит на нём одежда.

– А можно тебя пригласить к нам в школу? Было бы здорово, если б ты пришел в военной форме и рассказал детям об армии. Им это будет интересно. Придешь, да? – спросила Лейла, еще раз внимательно взглянув в глаза Эльдару.

* * *

Во дворе у Элияевых идет большой той¹. Мелодия гармони заполнила весь мир. Счастливой Мариям кажется, что сегодня вода поет, что деревья танцуют. Во дворе кипят котлы. Слышны здравицы.

¹ Той – свадьба, торжество (карач.-балк.).

Эльдар, окинув взглядом подшучивающих над ним друзей, встал из-за стола и молча вышел во двор. Посмотрел на звезды. Во дворе все отчетливее слышались звуки гармонии, возгласы танцующих. Он незаметно пробрался к лестнице, прислоненной к стене дома, и взобрался на чердак. Его руки нащупали какой-то странный предмет. При лунном свете, присмотревшись, он узнал колыбель своего детства. Эльдар попробовал покачать пустую скрипучую зыбку. Рядом с колыбелью он приготовил себе место и лег, набросив на себя одеяло с клеточным узором. В полудреме его слух улавливал шум горной реки, свадебный перепляс, молитвы матери...

...Перед его глазами плыли далекие земли, холодные вечера. Плотными, тяжёлыми рядами маршировали солдаты. Вздрагивая от размеренного слитного шага, укрывая землю собой, взлетали в небо необъятные стаи птиц. Их хватило бы на весь мир. А когда он открыл глаза, перед ним была всего лишь пустая колыбель. Сон это или явь, он так и не понял.

...Далеко за полночь дом Элияевых охватила какая-то смутная тревога. Наконец, известие о том, что Эльдара не могут найти, дошло и до Мариям. Она вспомнила, что во время свадьбы вместе с лишними, ненужными вещами вынесла на чердак и одеяло с клеточными узорами. Долго не раздумывая, она взяла в руки масляную свечу и поднялась по лестнице. Предчувствие ее не обмануло: Эльдар спал, завернувшись в одеяло. И тут же железные линии одеяла, отделившись от ткани, зажали-заковали сердце Мариям, заставив ее горько вскрикнуть. Звезды неожиданно приблизились к ней и зависли перед глазами. Превозмогая боль, женщина тронула рукой плечо спящего.

– Мама, что случилось?

– Я тебя ищу. Пошли домой.

– Дома шум, грохот, много людей.

– Ты песни, танцы шумом называешь. Народ собрался на твою свадьбу. Сегодня все здравицы посвящаются тебе, твоему счастью.

Мариям крепко обняла своего сына.

Эльдар посмотрел вдаль. Вся округа медленно заполнялась светом, идущим то ли от показавшейся из-за туч полной луны, то ли от первых лучей солнца, слабо озарявших вершины гор.



НАРОДНОМУ ПОЭТУ КЧР БИЛАЛУ ЛАЙПАНОВУ – 60

Билал Лайпанов родился в 1955 году в Кыргызстане. Ему было два года, когда карачаевский народ вернулся из сталинской ссылки, и вырос он уже на своей исторической родине. Окончил среднюю школу в горном ауле Кызыл-Кала, работал несколько лет на заводе в селе Учкёкен. Его первые стихи увидели свет в областной газете, когда Билал учился ещё в четвертом классе. После службы в армии, в 1977 году, он поступал на философский факультет МГУ. Вот как он сам пишет об этом в своей автобиографии: «Успешно сдал все экзамены, но каково же было мое удивление, когда в списке зачисленных не нашел свою фамилию. Прошли ребята, которые хуже меня сдали экзамены, а я – нет. Для меня, 22-летнего молодого человека,



который приехал покорить Москву, это было серьезное испытание. Я решил не сдаваться и, по совету земляка, который учился там и с которым я успел подружиться, решил обратиться к Алиму Кешокову. Творчество Кешокова – и стихи, и прозу – я знал хорошо. Да и кто не знал Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова – высокие вершины литературного Кавказа. Так вот, я имел наглость обратиться к одному из этих авторитетов – к Алиму Кешокову (он тогда заведовал Литературным фондом СССР) со своей «бедой» и заодно решил показать свои стихи – некоторые были переведены на русский язык, большинство сопровождалось подстрочными переводами. Когда я вошел в кабинет Кешокова, он что-то писал. Встал, пожал мне руку и стал внимательно слушать. Я, смущаясь, сбиваясь, рассказал свою проблему с поступлением, а также попросил посмотреть свои стихи. «Вот что сделаем, многострадальный мой земляк, ты погуляй часик, а потом заходи. К этому времени я разужнаю, что к чему, и заодно ознакомлюсь с твоими стихами». Я пришел через пару часов. Кешоков встретил меня с обаятельной улыбкой и сказал: «Ты не прошел, потому что ты беспартийный. А на философском факультете на это обращают внимание. Но, как говорится, «всё, что ни делается – всё к лучшему». Мне так кажется. У тебя есть, без всякого сомнения, творческое начало. С таким поэтическим даром тебе надо учиться в Литературном институте. Я могу написать и рекомендацию. Но в этом году уже поздно – творческий конкурс уже закончен. Но в следующем году – чем могу, помогу. Договорились?» Потом Алим Пшемахович вызвал какую-то женщину и сказал: «Этому молодому, но очень талантливому поэту выдайте деньги, чтобы он купил пишущую машинку».

Я был ошеломлен таким отношением, и стало стыдно: наверное, мои рукописные стихи Кешокову нелегко было читать, а почерк у меня не очень разборчивый. В Литературный институт я поступил через год, зашел поблагодарить Кешокова и потревожить ещё одной проблемой, которая касалась «реабилитации» великого нашего певца и поэта Исмаила

Семенова. Была ещё одна встреча с этим великим человеком, в 1984 году. На этот раз я обратился с просьбой защитить моего кабардинского друга Гумара, который, защищая честь и достоинство девушки, подрался с пьяным мужчиной, а тот оказался сотрудником органов. Алим Пшемахович позвонил куда надо, и вопрос был рассмотрен объективно и решен справедливо.

Больше с Алимом Кешоковым я не встречался, но память о нем, как о благородном человеке и прекрасном писателе, осталась на всю жизнь. После встреч с такими людьми и самому хочется стать чище, выше, мудрее, относиться к другим так же внимательно, как это делали великие люди пера, ярким представителем которых был Алим Кешоков.

Молодому Лайпанову везло – его талант заметили и другие великие личности: Кайсын Кулиев, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов. Вот что они писали о талантливом карачаевском поэте:

*Аскер Додуев,
народный поэт КЧР*

* * *

«Я прочитал его довольно объемистую рукопись. Что мне показалось главным? А вот что: Билал Лайпанов – Поэт! Это мой главный вывод. Он по-настоящему талантлив. И к нему мы обязаны относиться как к таланту...».

*Из отзыва Кайсына Кулиева на рукопись
Билала Лайпанова «Тополя».
Чегем, 8 января 1984 г.*

* * *

«С большим вниманием я ознакомился с вышедшими номерами карачаево-балкарского журнала «Ас-Алан», за что бесконечно благодарен моему молодому другу, как его я называю – «моему коксайскому земляку и единомышленнику» Билалу Лайпанову, с которым незадолго до своей смерти меня познакомил как с надеждой карачаево-балкарской поэзии сам Кайсын Кулиев. Все ближе знакомясь с творчеством Билала, я убеждаюсь в прозорливости великого Кайсына: он безошибочно распознал в нем большого поэта и своего преемника – такого же правдолюбца и чистого человека, каким был он сам».

*Чингиз Айтматов,
Брюссель, 17 июня 2002 г.*

* * *

«...В 1956 году репрессированный народ получил право возвращаться из изгнания на историческую родину. Ты вместил чувство ренессанса в свои стихи, и оно придало им трехмерность, присущую подлинному искусству – историческую глубину, широту настоящего и высоту будущего. Ты не ушел в обиду, хотя она никогда не забудется. Память – да, но не злопамятность мы должны воспитывать в сознании новых поколений. Об этом все твои произведения и твой журнал.

Ты много уже сделал для формирования возрожденческого сознания тюркских народов, которое помогает им определить свое достойное ме-

сто в планетарном порядке. Самым достойным я всегда желаю – жаса!
В казахском это слово несет два смысла – «живи» и «твори».

Жаса, мой друг Биал!
Твой Олжас Сулейменов.
Париж, 12 апреля 2005 г.

Этот год – юбилейный для Биалала Лайпанова. Желаем ему здоровья и творческих успехов. Предлагаем нашим читателям подборку его стихов «Но оглянись – мир ещё не разрушен» в переводах Аркадия Тюриня, прекрасного русского поэта, переводчика.

НО ОГЛЯНИСЬ – МИР ЕЩЁ НЕ РАЗРУШЕН

ПОЭЗИЯ – ОЗЕРО...

Поэзия – озеро, Открывшее глаза. Сердцем пью из него Отражения, Ладонью черпаю Свое лицо Из глубины. Велико ли озеро, Не знаю, Но, когда пою,	На другом берегу Огни загораются. Может, я не пророк, Чтобы перейти его Посуху, Но за всю жизнь Обойду без посоха Пространство моего голоса. А там – стану Озером, открывшим глаза...
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------

ВЕЛИМИРУ ХЛЕБНИКОВУ

Тебе дана судьба простая: Что б ни было, вперед идти И таять, медленно вращая В изгибы вечного пути.	Дорогой вечною измучен, Ты стал, забвенью вопреки, Одной из солнечных излучин Великой жизненной реки.
Идти, покуда хватит силы, Лицо от ветра не тая, По краю собственной могилы, Туда, где гибель ждет твоя!	Ты был грядущего предвестник, И не остался позади: В порыве к будущему песня Взлетела из твоей груди.

СВЕТ, МУЗЫКА И КРОВЬ

Свет должен падать слева,
И музыка должна литься
Ему навстречу,
Как кровь из ран сердца...

ТРАВА

Как тяжело жить, зная,
Что когда-нибудь
Вместо волос
Трава прорастет из твоего
Черепа...
Зато умирать будет легче,
Зная об этом.

ПАДШАЯ КРАСОТА

Обломки неба в грязных лужах...

КОГДА ПЛАЧЕТ ПРИРОДА

Листаю Библию, Коран
Нетерпеливою рукою.
Кровоточащая от ран,
Душа стремится лишь к покою.

Но отвечают тишиной
Все книги на мои вопросы.
И вдруг я слышу за спиной
Деревьев хор многоголосый.

Ветвями шепчется в окне
Сама природа, мать-богиня,
И горько плачет обо мне,
О младшем, неразумном сыне.

ЧТОБЫ ВСПЫХНУЛ ОГОНЬ СОВЕСТИ

Иногда

Ненавижу свои слова,
Поступки.
Ненавижу себя!
От злости, стыда

Стисну зубы, закрою глаза...
Время нанизывает дни мои
На стержень разума,
И вонзает его
В мое сердце,
Чтобы вспыхнул огонь
Совести.

ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Падая, срубленное дерево
Пытается ухватиться за звезды.

ГОСТЬ

Что за гость – то ли малая птица
В приоткрытом окне замерла,
То ли ангел хотел мне присниться
И дыханьем коснулся стекла?

Кто бы ни был, он послан мне Богом,
Одинаково радуюсь я,
Если слышу шаги за порогом

Или вижу в окне воробья.
Он спустился ко мне прямо с неба,
Не затем, чтобы душу спасти.
Не спугну: накрошу ему хлеба,
Приглашу – отдохни, погости!

Если выйдет мне с домом проститься
И угаснет навеки очаг,
То пускай лучше божия птица
В нем живет, а не кровный мой враг.

Постаревший, вернусь, и у двери
Развяжу свой дорожный мешок,
Подойдут осторожные звери
Разделить мой последний кусок.

Только звери невинны, как дети,
Только им я способен простить!..
Если дом опустел на рассвете,
А они забрели погостить.

Что за тень промелькнула в окошке?
Ангел в облике голубя там?
Иль другой воробей ищет крошки,
За недавним впорхнув по пятам?

Прошумели не крылья над крышей.
Эту птицу уже не догнать.
Блудный сын поздней ночью услышал,
Как молилась и плакала мать.

ПЕЧАЛЬ

В опустевшем гнезде ласточки
Поселилась печаль.

ДВА ВЗГЛЯДА

Взглянула девочка
Поздней осенью
На голые тополя,
И показались они ей
Вонзенными в землю метелками,
Которые чистят небо.

А теперь, когда
Обожгла любовь,
Узнает в этих тополях
Себя:
Улетели сомненья,
Как сухие листья,
А сердце
Открылось всему миру.

ОСЕНЬ

Время листья в кучи собирает
И сжигает человеческим огнем.
Побледневшие деревья
Поднимают к небу лица,
И следят, как улетают
День за дымом,
Дым за днем.

Смерть мечты своей зеленой
Со страданьем видят клены.
И, наверно, жаль березам
Их пылающих сердец.
Неподвижные деревья
Онемев, запоминают,
Как их листья дымом тают,
Как золой они взлетают,
Растворяясь, обретают
В бесконечности конец.

У костра играют дети.
Их невинными устами
Время весело смеется
Над деревьями пустыми,
Над раздетыми кустами.
Вопреки земной печали,
Как легко мы произносим:
«Осень».

ЖИЗНЬ

Чтобы насытиться жизнью,
Надо умирать от любви.





Тертычный Иван Алексеевич – автор шести книг стихотворений («И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь», «Лунный снег», «Живая даль») и книги прозы («Чёрная бабочка с белой оторочкой»). Известен также как переводчик с языков народов России и ближнего зарубежья. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» (2002) и им. Николая Гумилёва (2012), международных конкурсов «Ак Торна – «Белый журавль» (2011) и им. А. Н. Толстого (2012). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Предлагаем нашим читателям рассказ из его новой книги «Зоосад».

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Весь вечер и всю ночь на улице шумно колобродил западный ветер. Он был так резок и напорист, что невольно представлялось: ещё одно усилие, ещё один порыв – и оконные стёкла брызнут мельчайшими осколками внутрь, кромсая темень гостиничного номера, и воздушный поток хлынет густой волною, сметая всё на своём пути.

Владимир Владимирович упрямо пытался прогнать вон это тягостное ощущение: поплотнее прижимал край одеяла к ушам, нарочно вспоминал идиллические картинки из детства – и вроде бы убаюкивал себя, погружался в тёплый туман сна... А потом вдруг снова просыпался и снова долго засыпал...

Утром городская округа выглядела по-новому: дома, окружающие площадь, обрели свои прежние черты, многодневная поднебесная наволочь бесследно пропала и в слабо подсвеченной с востока выси воцарилась холодная луна.

Путь зиме был открыт.

Владимир Владимирович расстегнул серое пальтецо, поправил пересекающий грудь наискосок ремень чёрного портфеля и направился через пустынную площадь к вокзалу.

Кепку он нёс в руке, подставляя тщательно выбритую голову текучей прохладе, бодрящей, пахнущей невидимым снегом, и, кажется, от избытка утренней радости что-то тихонько декламировал, может быть окончание своей любимой строфы: «Какая это славная привычка – идти с восходом к утренней реке!» Или же – что-то другое, в подобном духе.

В вагоне, как он и предполагал, народу оказалось не так уж много; активная фаза отпусков закончилась вместе с исходом русского лета,

и передвижение в пределах отечества стало делом легко исполнимым: деньги – билет – поезд (самолёт). В купе он и вовсе был один; правда, на следующей станции, часа через три-четыре, у него появились соседи: он и она, лет двадцати пяти – двадцати восьми; он – тихий, малоприметный, русоволосый, она – яркая кареглазая брюнетка, крепкая телом.

Владимир Владимирович, едва они вошли, отложил в сторону электронную книгу и вышел в коридор, давая новым соседям возможность расположиться.

Бессмысленно глядя на обнищавшие к ноябрю лесополосы, сопровождающие железную дорогу и шумно бегущие по ней поезда, машинально отмечая попутные селения на безвестных полустанках, маячащие на возвышенностях ажурные вышки ретрансляторов сотовой связи, Владимир Владимирович ещё раз мысленно окинул сделанное им за дни недолгой командировки и подытожил: всё в общем-то нормально, предприятие будет эффективно развиваться да и...

– Простите... – За спиной, в проёме распахнувшейся двери, стоял сосед. – Простите... – повторил он. – Вы не могли бы составить нам компанию? Я и жена вот...

Составить компанию, да ещё в дороге, с незнакомыми людьми – это, во-первых, не про него; в двадцати шагах, кстати, ресторан – это во-вторых; в-третьих, полчаса назад он подкрепился холодным цыплёнком табака, благоразумно прихваченным утром в буфете гостиницы. Но в лице и глазах молодого соседа было столько откровенного простодушия и в то же время спокойного достоинства, что Владимир Владимирович, улыбнувшись, снизошёл с высоты своих сорока лет к предложению попутчиков и шагнул в купе.

– Сергей.

– Я – Женя.

– Владимир.

На столике, на трёх бумажных тарелочках, лежали по два апельсина. В центре красовались большущие антоновские яблоки, тускло мерцали серебряные стопочки. Как говорится, классический дорожный вариант.

– Что вы будете? – спросила Женя и взглянула на мужа.

– Да, есть варианты... – уточнил Сергей. – Есть хороший коньячок, «Хенесси». Но я, к примеру, предпочитаю в дороге текилу. Из агавы, конечно.

– Я присоединился бы ко второму варианту, но вам может не хватить запаса, а в вагоне-ресторане будет ли...

– Мы же, Володя, давно мечтали об этой поездке – добраться по железной дороге чуть не до Каспия, а потом на теплоходе – вверх по течению – до дома. Ну вот и прошёл по магазинам, выбрал подходящий напиток с расчётом на все дни путешествия, даже с некоторым запасом. Так что не волнуйтесь...

Текила и впрямь оказалась неплохой (в хмелящих напитках Владимир Владимирович разбирался основательно), беседа – спокойной и

ненавязчивой, с естественными паузами. Мало-помалу выяснилось, что эта бездетная парочка два-три раза в год путешествует по старинным городам, заповедникам и прочим любопытным местам, что Женечка, опытная яхтсменка, работает в каком-то спортивном клубе, Сергей же дорос, благодаря упорству и трудолюбию, до места какого-то начальника на предприятии по производству сантехнического оборудования. Владимир Владимирович, Володя, не стал вдаваться в подробности своих рабочих обязанностей, обозвав их бумажной тягомотиной, зато с охотой поделился впечатлениями от увиденного в деловых и отпускных поездках; тут его собеседники и вовсе размягчились, заулыбались, мол, как же славно, что у них у всех есть такое замечательное увлечение.

Когда Владимир Владимирович вышел в коридор, чтобы размять уставшее от долгого сидения тело, Сергей последовал за ним и, покурив в тамбуре, встал рядом у окна. Мелькали низенькие платформы, безликие станционные постройки, тёмные кирпичные трубы заглохших заводиков, несчётные растрёпанные деревья и кусты лесополос, холмистые сырые поля – привычная невесёлая осенняя картина.

– Знаете, Володя, когда мы вошли в купе, а вы ненадолго вышли... Знаете, что я сказал Женечке? Я сказал ей, что с нами едет необыкновенный человек. А тут ещё ваш томик Басё на столе... И Женя, кстати, сразу со мной согласилась. «Да, у него, – говорит, – такое лицо и такие глаза...» Простите, что говорю это вам, как говорится, прямо...

Владимир Владимирович коротко и цепко взглянул на соседа: что это? Неловкая шутка? Или?.. Но сосед, похоже, не шутил.

«Ах, вон оно что!.. И это немедленное предложение составить компанию, и этот странный пиетет...»

Владимир Владимирович едва не рассмеялся вслух – звучно, от души. Нет, хорошо всё-таки, что сдержался, иначе бы обидел и Сергея, и его милую жену. Пусть оно наивно, простодушно, такое вот поспешное суждение о нём, но это ведь издержки молодости и неопытности, скорее всего. Стоит ли над этим смеяться...

Владимир Владимирович позволил себе лишь чуть улыбнуться и неопределённо махнуть рукой.

– Может быть, пора нам, Сергей, вернуться в купе и продолжить игру в наши... шашки?

Сергей распахнул перед ним дверь.

Что же знал он сам о себе? О масштабе, так сказать, своей личности. Да, он классный профессионал – диплом с отличием, выданный лучшим вузом страны, многолетнее самообразование, почти двадцатилетний опыт работы – с изрядной зарплатой; в определённом смысле оригинал, поскольку со студенческой скамьи всерьёз занимается восточной поэзией (китайской, японской), её переводами на русский, теперь, по признанию давно убелённых сединами специалистов, он крупный авторитет в данной области. Но ведь это всего лишь его трепетное увлечение, может быть, даже страсть, может быть, он действительно талантлив и достиг каких-то

успехов в этой области... Кстати, томик стихов Басё – его переводы. Но думать о своей особой необычайности – смешно. А милые ребята – ох-охо!.. Чудаки, да и только. Его друг Паша, ехидна, поиздевался бы над ним вволю, узнав о таких попутчиках... Естественно, Володя не даст ему такого повода...

Поезд, отскрипев, отстучав, отщёлкав своё на ветвящихся станционных стрелках, наконец-то плавно остановился, и Владимир Владимирович, нахлобучив крапчатую кепку, бодро шагнул на платформу. Постоял, стряхнул с рукава соринку – и на этом его бодрость кончилась. Он побрёл по перрону к подземному переходу, привычно представляя, как через пять минут такси помчит его по выстуженному ветрами проспекту домой, как жена, распахнув дверь, молча прошмыгнёт в дурацком ярком халате на кухню, как придёт вскоре дочь, бросит на пол рюкзачок с книгами, скажет ему: «Привет, пап!» – и поскорее удалится в свою комнату, к компьютеру, как вслед за ней появится сын и, кивнув ему, отправится в свою комнату. А он, не раздеваясь, сидя в кресле посередине кабинета, будет смотреть на осеннее серое небо и ни о чём не думать...

Владимир Владимирович остановился, словно его настигла какая-то неожиданная мысль. И скорым шагом вернулся к только что покинутому им своему вагону. За стеклом третьего от двери окна стояли, взявшись за руки, его молодые попутчики. Они словно ждали его. Они смотрели на него во все глаза... Как же это было здорово – ехать вместе, втроём!

И у него так странно защемило сердце; ему вдруг захотелось такого же, как у них, простого, наивного счастья, и он растерянно, глупо заулыбался и неопределённо махнул рукой.



Береговой Алексей Григорьевич – прозаик, публицист, член Союза писателей России с 1992 года, председатель правления Ростовского регионального отделения СП России. Награжден Почетной грамотой Союза писателей России «За вклад в современную русскую литературу». Живет и работает в Ростове-на-Дону.



ОФИГЕТЬ!

В автобусе совсем мало пассажиров.

Я сижу у окна, разглядываю медленно проплывающую улицу.

На одной из остановок в автобус входят мужчина лет тридцати и девочка лет четырёх. Мужчина садится рядом со мной, а девочка быстро забирается ему на колени и начинает без умолку говорить. Обо всём сразу, но быстро и правильно. Что-то объясняет отцу, о чём-то у него спрашивает. Тот в ответ лишь счастливо улыбается.

«Болтушка, – улыбаюсь и я. – Но как болтает!»

На одной из остановок автобус почему-то задерживается, хотя обмен входящими и выходящими пассажирами уже закончился.

Девочка какое-то мгновение молчит, и вдруг я слышу громкое:

– Офигеть! Чего он стоит?

На секунду тишина, и она уже с искренним возмущением:

– Чего не едет? Офигеть!

Пассажиры в салоне смеются.

– Где это ты научилась таким словам? – спрашивает пожилая женщина с сиденья напротив нас.

– Я ещё и не такие знаю! – бойко говорит девочка. – Хотите, скажу?..

– Нет, не надо, – под смех пассажиров спешит ответить женщина.

А я думаю: «Соображалка, как черта характера, закладывается в человеке в раннем детстве».

Настроение эта девочка всем подняла своей искренностью и чистой мыслью...

ПУТАНИЦА

За праздничным столом компания женщин среднего возраста разговаривают о Рождестве.

– Была выставлена библейская композиция, и так здорово были сделаны и хлеб, и ясли, где родился Иисус, и даже овечки, как настоящие! – говорит одна из женщин.

– При чём здесь овечки, если сейчас год Лошади? – неожиданно возмущается другая.

Все дружно смеются.

А мне не смешно. Никто из этих женщин и не заметил, что эта реплика не просто проявление глупости или несообразительности – это продукт радикального перевоспитания нашего мышления торгашами ради их наживы, и в головах наших сограждан уже густо перемешаны российские национальные ценности и чужеродные, привитые насильно понятия, – перемешаны так, что мы уже легко принимаем одно за другое.

Пришла только мысль: «А ведь не зря же Иисус изгнал торговцев из Храма! И кто теперь изгонит их из нашего Храма – России?».

РАДИ КАРЬЕРЫ

Сидит стерва с микрофоном одного из телеканалов в руке и тычет им в лицо пятилетнего ребёнка (его только что привезли с Украины), требует рассказать, что он чувствовал во время бомбёжки. Ребёнок нервничает, почти плачет, дрожит от страха. Но что ей до того? Ей надо отличиться – выдать редакции «горячий материал», пусть даже ценой психики ребёнка.

Такие деятельницы сами никогда не рожают, детей не любят – они делают карьеру любой ценой, не соображая, что и как.

Ведь беспринципным и тупорылым, на самом деле, живётся на свете гораздо легче.

ОБМОРОК

Ростовская байка

Некий ростовчанин, ну скажем, по имени Андрей, в советское время работал на мясокомбинате и однажды украл свежее коровье вымя. Спрятать было некуда, поэтому тщательно вымытое вымя он завернул в газету и засунул за пояс брюк, сверху прикрыл рубашкой «навывпуск» и так успешно миновал охранников на проходной.

Дело было в середине лета, и в трамвае № 4, которым он поехал домой, народу было довольно много, хотя давки или толкучки не наблюдалось, и Андрей, держась за висячий поручень над рядом сидений, неожиданно заметил, что стоящая рядом с ним женщина средних лет бросает в его сторону и куда-то вниз какие-то странные, косые взгляды, в которых явственно светилось нехорошее любопытство.

Андрей проследил за её взглядом, – тот явно вёл к ширинке его собственных брюк, одна из пуговиц на которой расстегнулась и из неё сантиметра на полтора предательски выглядывало нечто интересное, которое, по всему, и вызвало любопытство соседки по вагону трамвая.

«Сосок от вымени торчит, – догадался Андрей, – газета размокла...»

Что делать? Засовывать коровий сосок назад и застёгивать ширинку на глазах у всех было бы слишком, и Андрей не растерялся. Спокойно, с безразличным видом он достал из кармана брюк перочинный нож, медленно раскрыл его, зажал в ладони, а потом второй рукой вдруг быстро оттянул торчащий сосок и, резко махнув ножом, отхватил его и выбросил в открытое окно трамвая.

– О-о-ой! – услышал он рядом полный ужаса, сожаления и страха стон женщины и, повернувшись, увидел её на руках пассажиров в глухом обмороке.

Но пора уже было выходить...

ПЕРЕПИСАЛ «ТИХИЙ ДОН»

Писатели шутят

Об этом случае мне рассказал мой друг, ростовский прозаик Геннадий Селигенин, который в середине восьмидесятых годов работал главным редактором многотиражной газеты завода «Красный Аксай», потому повествование будем вести от первого лица:

«Однажды в солнечный летний день в мой кабинет в редакции газеты вошёл человек средних лет с портфелем в руке. Он снял соломенную шляпу, обмахнул широким носовым платком пот на лбу, в ответ на моё приглашение присел на стул, потом достал из жёлтого портфеля довольно толстую папку, распустил завязочки и положил папку мне на стол. В папке скрывалась толстая пачка листов с отпечатанным на машинке текстом.

– Вот! – удовлетворённо произнёс незнакомец и снова вытер пот со лба носовым платком.

«Рукопись», – уже догадываясь, с тоской подумал я, но спросил вежливо:

– Что «вот»?

– Я написал книгу и хочу, чтобы вы её напечатали.

В советское время редактор должен был быть корректным и терпеливым, чтобы не давать повода жалобам. Открываю папку, начинаю читать:

«Мелеховский двор – на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше – перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона...»

Достаю с полки томик Шолохова. Да, даже эпиграфы те же...

– Так это же «Тихий Дон», – говорю удивлённо.

– Он, – соглашается посетитель.

– Но «Тихий Дон», кажется, написал Михаил Шолохов.

– Ну и что? У Шолохова свой вариант, а у меня свой. Я переписал роман, – уже слегка раздражённо говорит посетитель и смотрит на меня, как на полную бестолочь.

– Вы переписали «Тихий Дон»?

– Да. Мой вариант гораздо лучше.

– Но ведь всё тут слово в слово.

– А вы прочитайте всю рукопись и увидите разницу.

Ситуация складывалась тупиковая, но из неё надо было как-то выходить.

– Знаете, у нас заводская многотиражка, всего две полосы, чтобы напечатать роман, потребуется года три-четыре. Я на такое пойти не могу. Вы пошли бы, например, в журнал «Дон» – солидное литературное издание, за два-три номера они бы вас напечатали.

– Я только оттуда. Ответственный секретарь журнала Игорь Михайлович Бондаренко сказал, что только вы можете напечатать мой роман, дал мне ваш адрес и послал сюда.

«Ну, удружил!» – подумал я, хорошо зная пристрастие к шутке Игоря Бондаренко и уже ощущая потребность в «месте». Но ведь и то важно – способность редактора благополучно вырулить из трудно разрешимой ситуации, даже если и с помощью шутки над друзьями.

– Извините, но напечатать я вас не смогу, – уже не очень дипломатично говорю я посетителю, собираясь принять от него обычные в подобных случаях слова.

Но он уходит почему-то молча...

Второй вариант «Тихого Дона» в печати так и не появился. Но, может, именно в таких источниках и зарождаются негативные слухи о творчестве великого писателя?..

ПОКАТАЛИ

Один из военных аэродромов Прикарпатского военного округа, на котором базировался полк лёгких бомбардировщиков «Як-28».

Самолёт этот небольшой, на самом носу – кабина штурмана, сверху – как у истребителей, – кабина пилота. На крыле висят два реактивных двигателя, почти всё брюхо фюзеляжа занято бомболоками. Экипаж состоит из лётного: пилота и штурмана, и технического составов: техника и механика.

В одном из экипажей проблема: молодой, чернявый техник самолета, лейтенант Шимко, очень хочет хотя бы раз полетать на своём «Яшке» и постоянно надоедает летунам просьбами «прокатить его хоть раз...».

Но куда его посадишь в столь неприспособленный для пассажиров самолёт?

Наконец лётчик, командир экипажа капитан Семёнов сдался:

– Хорошо, полетишь... Но сидеть тебе придётся на бомболоке. Там ни хрена не видно, свет, правда, мы можем тебе включить.

– Ничего, ничего, – обрадовался Шимко. – Мне лишь бы почувствовать, ощутить полёт на реактивном бомбардировщике!

На том и порешили.

Как положено, дали Шимко шлем с наушниками, ларингофон для переговоров, приладили какую-то дощечку на бомболок. Тот влез в брюхо самолёта, упёрся ногами и спиной в его стенки, и створки бомболока закрыли.

В этот раз самолёт выпускал механик. Зафиксировал фонарь кабины пилота, убрал колодки, ну и так далее...

Запустили двигатели.

– Ну, поехали, – услышал Шимко в наушниках. – Техник, как ты там?

– Нормально! – радостно отозвался он, всем телом ощущая радостный рёв двигателей, и самолёт начал движение.

Как всегда, на минуту самолёт задержался перед стартом на взлётной полосе и, наконец, Шимко услышал ответ командира диспетчеру:

– Есть взлёт!

Снова взревели двигатели, самолёт опять начал движение. Грохот в фюзеляже стоял неимоверный, Шимко ничего не слышал, естественно, ничего не видел. К тому же неожиданно погасла небольшая аварийная лампочка.

Вдруг грохот прекратился, двигатели миролюбиво запели, самолёт больше не трясло.

«Взлетели...» – понял Шимко и вздохнул облегчённо. Теперь оставалось только ощутить блаженство полёта.

– Высота триста метров, – как бы подтверждая его мысли, прозвучал в наушниках голос штурмана. – Пятьсот... Тысяча... Три тысячи...

– Идём на цель! – приказал голос командира.

– Есть, на цель! – отозвался штурман.

Прошло ещё немного времени, и голос штурмана доложил:

– Выходим на цель...

– Приготовиться к бомбометанию! – снова приказал командир.

«Какое бомбометание, – как-то вдруг тоскливо подумал Шимко. – И бомб-то никаких нет... Шутят, наверное... Или положено так при учебном полёте...»

– Вышли на цель, – снова доложил штурман.

– Сбросить бомбы!

– Есть, сбросить бомбы! – радостно отозвался штурман, и створки бомболюка открылись... Шимко дико заорал, шлепаясь на бетонку из разверзнутого нутра стоящего самолёта где-то с высоты одного метра – такое примерно расстояние от бетонки до фюзеляжа этого самолёта. Двигатели «Яшки» работали на самых малых оборотах...

Когда лётчики, смеясь, выбрались из кабин, они увидели механика, который молча и оцепенело смотрел на... совершенно белую голову лейтенанта Шимко, – тот сидел на бетонке, спрятав лицо в ладони...

Потом, конечно, были разборки. В советское время такие случаи не проходили даром.

Наказали всех: и шутников, и причастных по службе к экипажу. Кого-то перевели в дальний гарнизон, кого-то отстранили, кого-то уволили. Одно можно было вынести из этого события: понимание того, что умение круто пошутить – ещё не признак большого ума...



ПЕТРУ КАЖАРОВУ – 90



Петр Кажаров принадлежит племени кабардинских писателей и поэтов, которые пришли в литературу в конце 50-х годов. С самого начала своей литературной деятельности он с достоинством и профессиональным мастерством выполняет взятую на себя нелегкую миссию воспитания словом. У него нет ни одного стихотворения, не озаренного светом душевного тепла и доброты. Бесхитрость, отсутствие лукавства, светлые мечты – это язык его поэзии. Самобытный поэт, он никогда не стремится к многословию, никогда не сходит с главной своей авторской позиции: говорить правду, какой бы горькой она ни была.

Петр Хаибович Кажаров родился 7 ноября 1935 года в селении Арик Терского района КБР. После окончания семилетней сельской школы учился в республиканской школе-интернате в г. Нальчике. В 1954 году поступил на историко-филологический факультет КБГУ. Получив высшее образование (1959), начал работать редактором-сценаристом на Кабардино-Балкарской студии телевидения. С сентября 1959-го по декабрь 1981 года работал редактором художественной и детской литературы издательства «Эльбрус», а затем главным редактором детского журнала «Нур» (1982–1997). На XI съезде писателей республики Петр Кажаров был избран членом правления Союза писателей КБР и творческой комиссии по кабардинской литературе. Затем – ответственным секретарем Союза писателей КБР. Член Союза писателей СССР (1971). Он награжден медалью Президиума Верховного Совета СССР «За освоение целинных и залежных земель» (1957, 1958), медалью «За вклад в развитие советской литературы», знаком «Отличник печати» (1978), Почетной грамотой Госкомиздата республики. За заслуги в области литературы и искусства Петру Хаибовичу присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ» (1995).

На протяжении всего творческого пути Кажаров с основательной скрупулезностью исследует духовный мир своего лирического героя. В центре его пристального внимания человек с радостями и бедами, удачами и поражениями, вечными поисками и находками. Лирический герой поэта привлекателен своей неуспокоенностью, бескорыстием, постоянным поиском чего-то нового, манящего своей неизведанностью.

В его поэзии большое место занимают циклы, в которых свежее отражение находят и приметы родного края, и нестареющие обычаи горцев, и неповторимые песни старины, и сложная духовная жизнь современников. Лейтмотив этих стихов – светлая, очень человеческая мечта героя быть полезным людям.

Значителен вклад Кажарова и в развитие кабардинской детской литературы. Большую роль в этом деле сыграла его редакторская деятельность

в объединенной редакции детских журналов. Кажаров – автор сказок, написанных легким, красивым речитативом, с использованием исконно адыгской детской лексики.

Он также автор либретто оперы «Волшебная груша» (1996; муз. А. Казанова), а также либретто оперы «Лесная сказка» (1995; муз. Х. Карданова). В соавторстве с Х. Шекихачевым им написано либретто к музыкальной комедии «Тайна сердца» (1984; муз. З. Жирикова). Петр Хаибович – автор более двухсот песен, полюбившихся народу.

Петр КАЖАРОВ

Из цикла «Дороги»

1

Тихо и уютно мое жилье.
А вдаль бежит дорога,
властно маня...
Верхом на хворостинке –
детство мое,
верхом на неоседланном –
юность моя.
Ночевал под звездами,
сосчитать их мог..
А теперь, пожалуйста, потолок,
А теперь, пожалуйста,
окна, дверь.
Вдаль бежит дорога
без меня теперь.
Надо мною властен
дымок жилья,
что же, значит, здравствуй,
зрелость моя?
Ах, еще б немного
поозоровать,
из чужого сада
яблоко сорвать...

2. Дорога

Когда она ведет сквозь горы
нас к радости,
она легка.
А ивы смотрятся в озера
веселые, как облака.
Но если нас к беде дорога
ведет,
ты присмотришь, она

глуха, кремниста и убога,
как бы предчувствия полна.
В ней нет беспечного задора
она пустынна и дика.
А ивы смотрятся в озера
печальные, как облака.
И камни темными глазами
глядят на нас,
в них замкнут крик...
Быть может, будь у них язык,
«Остановись!» они б сказали.

3. Травы

Травы, травы,
придорожные тихие травы,
вы жестоки и горьки,
вы овеваны пылью сухою.
А ведь, может, в душе
вы добры и лукавы.
Но не знает никто,
что у вас за душою!
Вам бы тоже хотелось
в час весенний, смятенный,
чтоб явила судьба вам
великую милость
и на вашей груди
приютила влюбленных,
чтоб от ласковых слов
голова закружилась...

4. Почему?

Дорога –
в солнце и в ненастье близка ты сердцу моему.
Как тихая сестра, близка.
Я сам не знаю, почему
ты так длинна, дорога к счастью,
и так ты к горю коротка...

ОЖИДАНИЕ СЧАСТЬЯ

Мы идем – друзья и враги.
Он делает шаг,
ты делаешь шаг,
я делаю шаг –
слитный гул у земли в ушах.

Жизнь считает наши шаги
и неведома ей тишина.
И чем больше считает она,
тем больше их позади,
тем меньше их впереди.
Нам не терпится, нам не сидится,
не шагается нам, а летится,
нам бы крылья,
помчимся, как птицы,
обгоняя грома в облаках.
Наши годы мелькают, как спицы
у вязальщицы ловкой в руках.
И под солнцем ли, под дождем
мы всегда чего-нибудь ждем.
Ждем, когда наступит весна.
Ждем, когда приготовят обед.
Ждем, когда любимой уста
вместо горького «нет»
скажут нежное «да».
Ожидание в нас поет,
входит в сердце, как в собственный дом
Ждем, когда у нас дочь подрастет,
рождения сына ждем.
Ждем не день и не ночь,
Ждем года и года,
Ждем, чтоб их миновала болезнь и беда,
Чтобы стала невестой дочь.
И чтоб сын наш джигитом стал,
чтоб коня оседлал.
Чтоб в осенние светлые дни
подарили нам внуков они...
А крылатые годы летят.
Оглянись, поседел ты крепко,
и морщины твой лоб бороздят.
О, как сладостно ты и терпко,
ожидание счастья!
И чаще
жизнь дарит нам тебя, чем счастье.
И, быть может, совсем не случайно.
В том, быть может, и есть ее тайна.
Не балованы мы, не спесивы...
И за дар ожидания счастья,
жизнь, спасибо тебе,
спасибо...

ПУТЬ К ОСТРИЮ

Вы знаете, как ловят перепелок?
Шаг косарей-ловцов тяжел и долог.
Но клин их все сужается, гоня
птиц к острию,
где скрыта западня.
Неотвратим и медлен клин суровый.
Он, как судьба.
В конце его – тоска.
Взмах.
Снова взмах.
И снова взмах. И снова...
Мечитесь, птицы.
Ваша смерть близка!
Когда я вижу злого человека –
как будто звон косы над головой.
И страх на миг мои смыкает веки.
О страх извечный перед западней!
И сердце словно выпрыгнуть готово.
Нет слов.
Да разве здесь поможет слово?
Взмах.
Снова взмах.
И снова взмах. И снова...
Я всматриваюсь в лица.
Разны лица.
В них доброта и мудрость мне видней.
Но злые лица разглядеть сумей:
какая-то печать на них ложится.
Путь к острию
на них усмешкой бродит.
И в щелках глаз заключена беда.
Путь к острию...
Он даром не проходит.
Он не проходит даром никогда!

МОЛЧАНИЕ

Двое шли молчаливо.
Лишь ее каблучки стучали.
О, как было красноречиво
их доверчивое молчанье!
Шли они.
И молчали.

И все-таки говорили.
Не глазами и не устами.
Слов они не искали,
слова приходили сами.
Откуда они приходили,
на это я не отвечу.
Может,
нежность шла между ними,
обняв их детские плечи?
Тихий озябший ветер
и высокое светлое небо...
Вдвоем они были на свете.
И ничего больше не было.
Мир молчал.
Всеми птичьими голосами
и гудками автомобилей.
Милицейскими даже свистками
мир молчал.
А они говорили.
А я шел за ними, скорбя,
полон зависти и чистоты.
И жалел,
что это – не я.
И жалел,
Что это – не ты.



ПАМЯТЬ, ЖИВУЩАЯ В ПОКОЛЕНИЯХ

7 ноября текущего года коммунисты республики вместе с общественностью КБР отметили 98-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. На многолюдном митинге у памятника Владимиру Ильичу Ленину, посвященному этой исторической дате, выступали те, которые душой преданы этому делу, и те, которые и в наше время становятся сторонниками идеи социализма.

Обращаясь к участникам митинга, первый секретарь комитета КБР КПРФ Борис Паштов отметил, что ряды сторонников пополняются из года в год не только старшим поколением, но и последующими. Он также отметил, что скоро будут отмечать и 100-летие Великого Октября, символизирующего собой важнейшую веху в истории нашего государства и всего прогрессивного человечества.

«Образованный из множества народов с верой в прекрасное будущее Советский Союз стал колыбелью нашего общества социальной справедливости», – сказал Борис Паштов, – открыл новые горизонты для реализации возможностей всего трудового народа и каждого человека в частности. За время своего существования советская власть сделала возможными всеобщее образование, бесплатную медицину, охрану материнства и детства; и многие достижения этих лет стали воплощением братства и справедливости; идеалов добра и равенства.

Все это отстаивали в труднейших условиях коммунисты во главе с Владимиром Ильичем Лениным и его соратниками, побеждая внутренних и внешних врагов, изумляя мир стойкостью народов, их верой в будущее».

На этом митинге зачитал, в связи с годовщиной Октября, резолюцию секретарь регионального отделения партии Замир Канаметов. Затем собравшиеся возложили цветы к подножию памятника вождю пролетариата.

Жанна Кандорова







От переводчика

После Первой мировой войны Сирия оказалась под мандатом Франции, но, к несчастью, с начала 20-х годов стала ареной кровавых межэтнических, религиозных распрей. В эту страшную смуту были вовлечены и десятки тысяч черкесов, оказавшихся в Сирии вскоре после окончания Кавказской войны. Французские власти, безрезультатно используя танки, орудия и даже авиацию в военных действиях против смуты, обратили внимание на удивительные военные навыки черкесов, сумевших через многие десятилетия после своего переселения сохранить их. Французы сформировали из этих черкесов особые эскадроны и мобильные отряды, сыгравшие исключительную роль в установлении мира и порядка в многострадальной Сирии. На многие десятилетия черкесы, славившиеся своими героизмом и доблестью, стали героями многочисленных газетных и журнальных репортажей, рассказов и воспоминаний участников и свидетелей их подвигов. Франция по сей день хранит благодарную память о них.



Каральби Мальбахов

Мы предлагаем нашим читателям рассказ командира черкесского эскадрона – французского офицера Жака Циммермана, опубликованный в журнале «Marianne» в 1934 году. Кстати сказать, он был автором многочисленных статей и репортажей о черкесах, за что даже получил в 1938 году главную европейскую премию журналистики.

В САДАХ ДАМАСКА
ВМЕСТЕ С ТРИДЦАТЫМ ЧЕРКЕССКИМ ЭСКАДРОНОМ.
АБДЕРАХМАН И ХАРУН АЛИ (1926)

– Тупая физиономия! – дружески произнес Фахлен, хлопая его по плечу. Абдерахман тихо смеялся и подобно эху, довольный, повторял единственные французские слова, которые никогда не забывал:

– Да! Я, тупая физиономия!

Тем не менее, он очень хорошо понимал речь Фахлена, но, добрая душа, не обижался на них и забывал лишь дружескую интонацию обращения.

Физически он резко выделялся среди черкесов. Это племя произвело два типа людей. Наиболее безупречный – большой, стройный и тонкий, с белым цветом лица, орлиным профилем и черными как смоль волосами, изящный и гибкий, как борзая.



Назим-Али.
Пост Замангата

Другой, как правило, маленький, более коренастый, с круглой головой, монгольскими скулами и бульдожьей силой.

Но Абдерахман?

Тяжеловесный и деревенского вида, с весьма выразительными глазами на безбородой и с выступающими челюстями физиономии альбиноса – силоцефала. Чуб белокурых волос, выбивающихся из-под очень узкого талпака, добавлял его фигуре комичности. Осознающий свою физическую невзрачность, он старался исправить ее относящимся к одежде изяществом. Оно заключалось в роскошном мундире, зашнурованных гамашах, вышитых и перевышитых патронташах, наконец – висящем на пряжках невероятном хламе, в котором гранаты соседствовали с цепочкой для часов из красной меди, пистолеты, карманчики для обойм вместе с брелоками и поддельными брошками, что, как можно предположить, было куплено у сомнительного торговца за смехотворные цены.

Уже несколько часов, как я был прикомандирован к эскадрону, и моей первой заботой стало посещение блиндажей и районов состоявшихся и будущих операций.

Я начал свой обход с недавно установленного в Баб-Мукаллахе поста.

Командир не без тревоги знакомится с отрядом, командование над которым на себя берет, если думает, что несет ответственность за жизнь, за смерть или просто за благополучие незнакомых ему людей. Нет ничего более волнительного, чем эта первая очная ставка! Люди вас изучают, выносят о вас суждения, тогда как вы пытаетесь разгадать на этих новых лицах чувства, добрые или плохие, их охватившие.

Я прибыл к партизанам с неловкостью, присущей первому опыту командования, достаточно плохо говоря на арабском, с двойной помехой, создаваемой моей молодостью и отсутствием наград на груди. Во мне царил тайный страх оказаться недостойным задания, о трудностях которого меня преувеличенно предупреждали. Потому и боязнь не быть на высоте бесстрашия этих черкесов, чьи акты безумной храбрости изумляли сирийскую армию и даже Легион. Именно Абдерахман открыл рогатки. Он улыбнулся, отступил в сторону, чтобы позволить мне пройти через зигзагообразное ограждение, затем бегом обогнал меня. Я услышал, как он крикнул в постое:

– Вот новый шауш!

В построениях возникла большая суматоха: люди ринулись поглядеть на своего нового командира.

Приведенный в замешательство столь маловоенной встречей, не зная, куда идти, я ждал на улице. Расположенные у своих амбразур на-

блюдатели даже не повернули головы, чтобы бросить на меня взгляд. Постом командовал, как мне сказали, Омар Хусейн: но, будучи за час до этого раненым, передал руководство Харуну Али Черкесу, который поспешил навстречу мне медленным шагом победителя. В нескольких шагах от меня он остановился. Приложив ладонь сначала к сердцу, затем ко лбу, он протянул мне руку и сказал:

– Добро пожаловать к нам!

Его ослепительная и сердечная улыбка сразу успокоила меня. Моя молодость и моя неловкость не имели для него значения: я был командиром, посланным ему капитаном. У меня были все права: на его взыскания и его жизнь. Не боясь ошибиться, я почувствовал, что могу положиться на него. Все это я угадывал и тем утешился.

Остальные люди были более сдержанными при знакомстве. Они с любопытством разглядывали меня и пытались угадать хорошее и плохое, что для них предвещал мой приезд.

Посещение поста продлилось дольше, чем я предвидел. Нужны были приготовления: я обратил на них внимание Харуна, а наше обсуждение затянулось далеко за полдень. Когда же я подумал об уходе, уже спустилась ночь.

– Я собираюсь выделить четырех сопровождающих, – сказал мне Харун, – ночью путь небезопасен.

То было трудное возвращение в потемках, пронизанных холодными порывами ветра. В мерцающем слабом свете уличных фонарей возникли силуэты и скрылись при первом же «стой, кто идет?». Мы остановились, широко раскрыв глаза, с оружием наизготовку. Затем движение возобновилось, будучи неспешным и полным подозрительности, до ближайшего угла улицы.

Ночь была вязкой и злобной. Стаи шальных пуль щелкали по кровлям домов, другие с глухим шумом врзались в грязные стены. Уже пулеметы и минометы исполняли симфонию, под ритмы которой собирался уснуть Дамаск.

В эту пору партизаны располагались в казармах в Сук-эль-Хеле, кишущем нечистотами и паразитами. Денно и ночью там повсюду кудахтали домашние птицы. С пронзительным ржанием в конюшнях бились кобылы. На дворе, перед кучами ячменя кричали верблюды, а в комнатах неустанно сутились люди, расположившиеся лагерем в этом блошином раю. В лабиринте коридоров и лестниц запах был неопишуем.

Неважно, я стремился поскорее оказаться в этой клоаке: там, по крайней мере, я мог бы согреться у жаровен, высушиться в парах булькающих маргиле, почувствовать себя под сенью, в тепле и тесноте людской толпы.

Ворота были забаррикадированы, перед низкой дверцей дежурил часовой с заряженным оружием и гранатами у ног. Защищенные тремя следующими одна за другой линиями маленьких неусыпных постов, мы расположились в казармах в самом центре города. При всем том черкесы были начеку, как если бы находились на передовой. С их безумной отвагой они не исключали нападения. Я не произнес ни слова, но счел их столь же осмотрительными в обороне, сколь знал их страстными в нападении.

Фахлен ждал меня на первом этаже. При свете фонаря он разбирал пачку бумаг с приказами и служебными инструкциями.

– Этой ночью нужно выставить два дозора. Через полчаса я отправляюсь организовать первый из них; но что касается второго – в вашем распоряжении останутся лишь армяне. Постарайтесь привлечь в городе черкесов, получивших увольнительную, так как не советую отправляться в путь без их поддержки: армяне не внушают мне никакого доверия.

Опрометчивый набор, произведенный за несколько дней до прибытия нашего эскадрона, засорил его приблизительно пятьюдесятью армянами, безработными или низкооплачиваемыми работниками, соблазненными высоким жалованьем и возможностью мародерства. В качестве бойцов их ценность была нулевой, они просто числились. Их увольнение было делом нескольких дней, но штаб, заблуждавшийся в отношении наших реальных возможностей, поручил нам крайне серьезные задания. Слабость личного состава, на который мы могли бы рассчитывать, делала их крайне трудными.

– Со мной было четыре человека, сопровождавших меня от Баб-Мусаллаха. Я мог бы оставить их при себе на этот вечер?

– Конечно. (Он знал этих людей.) И вам их будет достаточно. Черт возьми! Харун, шауш, вас избаловал! У вас лучшие воины из его отряда. Вам везет! С ними вы можете быть спокойны, и пройдете везде.

Он закутался в свой бурнус и крикнул:

– Сбор для патрулирования!

Вскоре он оставил меня одного посреди армян, говорящих без умолку, и четырех незнакомцев, возможно державших мою судьбу в своих утомленных руках.

Я был в одиночестве среди инородцев, дважды изолированный своим происхождением и языком, и мне было боязно.

– Шауш, выпей стакан чая.

– Что? Что это?

– На улице холодно. Скоро будет еще прохладнее! Выпей этот чай, чтобы согреться... Бери.

Очень кротким жестом, почти братским, Абдерахман положил руку на мое плечо; другой протянул мне на подносе хрустальный стакан, в котором дымилось тусклое золото горячего чая.

Этот жест меня взбудрил более, чем напиток. Абдерахман улыбнулся.

– Ты еще выпьешь, не так ли? Располагайся поближе к огню, рядом с нами... Тебе будет лучше.

Машинально я приблизился к огню, протянул руки к раскаленным углям и с полузакрытыми глазами сделался вялым от жара и удовольствия.

Следуя один за другим, Хасан, Иззат, Хусейн, Нух Али уснули, тихо покачивая головами. Абдерахман не спал. Раз за разом он вынимал часы и бросал на них взгляд.

– Спи. Тебе нужно отдохнуть.

– Спасибо, Абдерахман.

Я дремал... Неторопливая ночь истекала капля за каплей.

– Я, шауш! Пора.

Слабым нажатием руки на икры, дабы возвращение к жизни было менее резким, Абдерахман разбудил меня. Он облачился в свое военное снаряжение; в его добрых глазах я разглядел дружбу и преданность, ободривших меня. Панический ужас тотчас улетучился. Я встал и поправил свою экипировку.

– Эльван шебаб! Эль дуриш! (Вперед, парни! В дозор!)

Моя уверенность понравилась четырем черкесам, меня окружавшим.

Один за другим армяне вытянулись, встали и лениво собрались. Двое заявили, что больны, но, будучи отчитанными, решились пристегнуть свои пояса с патронами и присоединиться к нашему отряду.

На улице дождь усилился, тьма стояла абсолютная, стоял пронизывающий холод.

Люди, распределившись в две колонны, расположились позади проводников. Мы углубились в базары. Городские улицы, пребывавшие в состоянии осады, были безлюдны. Житель забился в свою берлогу, одинаково боясь и партизана, легко выстреливающего из ружья, и раскольника с загребущими пальцами.

Арес (ночной сторож), плотно закутанный в свою синюю шинель, с лицом, запрятым в шерстяной вязаный шлем, был единственным, кто прохаживался ночью. Мы знаем места их расположения, их маршруты в каждом квартале, и они стараются сообщать о своем присутствии звуками ударяемых по плитам дубин, подобно тому как это делает швейцар на церковной паперти. В безмолвье, едва прерываемом шумом дождя или скольжением наших сандалий, их слышно издалека.

– Миу хад? (Кто идет?)

С оружием в руках, мы останавливаемся. Ответ вырывается из темноты, где авангард сумел различить силуэт:

– Не стреляйте. Это я.

Появился бедняга, жалкий, убогий, с фонарем в руке, залитым дождем. Под своей аббатской накидкой он пребывал в ночной одежде. Наш отряд окружил его, полный злобы, готовый убить этого мирного мещанина, виновного в том, что нарушил запрет на передвижение после 21 часа.

– Кто ты? Что делаешь? Откуда ты явился?

– Уаллах, эль Азин эль Керим. Я бедный человек. Я иду из Бах-Сриржеха. У моей жены родовые схватки. Я поднялся, чтобы найти повивальную бабку, но та не захотела пойти.

Он дрожал от холода, переживания и страха. Один партизан держал его за воротник. Стволы ружей были нацелены ему в грудь, в живот. Я вмешался:

– Отпустите его! Уберите оружие.

Армяне удивились.

– Но это мусульманин, возможно шпион! Без пропуска он не должен ходить по улицам. Его можно, нужно убить.

Ударом приклада прямо в лицо отбил несчастного у самого разъяренного и самого крикливого, державшего его за воротник.

– Позовите ареса! А ты скажи мне, где живет повивальная бабка? Страх принудил его заикаться; я едва понимал, что он мне отвечал: – Дом, выкрашенный в розовый цвет, с зеленой дверью, № 9...

Ночной сторож, только что вызванный, юркнул в мою сторону.

– Кто живет в девятом?..

– Шахира, повивальная бабка.

– Постучись к ней! Прикажи сопроводить этого человека к жене, нуждающейся в ее заботах.

Арес, ворча, подчинился; но какая вспышка счастья в глазах бедняги, видевшего себя уже расстрелянным без суда и следствия.

– Я, шауш! Спасибо! Спасибо!

И полностью наклонившись, он неистово стал целовать мои руки.

– Иди! Иди! Помни, что мы, черкесы, воюем с мятежниками и с теми, кто пошел на сговор с ними, по крайней мере, мы пытаемся быть справедливыми и гуманными по отношению к мирным людям, как ты. А вы – в путь! А тебе я желаю занять крепкого наследника, сильного парня, инч Аллах!

Армяне шептались: мое поведение им не понравилось. Но про себя четыре черкеса истолковали мой жест совсем иначе:

– Они явно хотели ограбить.

– Вероятно, они хотели бы его убить, чтобы избежать всякого протеста.

– Они вполне могли понести его голову начальству, чтобы получить премиальные, уверяя, что тот был мятежник.

– И без угрызания совести, ибо тот был мусульманином! Хорошо, что эти манеры обращения с людьми меняются. Новый шауш, похоже, в курсе нравов и не позволит армянам действовать, как им будет угодно. Хорошо грабить, разумеется, когда воюешь, но армянин храбр лишь по отношению к безобидным людям!

– Молчать, когда находишься в дозоре!

Движение продолжилось. Мы поднимались к курдскому кварталу.

Собаки убежали прочь, завывая при нашем прохождении. Резкая остановка. Всматриваемся в таинственную тьму. Я обращаюсь с вопросом к авангарду.

– Что там? Что происходит, Абдерахман?

– Шум, шаги... На горе...

По склону Каскума катились камни под ногами стремительного бегства... Со стороны нашего отряда, в тишине, едва нарушенной одним или несколькими неизвестными беглецами, прозвучали два выстрела. Ответа не последовало. Только ироничный крик осла. Над нами насмехался брошенный осел!

– Кто стрелял?

Среди армян никто не осмелился признаться в авторстве этой хамит эль кель (ружейной пальбы со страха). Темнота помешала обнаружить виновника.

Марш возобновился до «фонаря Тамерлана».

– Стой! Отдохните немного!

Я растянулся на мелком гравии, довольный возможностью отдохнуть после этого долгого, во весь аллюр исполненного марша.

Подошли армяне.

– Патрулирование закончилось? Скоро вернемся?

– Мы спустимся до дороги в Думмар, а оттуда вернемся в Жиссер, через сады.

– Но и подумать нельзя, чтобы входить во фруктовые сады в этот час. Там рыскает банда Аккаша. Но это безумие! Это – бежать впереди смерти!

– Это приказ! Я здесь, чтобы их исполнять, а вы – чтобы подчиняться мне. Если есть такой, кто не желает следовать за мной, я заставлю его идти.

Бесхитростно я поглаживал рукоятку моего парабеллума, пока еще не использованного. Тотчас жалобы сбавили тон и упали до диапазона перешептывания.

– Впрочем, я пойду впереди... Колонной по двое!.. В путь! Перед тем как наша группа вошла в сады, я отправил троих черкесов в хвост колонны, приказав им очень громким голосом беспощадно подстегивать всякого отставшего. Меня тошнило от поведения этих армян, крикливых, мародерствующих и трусливых при малейшей возможной опасности. Я отделился вместе с Абдерахманом в первый ряд авангарда.

Теперь мы патрулировали на территории фруктовых садов, и сложность нашей задачи увеличилась.

Дождь прекратился. Поднялась луна. Но ее свет, столь бледный, погашенный быстрыми тучами, обманывал нас и превращал каждое дерево в затаившегося человека, превращал каждую ветку над стенами в ружейный ствол.

Стремительным аллюром мы пересекли сады. Мы шли вдоль бейрутской дороги, приблизившись к французскому посту у ипподрома.

Несомый ветром, нас достиг окрик часовых.

– Стой! Кто идет?

– Франция! Черкесы!

Затем, повернувшись в сторону моих людей:

– Стой, остальные! Подождите меня.

Чтобы позволить разглядеть себя издалека, я зажег головешку и один направился к блиндажу.

Галлюцинация? Нервозность молодого часового? Прозвучали выстрелы, просвистело несколько безобидных пуль.

– Боже мой, не стреляйте!.. Прекратите огонь! Франция! Франция!

Вернулась тишина. Я продолжил движение и заставил начальника поста признать себя. Тот рассыпался в извинениях, затем дал разрешение на проход нашего отряда и, обернувшись в направлении того места, где он располагался, крикнул:

– Вперед!..

Мелкая рысь... Абдерахман появился один в конусе света, отбрасываемого электрической лампой начальника поста. На его искажившейся физиономии было нарисовано полнейшее негодование.

– Ах, шауш! Они все сбежали через поля! Нух Али и остальные отравились на их поиски. В них нельзя было стрелять: они убегали все одновременно!

Не желая того, я взорвался смехом, видя неистовое возмущение Абдерахмана. И, подумав о страхе беглецов:

– Что ты хочешь, Аллах сотворил зайца и армянина!..

После часа поисков отряд полностью был восстановлен, но светало, и я даже думать не мог, чтобы завершить установленный маршрут. Возвращаемся назад...

– Тогда пойдемте со мной – согреться и разделить со мной завтрак.

Мы расположились в заднем зале ресторана, что я посещал до восстания. Гарсон признал меня, несмотря на мой колпак, и радостно засуетился, уверенный в том, что его счет будет оплачен иначе, а не пинками, что в то время случалось достаточно часто, как в случае с правительственными солдатами, так и с черкесами.

Тут же первое блюдо было съедено.

– Шауш, ты должен иметь печальное представление о партизанах, видя подобных трусов...

– Поверьте, я умею отличать воинов, подобных черкесам, от этих людей! Скоро уже два года, как я живу в Сирии, и шесть месяцев, как нахожусь в колонне. Нужно было бы быть ребенком, чтобы путать их с вами. Через два дня их уволят. Я этому буду рад!

– Не так, как мы, шауш, не так, как мы!..

Затем беседа мало-помалу отклонилась в сторону. В восемь часов, при открытии мест работы, я полагал, что заимел трех новых друзей. Я говорю трех потому, что Абдерахман для меня – как друг давнишний.

31 января 1926 г. Выплата жалования. Мне поручено выдать его людям Баб-Мусаллаха.

Поджидаемый и замеченный издалека, я успел подготовить стол и чем писать. Разложил список получающих жалованье и поместил рядом мешок золотых монет. Люди следили за моими жестами с беспокойным огоньком в глазах. Я вполне уверен, что даже если выскрести внутренности всех карманов, здесь не нашлось бы и одного абуль-мильеха на человека. На всех широтах солдаты, несомненно, схожи в одном: в желании получить свои деньги в последний день месяца.

– Бакир Хусейн, всадник: десять золотых ливров.

– Берден! (присутствует).

– Возьми свои деньги, распишись здесь.

Я отсчитал десять золотых монет, быстро исчезнувших; Бакир вместо подписи оставил оттиск своей печати на листе денежного содержания.

– Махмуд Кунтов, пехотинец; семь золотых ливров...

Переключка и формальности с подписями продолжились, будучи монотонными...

– Абдерахман, семь золотых ливров.

– Отсутствует! Он в отпуске. А дайте мне его деньги, – произнес Харун.

– Он разрешил тебе их взять?

– Нет, этого не нужно: Абдерахман мой сын... Потому...

– Твой сын? Но тебе тридцать пять лет, а Абдерахману – двадцать пять?

– Лучше сказать – как мой сын! Абдерахман, будучи от рождения сиротой, был усыновлен моими родителями и воспитывался мною с той поры, как я достиг зрелого возраста, поэтому я могу сказать, что он мне как сын.

Я отдал Харуну жалование его необычного ребенка и продолжил раздавать другим партизанам причитающиеся им суммы. Завершив этот труд, я задержался с Харун Али, дабы уладить разные нерешенные вопросы... Я уже собрался уйти, когда он меня остановил:

– Еще словечко, шауш. Говорят, что ты собираешься установить пост у Чаркасье – Махаджерина, чтобы быть на месте, когда банды Аккаша явятся грабить дома на севере Дамаска.

Вопрос был слишком четким и к тому же касался самых секретных данных, не мне, скромному офицеру, было подтверждать людям эту новость. Она достаточно быстро могла дойти до ушей главных лиц, заинтересованных в этом деле, то есть мятежников. Я, как мог, уклонился от вопроса.

– Пусть будет так! Приказ правительства издается, чтобы его выполнять, это не подлежит обсуждению. Помни, что Абдерахман и я, Харун Али, шауш, будем рады быть под твоим непосредственным начальством. Мы, оба черкеса, особо хорошо знакомы с районом Мохаджерии: там живет наша мать. Подумай о нас, когда ты отправишься туда, чтобы принять командование.

В этих словах не было никакого подхалимажа к вышестоящему, от которого желают заполучить расположение. Лишь желание наилучшим образом служить, оказаться полезным, будучи под командованием свободно избранного командира.

Если мне дорог Харун Шауш большим авторитетом, что придают ему его дворянство, его выслуга лет и его личные качества, что можно было бы сказать об Абдерахмане? Один был прекрасным заместителем, другой таким же исполнителем приказов, кому можно доверить самые трудные поручения, самые рискованные, будучи уверенным, что увидишь их в совершенстве исполненными.





Родился в 1958-м в Новосибирске. Автор сборников стихов «Пролог», «Акт третий, сцена первая», «Реквием по столетию», «Сфера дымчатого стекла», «Я не тот человек», «Нечто большее», «Холмы Хлама», «Оборотень», а также стихотворного переложения Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова). Перевёл на русский язык более двадцати романов современных англоязычных писателей, в том числе «Белый отель» Д. М. Томаса, «Облачный атлас» Д. Митчелла, «Лондонские поля» М. Эмиса. Заместитель главного редактора международного поэтического альманаха «45-я параллель».

От редакции

Пока данный номер готовился к печати, нашего друга не стало. Георгий Борисович в течение ряда лет работал старшим редактором журнала «ЛКБ». Сотрудники редакции скорбят в связи с безвременной кончиной большого поэта и приносят искренние соболезнования родным и близким покойного.

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕХОД

Синергия

Рождественские октавы

Из ничего явилось – нечто,
оно сильнее и больше нас.

Лера Мурашова

1

Очередной разрыв перетерпеть,
твердя себе, что песенка не спета,
что сменится (как ныне, так и впредь)
на сдобу доброты сухарь запрета, –
какая хрень! и тусклый луч, что плеть,
хлестнёт, слепя, когда не станет света,
а всё вернуть не в силах индивид,
заиндевав от мелочных обид.

2

На выпады постыдные забив,
не находя в забвении забавы,
не лицемерь, что по фигу разрыв,
но и не множь бессмысленной растравы:

в два голоса сплетается мотив,
а коли врозь, то оба и неправы.
Усиливают ненависть и месть
друг друга – синергия в этом есть.

3

Мы ненавистью пестуем врагов,
не признавая выхода другого;
карающих творим себе богов,
в итоге удаляясь от благого;
сплетаясь разветвлениями рогов,
прискорбный путь проделываем снова
и, в бездну уходя за рядом ряд,
самих себя успешно гоним в ад.

4

В природе что-то действует за нас –
в той первородной части, что греховна, –
и норовит, вошедши в резонанс,
из козлища изгнать остатки овна,
но так, чтоб имярек, в грязи резвясь,
считал, что это истинно духовно,
и, перещеголяв во зле козла,
себя не называл исчадьем зла.

5

«Пощады не дожидаться подлецам!» –
им несть числа, подобным восклицаньям.
Да, те, кто партизанил по лесам,
потянутся навряд ли к полицаям
с прощением: прекрасно знаю сам,
что делается мир непроницаем
от марева багрового в зрачках,
покуда корень гнева не зачах.

6

Зачем же строить замок из песка
на взморье, по-звериному жестоком?
Тоска моя, тосканская тоска,
разлейся по испытанным опокам;
тоска не точка, если высока
и если устремляется к истокам
не глиняным, но горним, тем, куда
звала волхвов полночная звезда.

7

Берсерк и рыцарь, лучник и буй-гур –
как широко понятие культуры!
Абракадаброй аббревиатур
опять морочат граждан диктатуры,

а кто иных возжаждал партитур,
несут свой крест, возвышенно понуры.
Увы, не достучавшись до людей,
опять висит распятый иудей.

8

В Париже шок: кто харкал – тот убит.
Не отличав шиитов от суннитов,
одно пойму: разрухой мир не сыт,
но чу лет сорок, как представил Битов
ту синергию, что сминает быт,
слагая пиетет из appetitov:
две крохотки такой накал дают,
что просто дыбом волосы встают.

9

Откуда же идёт она, любовь?
Make love, not war – в подкорке у любого,
но, кто и как тому ни прекословь,
вновь к Божьему слепое липнет слово,
а синергия проливает кровь –
и рифма, как на грех, всегда готова.
Меж тем, хоть род людской презрел родство,
опять нас осеняет Рождество.

СКУКА МИРА

Не облечённая в слова,
но ведающая о сроке,
прёт-продирается трава,
ещё не слышавшая строки:

«Что восхитительней, живей
войны, сражений и пожаров?»
Легко разгонит суховой
беду на тысячи гектаров.

Огня известен аппетит –
на всё накладывает руку!
Но живость бойни мне претит –
не предпочесть ли мира скуку?

Не сделать ли её полней,
отгородившись от кошмаров
«кровавых и пустых полей,
бивака, рыцарских ударов»?

Всё длится, длится бранный пир,
гремят глумливые копыта!
...Но что такое скучный мир
в том мире, где война забыта?

ДЕМОСФЕН

Стоя на берегу,
ты произносишь речь –
рыбы в своём кругу
знают, как счёт сберечь.

Просто, как дважды два?
Всё переврут опять –
подтасовав слова,
споро докажут: пять.

Сколь ни глаголь, у рыб
впрок припасён ответ;
всякий благой порыв
тычется лбом в запрет.

ЗИМНИЙ ДВОРИК

Окоём объел туман –
кто кого, понятно?
Краски выкрал, клептоман,
все цветные пятна.

Где, затейник, спрятал ты
белую собачку?
Изведясь до слепоты,
не решу задачку.

Смыслов новых не найду,
старые забуду.
Долго ли попасть в беду,
устремляясь к чуду?

Помни, выхватив ключи
на призывы звука:
вдруг да сдвинута в ночи
будет крышка люка?

Зябка тянет от окна,
дым табачный горек,
и стирает пелена
тихий зимний дворик.

РАЗРЫВ ШАБЛОНА

Парить, как пёрышко без веса,
в широтах мёрзлых не дано.
Успех пророчила ей пресса,
но пересилило вино.

Жизнь повторяется, как пьеса,
как надоевшее кино,
и спившаяся поэтесса
выбрасывается в окно.

Её победа – или беса,
к ней пристававшего давно,
как неотёсанный повеса?

Не различая ни бельмеса,
зерно не знает, чем оно
стать к осени обречено.

ДВА ЖУКА

Вот два жука: один из них поэт,
другой несёт витиеватый бред.

Но ежели глядеть издалека,
неотличимы эти два жука.

А стало быть – попробуй возрази! –
их следует рассматривать вблизи.

БЕСЦЕННАЯ НАХОДКА

Рассказ

Мама всегда учила меня бережно относиться к хлебу. Она никогда не проходила мимо лежащей на дороге корочки, какой бы маленькой и грязной она ни была, всегда поднимет её и положит в такое место, где человек не сможет на неё наступить, а птички спокойно её доедят. В детстве, помню, меня это очень удивляло, а потом я и сама стала так делать, часто смущая своих подружек таким поступком.

Однажды, выходя с мамой из магазина, мы наткнулись на горсть рассыпанного на дорожке риса. Мама нагнулась и стала собирать зёрнышки. Мне стало как-то неловко, вокруг были люди. «Мама», – потянула я её за руку. Она взглянула на меня, в её глазах стояли слёзы. Мне стало стыдно за свою неловкость, я сказала: «Прости, мама», – и помогла ей собрать рассыпанные рисинки. Я видела, что мама расстроена и, увидев неподалёку уютный скверик, провела её туда и усадила на скамеечку. Горсточку риса она всё ещё крепко сжимала в ладони. «Мама, – начала я, – я не хотела тебя расстроить, мы просто могли попросить в магазине метлу». – «Ну что ты, доченька, дело вовсе не в тебе. Я просто вспомнила кое-что. Не спрашивай меня сейчас ни о чём. Я потом тебе всё расскажу»...

Мы скормили рис голубям и вернулись домой. Мне было лет десять-двенадцать, мы недавно потеряли бабушку, мамину маму, и я не стала докучать ей, а потом как-то всё забылось.

Прошло несколько лет. Как-то, готовя плов, я случайно разорвала пакет и рассыпала рис. Собирая его, я вдруг вспомнила тот случай возле магазина. Вечером я пристала к маме с расспросами, и она рассказала мне удивительно трогательную и вместе с тем трагичную историю из жизни своей семьи...

«В сорок четвёртом году, когда балкарцев выслали в Среднюю Азию, наша семья, как и большинство людей из Гунделена, попала в Киргизию. Шестьдесят пять семей из них были направлены на принудительное поселение в небольшое село Донарык Чуйского района. Много горя перенёс наш народ за те годы: боль, унижение, оскорбления – всё познали в полной мере. Но сильнее всего страдали люди от голода. Вымирали целые семьи, особенно те, у кого были маленькие дети и старики.

Первые два-три года переселения было очень тяжёлым временем: мужчины на фронте, дома только женщины, дети да старики. Родственники, которые могли бы помочь, поддержать как-нибудь, раскиданы по разным районам, селениям и даже республикам. Действовал жёсткий



комендантский час, и переселенцы, без особого разрешения, не могли покидать место проживания.

А как прокормиться на чужом месте, без нажитого добра, без обычных в любом хозяйстве запасов провизии? Конечно, женщины работали не жалея сил, чем могли помогали детишки постарше, но тогда голодала вся страна, что же говорить о бесправных переселенцах, приравненных государством к преступникам.

Мы не жили тогда, только выживали: ещё один день, ещё одна неделя, ещё один год. Кончилась война, вернулись оставшиеся в живых, пошли в школу дети. Детей переселенцев стали в школе подкармливать: сердобольная директриса школы, пожилая татарка, потерявшая в войну всю свою семью, с трудом выбила средства на тарелку мучной похлёбки для каждого школьника один раз в день. Это спасло многие детские жизни. Колхоз стал вечером привозить с кошар бочку айрана, каждой семье доставалось по небольшой кастрюльке. Стало легче получить разрешение для поездки к родственникам. Люди впервые за несколько лет смогли навестить своих родных и близких.

В один из погожих осенних дней моя мама – твоя бабушка Амма – и моя сестра Акълиман – тётя Лялю – пошли навестить приболевшую тётю Хауа. Хауа была старшей сестрой мамы и жила у самого подножья Алатау в селении Кегети. Идти надо было километров восемь-десять, и мама с Лялю вышли рано, чтобы успеть засветло вернуться обратно. Они прогостили у тёти целый день и ближе к вечеру собрались домой. Мама спешила к оставленным дома детям, но Лялю, как всякий нормальный подросток, постоянно отвлекалась то на яркую бабочку, то на жутко интересную букашку, то на красивый цветок.

Мама сердилась и всё торопила её. В какой-то момент Лялю отстала и, обернувшись, мама увидела, как дочка, нагнувшись, что-то торопливо собирала в ладошки.

«Акълиман, дочка, поторопись», – позвала она. «Амма, иди скорее сюда, смотри, что я нашла», – отозвалась та, не поднимая головы.

– О, Аллах, что за непоседа. Ну что там такое? Ты же знаешь, дома дети голодные, надо поторопиться. Если бы сестра не обиделась, я и пораньше ушла бы... – недовольная задержкой, мама всё же вернулась к дочери.

– Амма, погляди, здесь рис. Кто-то рассыпал рис, а вокруг никого. Давай его соберём.

– Ой, а ведь правда, рис. Бедный, кто же так неосторожно. – Мама огляделась, ища взглядом растяпу. Дело близилось к вечеру, и на дороге ни с той, ни с другой стороны не было ни души. Просыпанный рис начинался прямо на окраине Кегети.

Жиденькая неровная струйка убегала по дороге прямо по направлению к дому. День близился к концу, и собирать рис аккуратно, по зёрнышку, времени не было, а поскольку дорога была грунтовая, то рис собирали горстями вместе с песком и камушками. Собрав полный передник, высыпали содержимое в кучечку на обочине и шли дальше. Когда набиралось несколько кучек, шли за первой и перетаскивали таким образом всё собранное к последней кучке.

За работой время пролетело быстро, и к тому моменту, когда были собраны последние зёрнышки, стало вечереть. Как оказалось, рис был просыпан от Кегети до поселения Плохотник. Это маленькое село в несколько десятков домов приютилось на берегу небольшого ручья между селениями Донарык и Кегети.

Здесь нашли приют две семьи переселенцев из Верхней Балкарии. Мама с сестрой решили перетаскать рис к ним и самим переночевать там же, а утром уже как-нибудь добраться домой. Мама была очень огорчена тем, что дети будут этой ночью одни, но её утешало то, что домой она вернётся с такой богатой находкой. Сестра сняла юбку, благо все женщины и девочки носили в то время под платьем или юбкой шалвары – расшитые вручную штанишки. Затянув натугу резинку, мама соорудила что-то наподобие небольшого мешка, куда они набрали немного риса, ещё немного в передник.

Не успели мама с Лялю сделать несколько шагов, как со стороны Кегети раздался скрип колёс. Мама быстро вернулась на дорогу. Из наступающей темноты показалась телега с бочкой и запряжённая в неё понурая кобыла. Мама радостно всплеснула руками, это была та самая телега, каждый вечер привозившая в наше село на раздачу айран.

Старый киргиз заметил стоявших у дороги женщин. «Батай-апа (апа – уважительное обращение к женщине), – удивился он, что вы делаете здесь так поздно». О, Аллах, Байке (уважительное обращение к старшему мужчине в Киргизии), сам Всевышний послал нам тебя». – Мама всё ему подробно рассказала. Старик слез с телеги и достал из-под сиденья большой мешок. Уложив его на телеге, втроем быстро наполнили его, осталось ещё немного для передника и юбки... По дороге старик рассказал о причине своей задержки в дороге». Кудай (Кудай – «Аллах» по-киргизски) любит тебя, Батай-апа, телега сломалась, мне пришлось чинить колесо».

Было уже совсем темно, когда телега остановилась возле нашего дома. Байке всегда останавливался возле нас, потому что немногим, что мама прихватила при выселении из дома, была красивая посуда, некогда привезённая ей в подарок нашим отцом из далёкой поездки. Это был набор из кастрюль, кружек и большого ковшика. Именно этим ковшом разливали всем айран из бочки. К телеге быстро собрались сельчане. Мама позвала нескольких женщин в дом на подмогу. Пока женщины перебирали и мыли рис, ребята во дворе разожгли костёр и навесили большой киргизский котёл. Совсем скоро в нём весело булькала рисовая похлёбка – хантуз. В этот вечер каждая из шестидесяти четырёх балкарских семей, не считая нас, унесла домой вместе с айраном и небольшую кастрюлю рисовой каши. Досталось и соседям-киргизам, угостили и аробщика Байке. За последние пару лет многие в нашем селе впервые уснули на сытый желудок.

Эту историю до сих пор помнят у нас в Гунделене, и пока живы те, кто волею судьбы попал тогда в далёкий киргизский аул Донарык, никогда не забудут вкуса той каши, вкуса самой жизни».

...Я крепко-крепко обняла маму, и мы ещё долго сидели так, молча, с грустью и благодарностью вспоминая уже ушедших от нас дорогих нам людей, через всю жизнь и самые тяжёлые испытания с честью пронёсших в своей душе лучшие качества моего народа: благородство, доброту, милосердие и сострадание.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Рассказ

Ну, здравствуй, Ёжик. Вот, решила, наконец, написать тебе. Ты уж извини, что так долго молчала, но ты же знаешь: писать письма для меня целая проблема. Другое дело встретиться, посидеть где-нибудь... Я столько хотела бы тебе рассказать. Сколько же лет прошло с тех пор, как мы не виделись, страшно подумать, ты, наверное, и не узнала бы меня, встретив на улице... А я недавно решила заглянуть в парк, знаешь, как будто кто позвал меня. Здесь всё так изменилось: новые, вымощенные красивой плиткой дорожки, новые клумбы, фонтаны.

Я еле нашла дорожку, по которой мы любили гулять, а наша старенькая скамейка всё на том же месте, только развалилась совсем. Нам всегда нравилось приходить сюда, редко кто заглядывал в боковые аллеи, и здесь всегда было как-то по-особенному тихо и спокойно. Мы любили здесь готовиться к экзаменам во время сессий, любили читать, беседовать, мечтать, строили планы на будущее. Здесь и сейчас так же тихо: можно посидеть, полистать любимую книгу. Только мне этого почему-то не хочется...

Роза, сегодня встретила твою дочку. Она так выросла, красавица, совсем уже взрослая девушка, и так на тебя похожа. А мама твоя всё болеет. Она, наверное, не жалуется тебе, но я вижу, как она по тебе скучает. Знаешь, она, ничего не изменив, бережно хранит твою комнату и твои вещи. Такое чувство, что ты только что вышла, даже запах твоих любимых духов всё ещё чувствуется в воздухе.

Завтра твой день рождения. Я заеду на рынок и куплю тебе букет тюльпанов. Я знаю, они тебе не нравятся, и хотя сейчас можно купить твои любимые розы в любое время года, я покупаю только тюльпаны – ты же помнишь: к твоему дню рождения успевали появиться только тюльпаны и нарциссы, но нарциссы не нравились тебе ещё больше. Потом я приду в нашу любимую кафешку, сяду за наш столик. Официантка, не спрашивая, принесёт вазу для цветов, две чашки кофе с молоком и два пирожных – одно заварное и одну трубочку. Помнишь, как ты их любила, и хотя мы забегали в это кафе почти каждый день, либо на большой перемене, либо после занятий, ты каждый раз не могла сразу выбрать – какое же из них тебе хочется сегодня. А потом мы долго над этим смеялись...

Теперь я никогда не ем здесь пирожное и не пью кофе. Я просто сижу, смотрю в окно. Хорошо, если за окном дождь, я люблю, когда идёт дождь, потому что его любила ты. Раньше, едва начинало накрапывать, ты прибегала ко мне, мы распахивали окно, забирались под одеяло и слушали музыку дождя. Я и сейчас открываю окно в комнате, если идёт

дождь, только теперь я одна, и в шуме дождя я слышу тихую песню о тебе и люблю его ещё больше... Я посижу в кафе ещё немного. Иногда мне кажется, что ты вот-вот войдёшь в двери и сядешь напротив, улыбаясь и притворно хмуря брови. За эту привычку я и прозвала тебя Ёжиком, кстати, признайся, тебе нравилось, когда я тебя так называла... Ты не пришла и не могла прийти, и я ухожу, но через год я снова сюда приду.

Сколько ещё «нашего» я обойду сегодня: любимый кинотеатр, фонтан, любимая площадь, памятник, клумба, салон красоты, магазин духов – бутик, так их теперь называют, и множество других «наших» мест, которые так и не стали только моими, а остались там – в том времени, когда мы с тобой делили весь этот мир на двоих.

Знаешь, Роза, тебе может показаться, что я живу неинтересно, не так, как мы с тобой когда-то мечтали. Нет. Я ни на что не жалуясь. У меня прекрасная семья, работа, есть возможность заниматься любимым делом, я много читаю, стараюсь идти в ногу со временем, разделять увлечения своих детей. В общем, всё хорошо. Но признаюсь тебе, с твоим уходом из моей жизни ушла и часть меня. Всё стало по-другому. По-другому наступает Новый год, праздник, который мы любили больше остальных, по-другому наступает весна, по-другому пахнут цветы, по-другому светит солнце, и небо другое, не такое пронзительно-синее, по-другому стучит дождь, и листья, сжигаемые на осенних кострах, пахнут совсем по-другому...

Ну вот и закончился день. Я побывала везде, только не пошла к тебе. Ты прости меня, но я не могу. Я так и не простила тебе того, что ты не пришла ко мне, когда тебе было так плохо. Я понимаю, ты сделала это, защищая меня, оберегая от боли. Но ты не должна была так со мной поступать. Мы должны были пройти через всё это вместе. Отдалившись от меня, ты лишила нас целого года общения. Целый год – как это много, и как это мало... Многие упорно доказывают мне, что есть вещи, которые надо оставлять в прошлом, забыть и отпустить. Но я не согласна, я совсем не хочу оставлять тебя в прошлом, я хочу, чтобы ты всегда была со мной, была рядом, хотя бы в моём сердце и в моей памяти.

Ты часто мне снишься, Ёжик. Ты приходишь, молча садишься рядом. Помнишь, как ты говорила: «Мне даже молчать с тобой интересно. Это так здорово». Наступает утро, сон тает, оставляя светлую грусть и нежную благодарность за ещё одну встречу. Я знаю, мы с тобой обязательно встретимся, и я скажу тебе то, что так и не успела сказать: «Я всегда тобой гордилась и очень тебя люблю, моя дорогая сестрёнка». А пока, моя милая, передай от меня привет моей любимой дорогой тёте Зухре и крепко-крепко поцелуй её, обними за меня Танюшку, Ильяса и Хусейку. Конечно же, не забудь дедушку Хамита и бабушку Алляка, и обязательно поцелуй своего папу Ляллю. Я всех их помню и очень люблю...

P.S. Кто-то мне сказал, что пока мы помним о тех, кто ушёл от нас, у них, там, никогда не гаснет свет. А без этой памяти мир ушедших погружается во мрак. Роза, милая моя сестра, у тебя никогда не погаснет свет, пока я живу...

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Рассказ



Куракин проснулся на диване в зале, увидел знакомые обои горчичного цвета, «стенку», заставленную книгами и стеклянными вазами, и с облегчением понял – дома. Голова трещала, и было от чего. Вчерашнее редакционное застолье, поводом к которому были именины заведующего отделом писем, как это бывало и раньше, вылилось в банальную попойку, и вот теперь пришла неизбежная расплата – головная боль и тошнота. Бледный свет утра напомнил о неотложных делах – в одиннадцать интервью с народным умельцем, потом – планерка, а еще надо было обязательно оплатить задолженность за свет и газ... Куракину вспомнилось и его твердое намерение начать, наконец, здоровый образ жизни. Может, не сегодня?.. За этим малодушным вопросом в нем поднялась злоба, старый шерстяной плед резко отлетел в сторону, Куракин сел на диване и нащупал босыми ногами тапочки.

Начинать следовало, конечно, с утренней гимнастики. Первое упражнение – нагнуться и найти валявшийся на полу телевизионный пульт, чтобы включить канал «Евроьюс»; он переждал минуту-другую, пока в глазах проходила рябь, затем приступил к приседаниям. В новостях сообщали о боях между сирийской армией и отрядами оппозиции. Глядя на боевиков в чалмах, Куракин прислушивался к ритмичным щелчкам в коленных чашечках и про себя считал: «Три – четыре – пять...» Спасительная мысль о пагубности подобных перегрузок для неподготовленного организма пришла на счете «десять». Теперь отдышаться и – в ванную комнату.

Вода, как всегда по утрам, была только холодная. Зато в голове прояснело. Предметы, окружавшие его, обретали вполне четкие очертания. Тело покрылось гусиной кожей. Захотелось кричать о несправедливом устройстве общества, о пороках людей, в ушах зазвучали хлесткие заголовки передовиц... Куракин остервенело вытерся полотенцем и поспешил завернуться в махровый банный халат. «Вот так вот!» – бодро и значительно сообщил он зеркалу и попытался сопроводить эти слова жизнерадостной улыбкой. Вышла не очень убедительная гримаса. Он погасил в ванной комнате свет и переместился на кухню. Здоровый образ жизни – это ведь, в первую очередь, – здоровая и питательная еда.

В кухонном шкафу обнаружилась упаковка с дробленой пшеницей, на этикетке значилось: «Пшеничка кубанская отборная, масса нетто 1 кг...». Ниже, мелкими буквами, производитель вкрадчиво информировал, что продукт богат витаминами и микроэлементами, необходимыми

для поддержания хорошей физической формы. Куракин ссыпал половину упаковки в кастрюльку, долил воды и, размешав образовавшуюся взвесь пальцем, стал наблюдать, как к поверхности поднимаются черные былинки и еще какая-то дрянь, явно не растительного происхождения. «Микроэлементы, наверно», – догадался он, поставил кастрюльку на огонь и вернулся в зал.

По телевизору продолжали греметь новости, на этот раз – с другой войны, в Донбассе. Репортаж об обмене пленными сменился сюжетом об открытии престижного европейского кинофестиваля, а затем симпатичная ведущая бодро рассказала о землетрясении в Чили. Когда новости, наконец, закончились, на экране появилась «Хозяйка медной горы», знакомая с детства, но – вместо теплой ностальгической волны – от телевизионной картинки исходили какие-то смутные укоризны, как если бы кто-то уличал его в отступлении от давних и так естественно, казалось, достижимых целей. Куракин выключил телевизор и взял в руки ноутбук. Ссылка, другая... интернет бесцеремонно упразднил реальность, уводя от похмельных переживаний, приглушив чувство вины... которое внезапно усилилось, когда из кухни потянуло запахом подгорающего кубанского продукта. «Каша, блин!» – подхватился Куракин.

Содержимое кастрюли по цвету напоминало тропический камуфляж. К сожалению, ни полпачки сливочного масла, ни тщательное перемешивание дела не поправили. Куракин так и не решился попробовать, утешив себя тем, что без холестерина «оно все-таки здоровей». Горелая пшеничная сечка отправилась в мусорное ведро, Куракин вышел во двор. Поздоровался с соседками-пенсионерками, болтавшими на лавочке у подъезда, но ответного приветствия не услышал. Послал их мысленно куда подальше и повернул в сторону соседнего сквера.

Под огромными липами гуляли женщины с детьми, там же носились спущенные с поводков собаки. На скамейках уже с утра гнездились подростки. Ни одного знакомого лица, да и откуда им здесь взяться в это время... Куракин медленно и бесцельно шел по мощеной аллейке, однако впереди, на выходе из сквера, призывно замаячила вывеска букмекерской конторы, и он ускорил шаг.

День только начинался, народу в конторе было немного. Результаты вчерашних матчей вывешивали обычно в десять, и несколько скучающих игроков коротали время у компьютера. Время от времени кто-нибудь из них подходил к окошку кассира и делал ставку на предстоящее событие.

В углу, сидя за пластиковым столиком, о чем-то вяло спорили двое завсегдатаев, хорошо ему знакомых. Перед ними стояли белые одноразовые стаканчики и открытая банка с баклажанной икрой, скатертью служил пестрый целлофановый пакет, а завершал этот спонтанный натюрморт засохший фрагмент лаваша.

Он решил незаметно исчезнуть. Взялся уже за дверную ручку.

– О-о, Кура! – искренне обрадовались в углу. Один из знакомых возвысил над столом бутылку дешевой водки. – Будешь?..

Куракин с тоской посмотрел на футболистов, которые обнимались в большом телевизоре после неожиданного гола.

– Ну, если только чуть-чуть...

СУДЬБА ПШИБИ ХАПОВА



Пшиби Хапов

Пятнадцать лет назад нами была опубликована заметка «Рукопись памяти» (Кабардино-Балкарская правда, 1 июня 2000 г.). В ней мы проводили извлечения из рукописи Е. Т. Хакуашева «Быль и новь селения Болатова (Болзтей)», хранящейся в Центральном Государственном Архиве КБР (фонд Г. И. Наурзокова). Материал был посвящен уроженцу селения Терекского Пшиби (Павлу) Езидовичу Хапову, над которым во время Великой Отечественной войны немецкие врачи проводили медицинские опыты. Приведем выдержки из этой заметки:

«...Трудно словами передать мучения шестнадцатилетнего Пшиби (Павла) Езидовича Хапова в застенках гитлеровцев. Его фашисты угнали в Германию. На станции

Щецин его и других узников загнали в казармы. Через некоторое время их стали вызывать на «медицинский» осмотр, после которого Пшибия перевели в другое место. Его поместили в больничную палату, видимо, для каких-то опытов. Здесь находился армянин Оник, перенесший 35 различных операций («Правда», 1967, 7 марта).

Здоровый кабардинский юноша стал подопытным кроликом. Сперва Пшибию отрезали пальцы на руках, вместо которых на концах кистей рук сформировали багровые рубцы. Их плотно привязали к двум разрезам, сделанным в брюшной полости. Впоследствии «кисти» рук приросли к туловищу. Снова их разъединили. Такие жестокие операции над невинным кабардинским парнем произвели 25 раз. Бесчеловечные опыты производили и над другими советскими людьми.

Освободили П. Хапова в Варшаве советские войска, где он лежал на операционном столе для очередных операций. Вернулся домой после окончания войны. У него нашлось мужество закончить вечернюю школу, а затем техникум. До 1964 года работал в колхозе главным агрономом, потом в колхозном саду («Кабардино-Балкарская правда», 1968, 25 мая). У него три сына и две дочери».

В семейном архиве Алика Пшибиевича Хапова сохранились вырезки из указанных Е. Т. Хакуашевым газет, тексты которых приводим ниже. Заметим только, что вариант из газеты «Правда», с незначительными сокращениями, был также опубликован в газете «Молот» (г. Ростов-на-Дону) под названием «Каждому – свое Бородино». По этой статье мы уточнили, что автор – Марлен Крюков, собственный корреспондент «Правды» по Ростовской области, в послевоенные годы учился вместе с Пшиби в Нальчике.

ПУСТЬ ЗНАЮТ ЛЮДИ...

(«Правда», 7 марта 1967 г.)

В городе Нальчике, в районе Затишья, белеют корпуса Кабардино-Балкарского государственного университета. В первые послевоенные годы университета здесь не было. Был пединститут. А недалеко стояло здание сельскохозяйственного техникума. Второй его корпус был тогда разбит, зиял черными оконными провалами. Помню, я никак не мог к ним привыкнуть. Каждый раз, когда проходил мимо, мне казалось, что чьи-то большие печальные глаза смотрят вслед, чего-то требуют.

Почти три года прошло после войны. Но ее метины попадались в ту пору на каждом шагу. Война наложила отпечаток и на состав учащихся техникума. Вместе с нами, семиклассниками, пришедшими сюда прямо со школьной скамьи, учились ребята в солдатских гимнастерках, с нашитыми знаками ранений. Учились неистово, одержимо, будто вбирали в себя знания за всех тех боевых товарищей, которым уже никогда не суждено взять в руки книгу.

К бывшим солдатам мы причисляли и Павла Хапова. У него не было кистей рук. Два пришитых мягких отростка заменяли ему пальцы. Не ухватить ими ни стакана, ни куска хлеба. Но ручку два этих отростка чудом держали. И мы удивлялись четкому, ясному почерку Павла. Он умел лучше всех записать лекцию. Помню, я заболел однажды, пропустил занятия. Выручил Павел. Притащил мне свои конспекты и великодушно сказал: «Пользуйся». Был он худощав, с красивой черной шевелюрой, с хорошей белозубой улыбкой. Говорил по-русски почти без акцента.

– Так что у тебя с руками, Павел? – решил спросить его. – Где их потерял, на фронте?

Он грустно усмехнулся.

– Нет, не на фронте... Долгая эта история...

Видно, неприятны были для него воспоминания. Все же он рассказал.

– Фашисты надо мной опыты делали...

То, что я услышал тогда от него, часто вспоминалось мне. Вспоминалось с болью. Иногда доходили вести, что Павел жив, здоров, работает все там же, в Кабардино-Балкарии. Земле он не изменил. И вот сейчас еду к нему в село Терекское, в колхоз «Заря коммунизма». Павел там бригадир садоводов. Еду и думаю, каков он стал, Павел Хапов, человек, так жестоко опаленный войной. Еще и еще раз вспоминаю все, о чем мне тогда рассказал. А случилось с ним вот что.

Село Белая Глинка, где жили Хаповы, заняли фашисты. Павлу было в ту пору неполных шестнадцать лет. Незадолго до прихода гитлеровцев отец его, заведующий районо, коммунист, сказал сыну:

– Мне надо уходить. Они недолго продержатся, сынок. За матерью смотри.

Немцы вели себя нервно. В первый же день были составлены списки жителей. Ходили слухи, что молодежь угонят на принудительные работы в Германию. Слухи подтвердились.

Матери еще долго шли рядом с колонной, оцепленной полицией. Плакали, причитали, молили бога пощадить их сыновей. Их отгоняли прикладами. Потом был эшелон, жидкая баланда, долгие остановки в пути, обожженная, истерзанная вокруг земля. Привезли их в небольшой польский город. Погнали в лагерь. Здесь шла сортировка.

– Юде? – спросил Павла немецкий офицер.

– Нет, кабардинец.

– А, темный, темный Кавказ.

Офицер долго ощупывал Павла, смотрел зубы. Потом паренька обстоятельно выслушал врач. Для чего-то им нужны были очень здоровые ребята. Наконец, сбили такую группу. Еще через несколько дней Павел очутился в больничной палате, узкой, темноватой комнате. У противоположной стены лежал человек с перебинтованным лицом. Лишь две щелки, как бойницы, зияли в этой маске.

– Пленный? – спросил по-русски сосед.

– Нет, меня угнали, с Кавказа я.

Под маской раздался не то стон, не то вздох.

– Земляки, значит. Я из Армении.

Чуть помолчав, забинтованный добавил:

– Крепись, парень, крепись, не распускайся.

Павла колотил мелкий озноб. Зачем он здесь? Ведь он не больной. Зачем его одели в больничное белье?

Вошел все тот же знакомый врач, который отобрал Павла в лагере. Очень вежливый, прилизанный. Он улыбнулся, сказал на ломанном русском языке:

– Ты будешь здесь жить, это твой кровать.

– Оставьте хоть парнишку, – подал голос сосед.

– Молчать! – вдруг взвизгнул немец.

Павел понял, что случилось что-то ужасное. Неспроста он здесь. Озноб продолжал бить его.

Когда врач ушел, сосед выругался.

– Слушай, паренек, крепись, еще раз тебе говорю. Это же не люди – звери. Они будут тебе операции делать. Но ты крепись. Может, дождешься наших. Я не дождусь. Тридцать пятая операция...

Вечером пришли санитары сделать Павлу укол. Он забился у них в руках, укол сделали... Все поплыло перед глазами. Потом будто провалился в бездну.

Павел пришел в себя и долго не мог понять, что с ним. Очень болели руки. Они были забинтованы. Поднял их. Оказалось, что нет кистей рук. И он закричал.

– Крепись, парень, – снова раздался глухой голос соседа. Говорил он с трудом. – Слушай меня. Нет у тебя рук, отрезали, сволочи. Ну, ответят они! Ответят за все! Слушай. Они каждую операцию фотографируют.

Суметь бы достать карточки. Чтобы наши, как придут, увидели. Ты понял меня? Завтра опять операция. Не выдержу, наверно... Ты выдержишь, ты молодой. Руки – это не главное. Ты понял меня?

Уткнувшись в подушку, Павел плакал.

С тридцать шестой операции сосед не вернулся. Так и не узнал Павел, молодым он был или старым, какое у него лицо, какие глаза, даже фамилии не узнал.

Несколько дней хоть и был Павел в сознании, но плохо понимал, что с ним происходит. Он не ел. Ему делали питательные уколы. Приходил врач. Улыбался. Говорил:

– Все корошо, очень корошо.

Палач был отменно вежлив.

Через месяц операция повторилась. Потом еще и еще. У Павла теперь было перебинтовано и туловище. При операции у него вырезали лоскутки живота. Пришивали к укороченным рукам (я видел эти шрамы). Иногда его оставляли в покое на два-три месяца. Он лежал на койке, перебинтованный, пожелтевший от переживаний. Он больше всего боялся не очнуться после укола. Прошла пора апатии. Хотелось жить. Особенно после того, как старый санитар-немец сказал ему тихо:

– Гитлер капут.

Клинику теперь часто перевозили с места на место. Вежливый палач не расставался со своим пациентом. Но это длилось уже недолго.

Тот день запомнился Павлу навсегда. Из клиники, теперь набитой ранеными, исчезли многие врачи. И тот, который экспериментировал на Павле, тоже. Звучала близкая артиллерийская канонада. Звенели стекла в окнах. В город вошли американцы.

Павел удивился, когда у него в палате появилось несколько разношерстно одетых людей. Они говорили по-русски. Видимо, они знали о Павле, потому что сразу бросились к нему.

– Ну как, дружок, выжил?

Это были наши советские люди, угнанные сюда, в Германию. Они работали на местной фабрике. Несколько рук бережно подхватили Павла и вынесли на улицу. Была весна. Война подходила к концу...

Павел вернулся домой. Здесь потеряли надежду увидеть его живым. Он не нашел в себе силы сразу постучаться в знакомые двери. Как покажется матери без рук? Весь день блуждал вокруг села. Когда стемнело, крадучись пробрался к дому, постучался...

Вот и весь Павкин рассказ. Да, еще. Фотографии он все же как-то раздобыл, привез с собой. Передал нашим чекистам. *[В газете «Молот» здесь имеется добавление: «Они, эти фотографии, потом фигурировали в документах Нюрнбергского процесса». – А. М.]*

...У входа в правление колхоза стояли люди. Спросил, где найти Павла Хапова.

– А вон он, – показали мне.

Да, это был Павел. Он шел мимо правления. Вот и встретились. Павел мало изменился. Только располнел немного да шевелюра, это уже я за-

метил позже, поредела. А улыбка все та же. Потом мы сидели у него дома, ужинали. У Павла приветливая жена, трое сыновей, черноокая дочь. На столе кипа газет, журналы. В разговорах и в воспоминаниях не заметили, как пробежало время. Тихо, будто на кошачьих лапах, подкралась ночь.

Как жилось Павлу все эти годы? Земле действительно не изменил, работал главным агрономом МТС. Возглавлял комсомольскую организацию. Потом был главным агрономом колхоза. Теперь вот бригадир садоводов. Со здоровьем не все ладно. Сказались те проклятые два года.

– На мою долю дел хватает. Угощайся яблоками, свои. Хорошие? То-то же!

И рассказывает о колхозном саде. О том, что разросся этот сад на многие гектары, дает колхозу прибыль. И о том, что любит свою работу и благодарен путевке, полученной в Затишье.

Ну, а в Затишье я был через несколько дней. Зашел в бывшее здание техникума. Там сейчас живут студенты сельскохозяйственного университета. Постучался в комнату, где жил Павел Хапов. Застал там двух девушек, озабоченных своими делами. Откуда им было знать, что одному из старых жильцов комнаты непросто было взять даже ручку. Но он брал, писал, и почерк у него был всем на зависть. Но я не стал им всего этого рассказывать. Не хотелось омрачать их необычную веселость. Может быть, напрасно?

Надо было, наверное, все же рассказать. Рассказать надо и другим. И тем, кто работает с Павлом рядом, и просто его знакомым. Ведь не знают многие из них, как это случилось с человеком такое, где потерял руки. В этом я убедился. Надо рассказать всем. Забывать об этом нельзя. Быть может, ходит еще по земле Павкин палач. Ходит и мечтает о новых опытах. Палач он всегда палач. Даже в белом халате.

М. Крюков, Нальчик – Орджоникидзе

* * *

Пишиби Езидович Хапов был очень скромным человеком. Даже не все взрослые односельчане знали, как он потерял руки и какие испытал жестокости немецких врачей-экспериментаторов. Свои проблемы со здоровьем он никогда не выпячивал, не требовал себе каких-либо льгот, наоборот, не любил ходить на мероприятия по чествованию ветеранов войны. Но благодаря публикации однокурсника в центральной газете «Правда» внезапно проявился интерес к его личности. В село приехали работники центрального телевидения, снимали фильм про него. А предупредить про трансляцию передачи авторы фильма забыли. Семья до сих пор так и не знает: показали ли снятое тогда по телевидению?

После «Центра» история с Пишиби заинтересовала и местного журналиста-писателя Кашифа Эльгарова, который, посетив нашего героя, написал о нем очерк в газете «Адыгэ псалъэ». Перевод был опубликован в газете «Кабардино-Балкарская правда». Хотя многие моменты предыдущей статьи здесь повторяются, но есть и дополнительная информация.

ЧЕЛОВЕК ПОБЕДИЛ

(«Кабардино-Балкарская правда», 25 мая 1968 г.)

«Ловите, парень!» Букет свежих цветов упал на подоконник. Но, занятый своими мыслями, Пшиби не заметил этого. Послышался дружный девичий смех. «По невесте своей, небось, тоскуете?! Ловите!» И в окно полетел второй букет. Пшиби потянулся к нему, но не смог достать.

– С вашей ловкостью вам невесты не удержат! – девушки продолжали смеяться. Им было невдомек, что этот смех дошел до слуха Пшиби, как холодный укол штыка, как горький плач. Ему стало плохо. Он закрыл глаза, развернулся и что есть силы ударил локтем по стеклу, и оно со звоном рассыпалось... Пшиби рухнул на подушку.

«Нет, зло сильнее добра, – думал Пшиби, все еще находясь под тяжестью обиды. – Иначе эти девушки надо мной не смеялись бы. А сколько их еще будет смеяться сегодня, завтра, через год, всю жизнь!» – Он отвернулся к стене и прикусил губу.

– Что же это ты, земляк, оробел? – в палату вошел мужчина с перебинтованной головой. – Ты же кавказец! Не надо слезам волю давать.

Он присел на кровать и, тяжело вздохнув, продолжал:

– Плохие руки – не такая уж дурная реклама. Их можно прятать в карман. А вот мою уродливую физиономию нигде не упрямь. Не лицо, а крыша без трубы. И все же я думаю о жизни, о возвращении в родную Армению. Пусть мы изувечены, но наша совесть чиста. Об этом узнают люди, и нам не придется краснеть ни перед кем.

Пшиби слушал его и думал: «Какой хороший ты человек, Оник. И сильный. Столько горя перенес, столько потерял, а еще говоришь о жизни, меня утешаешь».

– Усы немного подросли, Шими, – Оник пытается шутить, поглаживая рукой редкие волосинки над верхней губой. Он не может произносить имя Пшиби и всегда называет его «Шими». У Оника в руках фотография. С нее смотрит молодой красивый мужчина с густыми черными усами. Пшиби сравнивает его изображение с сидящим рядом человеком: небо и земля.

«Бедный Оник, что с тобой сделали фашисты! Чем отплатить тебе за доброту и братские чувства ко мне? – думает Пшиби, глядя на своего соседа по палате. – В минуты, когда я узнал, что никогда уже мои руки не будут пригодны ни для ласки, ни для приветствий, ни для труда, в те минуты, когда я подумал о никчемности своего существования, пришел на помощь ты, Оник. Ты сказал, что при любых условиях стоит жить. Спасибо тебе...»

* * *

В семье Езида и Джизы было шестеро детей – трое мальчиков и три девочки. Отец после победы революции получил образование. Он учительствовал. Мать нигде не работала: хлопот по дому множество.

Пшиби отправили в школу в 1934 году, когда Езида перевели из Терекского в Белоглинку директором школы.

Отец настойчиво внушал детям: «Новый мир строить грамотным людям. Учиться надо». И они учились, мечтали быть похожими на Чкалова и Папанина, на своих педагогов.

Но вот началась война. Фашисты добрались до Терека. В доме поселилась тревога: немцы и полицаи ежедневно вызывали в комендатуру Езида Хапова. Старый учитель постарел за эти дни, осунулся.

Однажды ночью отца забрали, и он больше уже не вернулся... [Здесь допущена ошибка: Езид вернулся и жил в селении до естественной смерти в 1953 году. – А. М.].

Спустя месяц семью Хаповых постигло еще одно горе – немцы угнали в Германию младшего сына – шестнадцатилетнего Пшиби.

Эшелон с советскими людьми к началу весны прибыл на станцию Щецин. Их поселили в казарме. Через несколько дней их стали вызывать на медицинский осмотр. Дошла очередь и до Пшиби. Взвесили, прощупали, осмотрели. Врач – бледнолицый детина лет сорока пяти с редкими каштановыми волосами – похлопал его по плечу и сказал: «Корошо. Иван». «Что же может быть хорошего», – мелькнула тревожная мысль.

Вскоре Пшиби перевели в другой город. Поместили в одну из палат длинного серого здания. Сестры показали ему на кровать. Рядом стояла еще одна койка, на ней лежал мужчина с перевязанной головой.

– Зачем этот больной и я, совсем здоровый человек, оказались вместе? – подумал юноша. Больной медленно повернулся к нему:

– Вы тоже военнопленный?

– Нет. Меня угнали.

– Откуда?

– С Кавказа.

– С Кавказа? – мужчина приподнялся. – Тогда мы с тобой земляки. Я из Армении... А как ты, дружок, попал в эту палату?

– Не знаю. Доктор распорядился.

– «Доктор»... Это не доктор, а зверь... Как тебя зовут?

– Пшиби.

– А меня Оник.

Он скрипел зубами и тихо продолжал:

– Ты говоришь «доктор». Посмотри, что он со мной сделал.

Но Пшиби уже видел неестественно плоские очертания лица, скрытого под бинтом. Юношей овладело ледяное чувство ужаса. Всю ночь он не мог заснуть.

Утром зашли в палату два дюжих немца в белых халатах, бросили парня на носилки.

В помещении, куда его принесли, было несколько врачей. Пшиби уложили на стол. Неожиданно над головой вспыхнула огромная лампа. Он почувствовал резкую боль в предплечье, – делали укол. Услышал голос переводчика:

– Считайте!

– Один... два... три... четыре... пять... шесть...

Вдруг не стало ни людей, ни лампы. Почудилось, что переворачивается вверх дном пол, падает потолок.

...Открыв глаза, Пшиби с недоумением посмотрел на свои руки. «Почему они перевязаны? Может быть, упал – и перелом?» – думал он, находясь все еще в каком-то тумане. Краем глаза увидел: сидит около него старик в белом халате.

– Воды, – попросил, – подайте.

Старик поднес кружку, и Пшиби попытался протянуть руку, но тот на ломаном русском языке сказал:

– Не надо так.

– Почему?

– Руками не шевели, – старый санитар приподнял его голову с подушки и помог отпить из кружки несколько глотков сладкого кофе.

Больше в этот день не было сказано ни слова. Лишь позднее старик разоткровенничался:

– Это палачи. Они режут на куски русских парней. На пленных производят опыты, после которых многие остаются на всю жизнь калеками. Вырезают позвонки, вытягивают жилы, рубят ноги...

Несколько раз санитар выводил его в коридор, показывая жертвы бесчеловечных опытов. Как потом понял Пшиби, санитар делал это умышленно, чтобы подготовить его к трагедии.

...На двенадцатый день после операции Пшиби снова принесли в знакомое помещение:

– Что они хотят?

Когда сняли повязку, он вскрикнул от ужаса: вместо пальцев на концах кисти багровели рубцы...

– Это не доктор, а палач... – вспоминались слова Оника.

В палате его обдало могильным холодом. Мягкое прикосновение чьих-то рук вернуло юноше сознание. Он услышал Оника:

– Будь мужчиной, Шими. По кремню ударишь – искры будут. Докажи фашистам, что ты кремень. И что кроме искр ненависти, они из тебя ничего не высекут. Пальцы потерял, а все остальное у тебя цело. Если больше ты им не понадобишься, считай, что еще счастлив. Я бы отдал многое, лишь бы не тронули мое лицо. А видишь, как поиздевались надо мной?

Так успокаивал его Оник. Но стоило взглянуть на руки и Пшиби овладевало желание уйти из жизни. Он так и сказал врачу: «Убейте!».

– Мы давно могли это сделать, если бы захотели, – усмехнулся тот и добавил: – Ты нам еще нужен!

Пшиби и Оник решили умереть голодной смертью. Шесть дней ничего не ели. Но фашисты стали вводить в организм глюкозу.

...Прошли месяцы. Раны на руках зажили. Но немцы и не помышляли расстаться с юношей. «Ты нам еще будешь нужен!» – часто вспоминал он разговор с «доктором».

«Доктор»-капитан, как впоследствии узнал Пшиби, был всего-навсего практикантом. Главный зверь ходил в генеральском мундире. Он наведывался к капитану и похваливал его за «работу».

– Из вас выйдет толк, – говорил генерал, с нескрываемым удовольствием наблюдая за жертвами убийцы.

Свою семнадцатую весну Пшиби встретил в истерзанной, стонущей Варшаве. Грело солнце, свет проникал и в мрачные палаты клиники. «Не для меня уже это солнце, эта весна, – думал юноша. – Даже цветы, брошенные в окно польскими девушками, причинили мне только боль».

Снова и снова размышлял он о своей страшной судьбе, о потерянной юности, о жизни, которая, казалось, уже не имела никакого смысла.

Тем временем палачи готовили новые пытки. Пшиби снова оказался на операционном столе. «Наверное, теперь отрежут ноги. Все. Конец моим мечтам о возвращении домой, о встрече с родителями. Только не дай бог, после операции придти в себя. Пусть лучше смерть...»

Но он не умер. Когда очнулся, увидел стоящих над кроватью старика-санитара и Оника.

– Я же говорил, что он выживет! – кричал Оник. – Кавказцы – крепкий народ. Не верите, смотрите на меня: 35 операций перенес, а живу.

Пшиби слушал, а сам боялся взглянуть на ноги. Но на этот раз «доктора»-капитана интересовало другое: в области брюшной полости он сделал два выреза величиной с ладонь и к открытым ранам плотно привязал кисти: сростутся ли?

Оник пытался облегчить страдания юноши:

– Я же говорил, что кавказцы – крепче камня. Разве можно таких людей победить? Пусть немцы знают, с кем имеют дело! Держись, мой мальчик. Кончится война, и от нашего имени народы будут судить преступников.

Но Оник не дожил до победы.

– Уносят, Шими, опять. Может, больше не увидимся. Поклонись от меня Кавказу. Так, мол, и так, держался один из твоих сыновей перед лицом смерти, – сказал он, прощаясь.

Оник не вернулся с 36-й операции. Сердце не выдержало очередной пытки. Об этом рассказал старый санитар.

А Пшиби пришлось еще раз лежать на операционном столе. Кисти приросли к туловищу. Тогда их снова разъединили и начались новые муки.

...На Пшиби уже проводят 26-й по счету опыт. Неужели придется еще 10 раз пережить эти кошмары, чтобы догнать Оника и попрощаться с жизнью? Он не помнит, сколько дней провел на операционном столе. На этом столе он однажды и услышал: «Гитлер капут!». Через сутки в Варшаву вошли наши войска.

* * *

– Папа, папа! Письмо тебе! – с шумом вбежали в комнату маленькие Замир и Альбиян. Пшиби зажал между кистями конверт и протянул мне.

Письмо было из Баку. Я извлек из конверта два тетрадных листа, написанных нетвердым ученическим почерком:

«Дорогой дядя Павлик! Я прочитала рассказ о Вас, напечатанный в газете «Правда». Меня сильно взволновал он. Вы перенесли много горя и мужественно пережили страдания и пытки. Спасибо, что Вы остались живы. Вы доказали врагу, что советские люди непобедимы. Вас мучили немецкие палачи-доктора. Теперь такие «доктора» Америки убивают вьетнамских детей. Палачей надо наказывать! Если у вас есть дочь, пусть напишет мне. Раиса Ананьева».

Таких писем приходит в дом Хаповых много.

– Простите, – спрашиваю я, почему вас называют Павликом?

– Когда меня отвозили на Родину, я случайно в список освобожденных попал как Павел. И в «Правде» я фигурировал под этим именем. Ну, естественно, так и пишут.

Смотрю я на Пшиби и думаю: какая в нем сила. Он нашел в себе мужество вернуться в строй и не просто жить, а приносить пользу людям. Да, несправедливость не останется безнаказанной. Ведь нашли же могилу фашисты, которые так жестоко издевались над беззащитными людьми. А человек, который, казалось, не сможет вернуться из лап смерти, остался жив. Остался, чтобы рассказать другим, что такое фашизм, чтобы научить людей ненавидеть зло.

Пшиби Хапов вновь полюбил жизнь, которую когда-то проклинал. Он вернулся в свое родное село Терекское. Закончил вечернюю школу, а затем техникум. До 1964 года работал в колхозе главным агрономом, потом перешел в колхозный сад. Сейчас это лучший сад в районе, дает артели большой доход. И тут – доля труда Пшиби Хапова.

– Быть полезным, – вот высшее счастье для человека, – говорит он. – Я-то знаю цену этому счастью.

Он привлекает к себе своего сынишку Алика и мягкими движениями кисти гладит его голову. Мальчик водит ручонками по старым извилистым рубцам на другой руке отца

К. Эльгаров

Приведенные очерки о Пшиби Хапове, на наш взгляд, написаны добротно, они будят в читателе душу. Но многое остается недосказанным. Почему после этих публикаций журналисты больше не писали о нем? Почему Пшиби не получил внимания со стороны военкомата? Почему полтора года после войны он скитался по разным местам, боясь вернуться на Родину? Почему после освобождения юноше не оказали медицинскую помощь, отпустили «на все четыре стороны», не объяснив ему то, что «все кавказцы высланы с Кавказа!» – это слухи? Почему Пшиби не отмечен наградами?

В послевоенное время его ждали очередные неприятности. Старший брат Мухарби, чудом выживший в битвах 115-й Кавдивизии, прибывший после войны на Родину с осколком в легких, умер в 1946 году, после

рождения сына Лиуана. И племянник остался на попечении Пишиби, до того как он создал свою семью. Воля, мужество и трудолюбие, выработанные им в юношеские годы, усиленные за время нахождения в плену, придали ему еще больше сил и стойкости, которые помогли преодолеть все трудности послевоенного времени при подорванном здоровье и наличии физического изъяна, полученного от опытов немецких медиков-экспериментаторов.

Через десять лет после публикации статьи К. Эльгарова, в возрасте 52 лет ушел из жизни Пишиби Езидович. Он прожил относительно короткую жизнь, которая была насыщена не только жестокостями войны и трудностями испытаний военного времени, но и счастьем семейной жизни, протекавшей во взаимоуважении и следовании адыгскому этикету и строгой дисциплинированности в семье и на работе. Вместе с супругой Зариллей Китовой, урожденной Хамовой, воспитали замечательных детей. Старшая дочь Антонина – медицинский работник, ныне на заслуженном отдыхе. Старший их сын – Алик – старший преподаватель кафедры теории функции и функционального анализа КБГУ. Мы вместе учились, вместе работаем. Одинаково ровный в общении и со студентами, и с коллегами, он снискал своим поведением репутацию эталона адыгского мужчины на математическом факультете. Сыновья: Замир – строитель, живет в Нальчике; Альбиян – унаследовал и специальность, и усадьбу отца. Младшая их дочь – Ольга (Алена) – сноха Маремкуловых, по образованию физик, а славится как одна из самых добропорядочных домохозяек моих соседей по селу Хатуей.

Старшее поколение часто повторяло: «Цыхум цыху кьельху!» (Человек рождает человека!). При этом имеется в виду не биологическое наследование, а передача и выработка (с помощью воспитания) человеческого достоинства. Последнее у Пишиби Езидовича Хапова было, как мы убедились, на высочайшем уровне. А мужество и воля, проявленные им в застенках немецкого экспериментального госпиталя, не пропали зря. Пусть все человечество помнит, что невозможно нечеловеческими пытками сломить дух нашего народа! А в нынешнее время, когда западные СМИ стремятся исказить историю Великой Отечественной войны, мы должны вспоминать истории пыток фашистов – в частности, о том, что случилось с шестнадцатилетним парнем из Малой Кабарды, надо рассказывать всем! Забывать об этом нельзя!



* * *

Байдаево мое, я вновь с тобой!
 Меж гор поселок с горстку... Сын природы,
 Я вновь хожу знакомою тропой,
 Где я летал в мальчишеские годы.

Крылатый, резвый, шумный человек,
 Любил я шум дождя и водопада.
 Теперь мне ближе нрав равнинных рек –
 Душа твоей тропинке тихой рада.

Но, видя в синеве небес орла,
 Она лететь за ним уже готова,
 Чтоб расспросить: а как идут дела?
 Семья орла по-прежнему здорова?



Здесь ветерок настоян на меду,
 И жить здесь по-особому охота.
 Я сердцем рвался к отчому гнезду,
 Где горы дали крылья для полета.

Не похваюсь я в жизни синевой,
 Моя судьба ненастьем зим богата.
 Но не потух очаг наш родовой –
 Он сбережен рукой старшего брата.

Отцовский дом и прочен, и богат.
 В нем нет меня? Беду мою поймите:
 В судьбе был ветер – он и виноват,
 Мой курс заставил изменить в полете...

В долину я спустился с отчих гор,
 Оброс друзьями новыми помалу.
 Но чту обычаи я предков до сих пор,
 И мне они – как посох аксакалу.

«Будь добр с людьми, гостеприимен, прост, –
 Передаю заветы предков сыну, –
 Ступай по жизни смело, в полный рост,
 Не гни по-рабски перед чином спину.

Лень, озлобленье, страх гони кнутом.
 Злой силе нерушимо строй преграды...»
 В любом завете, мудром и простом,
 Родной народ для всех оставил клады.

...Нежданный дождь в горах обрезал путь,
И тяжесть туч нависла надо мною,
Уже перелилась частично в грудь
Мою и стала немощи виною.

И гром погнал к селению, назад.
В лицо дохнула резкая прохлада.
Дождю, грозе и тьме мой взгляд не рад,
Зато душа во мне ненастью рада.

Спускаюсь с гор спокойно, не спеша.
Седые камни, сосны, луч, запруда –
Какое чудо!.. Правда, что душа
Совсем отвыкла в городе от чуда.

* * *

Теплый вечер спускается в горы,
Высь огней золотистых полна.
И глядит на земные просторы
В тихом свете улыбки – луна.
Грустно-грустно на пару с луною
На лугу проводить вечера.
Неужель ты не хочешь со мною
Говорить о любви до утра?
Помнишь, пел для тебя я когда-то,
Я сто песен спою тебе вновь –
Как я стал, словно птица, крылатым...
Отрастила мне крылья любовь.

* * *

Ты любишь мать свою? О нежной страсти
Скажи и ей – имеешь ты права.
Пусть даже ты словесных дел не мастер,
Все ж подбери ей лучшие слова.
Не обижай живого человека,
Тем более, когда роднит и кровь...
И пусть ее не видел ты полвека
Иль более – скажи ей про любовь!
Для ласки сердце матери готово.
Но помни: и в далеком кишлаке
Родная мать должна услышать слово
Лишь на ее, на кровном, языке, –
На том, что с молоком тебе дала когда-то.
Но если речь заводишь на другом,
То чувство, что ты выскажешь, – не свято,
Хоть речь завел о самом дорогом.

* * *

Над этим многие гадали –
Как юность в старости оберечь.
Все притупляется с годами –
И взгляд, и слух, и нюх, и речь...
Возможно так лишь в жизни серой.
Бескрылость старости виной.
А я живу на свете – с верой.
Что будет молодость со мной
И через тридцать, через сорок
Моих неугомонных лет!
Мне юный пыл души столь дорог,
Сколь дорог людям солнца свет.
Давно виски уж поседели.
И просьба слышится в груди:
О молодость, ты, в самом деле,
Живи со мной. Не уходи!

* * *

Богатство наше вовсе не в рубле.
И, несомненно, тот преступно беден,
Кто век прожил без дружбы на земле,
Спиною повернувшись и к соседям.
Кто дружбою богат – тот на коне!
Богатому казной без дружбы туго,
А бедному крестьянину – вдвойне,
Особенно когда теряет друга.
Я с первых лет остался сиротой.
И вот богат я дружбою под старость.
Но страх берет, когда мой дом – пустой...
Тогда я говорю себе: постой,
Да неужели друга не осталось?!

* * *

Смотрю на майские долины.
Смотрю на отчие места...
Необозримые картины!
Необозрима красота!

Глядеть на все – Не наглядеться!
Так люб Кавказ моей судьбе.
Его края сыновне сердце
Вместило полностью в себе,
Что даже взглядом не измерю –
Ущелья, доли, свет и мрак...
И слову доктора не верю,
Что сердце наше лишь с кулак.

«КЛАССНЫЙ КЛАССНЫЙ»

5 октября Россия отметила День учителя. В 2015 году этому празднику исполнилось пятьдесят лет. На юбилейном вечере в Государственном Кремлевском дворце побывала делегация из Кабардино-Балкарии. Преподаватель английского языка школы № 6 Марина Гериева оказалась в числе гостей не случайно. В прошлом году она стала победительницей приоритетного нацпроекта «Образование» в номинации «Лучшие учителя».



М. М. Гериева

беседник. Она познакомила меня с Москвой и рассказала о ней много нового, – говорит Марина Гериева.

В шестой школе она работает 26 лет. Это единственная запись в ее трудовой книжке. Говорят, случайностей в жизни не бывает. В этом мире все закономерно, хотя логика событий заметна не сразу. Ее увлечение английским началось еще в детстве. С десяти лет девочка углубленно изучала язык. Уже тогда ее первая учительница не сомневалась – Марина обязательно будет переводчиком или учителем. Именно так и случилось. В старших классах наша гостья окончательно определилась с выбором профессии и поступила на факультет иностранных языков Кабардино-Балкарского университета. Ее руководителем стала Лариса Темрокова, которая сразу обратила внимание на способную студентку. Об этом преподавателе Гериева вспоминает с благодарностью и любовью, но своими главными наставниками все же считает родителей. Когда молодая учительница пришла работать в школу, ей было к кому обратиться за советом.

Отец – Мусса Керимович Байдаев – известный в республике прозаик и поэт, в молодости увлекался альпинизмом и много писал на эту



*Министр образования и науки КБР Н. Г. Емузова
с делегацией Кабардино-Балкарии в Москве*

тему. Однако свою трудовую деятельность он начинал преподавателем. Мама – Саният Хажмусаевна – проработала в школе 50 лет. Сначала была учителем младших классов. Потом учила детей балкарскому языку и литературе.

– На первых порах в школе было непросто, – признается Марина Гериева. – Дети – прекрасные психологи, они чувствуют малейшие нюансы. Меня очень поддержали родители. Они помогали советом, учили уважать детей и верить в собственные силы.

В семье Байдаевых родители всегда были не только наставниками, но и друзьями. Дети ничего от них не скрывали и откровенно делились своими секретами. Эти доверительные отношения сохранились до сих пор.

Учебный процесс – дело тонкое и обоюдное. Обучая детей, учитель открывает для себя много нового.

– Я учусь у них постоянно, – улыбается Марина Гериева.

Она пришла в школу совсем молоденькой девушкой. Разница в возрасте со старшеклассниками – всего несколько лет. Сейчас это опытный педагог, который заслуженно пользуется уважением коллег и любовью своих подопечных. В качестве классного руководителя она выпустила три класса, с каждым из которых занималась по семь лет. Марина считает, что по большому счету дети не меняются.

– Я видела, как они растут, и считаю, что все дети проходят одни и те же этапы развития. Проблемы у них общие, – говорит преподаватель. – Молодежь часто ругают, но если они плохо воспитаны – виноваты в этом мы. Взрослые должны вести себя с ребенком на равных. Иногда нужно посмеяться, иногда – проявить строгость. Это должно происходить ор-



Министр образования и науки РФ Д. В. Ливанов; учитель английского языка школы № 6 г. Нальчика М. М. Гериева; зам. председателя правительства РФ О. Ю. Голодец; учитель русского языка и литературы школы № 5 г. Майского Н. Ломоносова на встрече в Государственном Кремлевском дворце

ганично и естественно, в зависимости от ситуации и психологических особенностей ученика.

Сегодня много спорят о роли семьи и школы. Кто-то считает, что воспитывать ребенка, прежде всего, должны родители. По мнению других – это задача системы образования. Наша гостья придерживается в этом вопросе «золотой середины». Она убеждена: родителям и учителям необходимо объединиться и стать одной командой. Только в этом случае они могут рассчитывать на успех. Классный руководитель должен быть «внештатным» членом каждой семьи. Это выражение Марины Гериевой не раз цитировали в департаменте образования.

В этом году она взяла тайм-аут, решив отдохнуть от хлопотной должности классного руководителя. Это позволяет уделять больше внимания предмету и заниматься дополнительной подготовкой ребят. Марина Гериева работает с разными возрастными группами, и у каждой есть свои плюсы и свои минусы. На начальном этапе учебный процесс носит характер игры. Малыши менее ответственны, старшеклассники всерьез задумываются о будущем. В учебе важна мотивация. У маленьких она одна, у больших – совершенно другая.

– С младшими классами, конечно, сложнее. Они напоминают чистый лист бумаги, и то, что на нем будет написано, зависит только от тебя. Способности к языкам у всех разные. Кому-то учеба дается сложно, другой схватывает материал на лету. Это обусловлено памятью, усидчивостью, трудолюбием и, конечно, позицией родителей. Одни ставят во главу угла знания. Для других важнее хорошие отметки...

Марина Гериева относится к своей работе творчески. Много времени уделяет разговорному языку. С каждым ребенком старается заниматься индивидуально. Такой подход дает хорошие результаты. Ее бывшие ученики преподают английский, работают в туристическом бизнесе и

международных компаниях. Со многими из них Марина дружит до сих пор. Некоторые уже сами стали родителями и приводят к любимой учительнице собственных детей.

К реформам в сфере образования в российском обществе отношение неоднозначное. В частности, многие учителя сетуют на бумажную работу, которая отвлекает от учебного процесса и отнимает массу времени.

– С одной стороны, мы стремимся к тому, чтобы российское образование соответствовало международным стандартам. С другой – необходимо учитывать целый ряд особенностей – культуру, обычаи, менталитет... – считает Марина Гериева. – Учителя не успевают за реформами. Их слишком много и они напоминают чехарду. Что касается оформления документов, бумажной работы стало не в пример больше, но, как говорится, нет худа без добра. Документация позволяет более детально изучить особенности ребенка. Сейчас многие родители заняты финансовыми вопросами, и большую часть воспитательного процесса берет на себя школа. Учителю приходится знакомиться с каждой семьей изнутри. Внимательно изучая портфолио, мы знаем об учениках все, вплоть до состояния их здоровья.

У нашей гостьи немало грамот и дипломов. В 2009 году она стала «Учителем года» Кабардино-Балкарии в номинации «Классный классный». Это справедливо. Детям Марина Гериева отдает себя целиком. Она создала при школе клуб «Альбион» и руководила национальным хореографическим коллективом. Любовь к танцам наша гостья унаследовала на генетическом уровне. В юности она увлекалась хореографией. Ее родители танцевали. Сестра выступала в ансамбле «Калисто», брат был солистом «Балкарии». Под руководством Гериевой школьный коллектив добился неплохих результатов. Юных танцоров заметили, оценили и стали приглашать на всевозможные торжества. Они выступали практически на всех концертных площадках и даже попробовали себя в драматическом жанре. Вместе с балкарским театром отыграли два спектакля

В СССР образованию уделяли особое внимание. О школе сочиняли песни, писали книги и ставили кино. Некоторые из этих фильмов мы с удовольствием пересматриваем до сих пор. Любимая картина Марины Гериевой – «Доживем до понедельника» Станислава Ростоцкого. Несмотря на цензуру и идеологические клише, свойственные искусству тех лет, фильм получился убедительным. «Автор сумел многое сказать между строк», – считает гостья нашей редакции.

С будущим мужем – известным тележурналистом Сафаром Гериевым она познакомилась на свадьбе своего брата. В ноябре этого года супруги отметят «серебряную свадьбу». Их сын унаследовал от мамы способности к языкам. Он владеет английским и немецким. Свободно говорит на кабардинском и балкарском. В детстве мальчик хотел стать филологом, но родители его отговорили. Сейчас Исламу двадцать четыре. Он разрабатывает бизнес-планы в Агентстве инвестиций развития Кабардино-Балкарии.

**НАФИ ДЖУСОЙТЫ:
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ У ВСЕХ НАРОДОВ ОДНА –
БЫТЬ ВЕЧНЫМИ И БЛАГОПОЛУЧНЫМИ»**



Год 2015 указом президента Российской Федерации Владимира Путина объявлен Годом литературы. Думается, не случайно выбор пал именно на это время, так как оно отмечено многочисленными литературными датами, среди которых – и 90-летие классика осетинской литературы Нафи Григорьевича Джусойты. В республиках Северная Осетия-Алания и Южная Осетия год 2015 объявлен ещё и годом Нафи Джусойты. Это знаменательное событие будет широко отмечаться в обеих республиках. В г. Цхинвале состоится торжественный вечер, посвященный юбилейной дате. В Юго-Осетинском НИИ пройдет научная конференция

по творчеству Нафи, а в Государственном драматическом театре имени К. Л. Хетагурова состоится постановка спектакля «Азау и Таймураз» по пьесе юбиляра. Пройдет читательская конференция по роману Нафи «Кровь предков» и литературно-музыкальный вечер по его поэзии. Министерством культуры РЮО запланирован «круглый стол» на тему «Нафи – писатель, поэт, драматург, критик, переводчик, общественный деятель».

Особое внимание уделяется изданию научных трудов и художественных произведений Н. Джусойты. Будет опубликована монография о жизни и творчестве юбиляра, снят документальный фильм-телеочерк о классике осетинской литературы.

Одной из улиц г. Цхинвала присвоят имя писателя, в плане – выпуск памятной медали и настенного календаря, посвященных Нафи. Юбилейные торжества в честь Нафи Джусойты помимо г. Цхинвала пройдут в Москве и Владикавказе.

Патриарху осетинской литературы, талантливому прозаику и поэту, профессиональному переводчику и превосходному публицисту, литературному критику и видному ученому-филологу, общественному деятелю, доктору филологических наук Нафи Григорьевичу Джусойты в 2015 году исполняется 90 лет со дня рождения. Заслуги Нафи (так тепло и любовно называют мастера слова земляки) перед осетинским народом и культурой весомы и значимы. Его художественный и научный потенциал в полной мере реализовался в различных направлениях: поэзии, прозе, драматургии, публицистике, переводах, в литературоведческих трудах. Просто диву даешься, когда обзираешь все, что создано творческим гением Нафи, прожившим без малого столетие.

Такая творческая многогранность писателя вызывает к нему глубокое уважение и переполняет сердце гордостью за нашу национальную культуру. Ведь она отразила наиболее характерные черты и особенности нашего народа и его культуры на протяжении длительного периода исторического развития.

Нафи еще и благородный человек, и замечательный собеседник, «чистый, совестливый, верный в товариществе и дружбе» (Кайсын Кулиев); «человек, известный своей рыцарской – без страха и упрека – преданностью истине и искусству» (Алла Марченко). А вот так отозвался о Нафи выдающийся чеченский писатель Абузар Айдамиров: «Мудрый, мужественный, всесторонне образованный человек, настоящий горец» (журнал «Вайнах», 2013, № 10-12).

Творческие и дружеские связи читающей публики Кабардино-Балкарии с Нафи Джусойты ярче всего нашли своё отражение в его «Книге друзей. Сочинения последних лет». – Нальчик «Эльбрус», 2003.

Особая дружба людей, преданных национальной литературе и качеству, ярких творческих личностей, определивших настоящее и будущее национальных культур региона, связывала Нафи Григорьевича с Кайсыном Кулиевым, Алимом Кешоковым, Хачимом Теуновым и Адамом Шогенцуковым, другими кабардинскими и балкарскими писателями и поэтами. Признание творческого союза Нафи Григорьевича Джусойты с кабардино-балкарской литературой – Указ о награждении Нафи Григорьевича Джусойты Почетной грамотой КБР «За большой вклад в развитие национальной литературы», подписанный Юрием Коковым.

Джусойты – давний автор журнала «Дружба народов». Именно на его страницах получили вторую жизнь и всероссийскую известность сам автор и его замечательная повесть «Возвращение Урузмага», вызвавшая ожесточённые споры литературных критиков и восторженные отзывы читателей. Авторский перевод повести на русский язык стал феноменом русской литературы, поэтому нельзя не согласиться с мнением видного критика Аллы Марченко: «...Такой полновесной русской прозы, какую являет нам авторский перевод «Возвращения Урузмага», я давно не читала» (Вопросы литературы, 1975, № 5, с. 50)

На страницах «Дружбы народов» были опубликованы многие литературоведческие и публицистические статьи писателя, поднимающие животрепещущие вопросы времени. Нафи всегда стоял на авансцене литературной борьбы, всегда защищал истину, высокое искусство. В статьях, опубликованных на страницах «ДН», он выступает как глубокий мыслитель и оригинальный художник, чьё мировоззрение отличается глубиной проникновения в суть вещей и явлений («Мир сквозь сердце» (ДН, 1965, № 3), «У порога зрелости» (ДН, 1968, № 7), «Чурек на завтра, или Дума о будущем» (ДН, 1966, № 11), «Воспитание чувств и обычаев» (ДН, 1968, № 7), «Национальное и интернациональное» (ДН, 1967, № 1), «Цельность поэтического характера» (ДН, 1982, № 4), «Послание друзьям в страну безмолвия» (ДН, 2000, № 11) и другие.

Сенсацией стала публикация в «ДН» статьи «Воспитание чувств и обычай». Автор в форме философского эссе глубоко и всесторонне освещает историю обычая, его роль и место в культурной жизни народа, его соотносённость с законом и современными реалиями жизни. Сопоставляя красоту и мудрость народного образа и пустоту внедрявшихся партийными функционерами обрядов, писатель делает смелый вывод: «... Надо не отваживать людей от подлинно народных традиций, а приучать их уважать эти традиции, знать их, чтобы свободно отличать подлинное от подделки, народное от сословных наслоений и суметь самим творить в духе народного нравственного и эстетического наследия» (ДН, 1968, № 7, с. 249).

Особая забота писателя – судьба родного языка, без которого нет национальной литературы. Позиция Джусойты в этом вопросе была однозначна: «...Если мы действительно желаем укрепления интернационального, то надо всемерно заботиться о развитии национальных культур, надо оградить национальные языки от нигилистических нападков. Расцвет национальных культур и будет самым настоящим интернациональным делом, залогом ещё большего сближения и дружбы наших народов» (ДН, 1967, № 1, с. 252).

В свои 90 лет Нафи Григорьевич необычайно бодр и жизнерадостен, полон творческих сил, у него обширные планы на будущее. Наша беседа с ним состоялась в североосетинском республиканском издательстве «Ир», где у него в год юбилея выходит из печати сборник избранных стихотворений. Интервью, без сомнения, будет интересно и читателям «Литературной Кабардино-Балкарии», которым писатель передаёт наилучшие пожелания благополучия и здоровья в нелёгкие нынешние времена.

– Нафи Григорьевич! Первый раз мы с Вами встретились на празднике поэзии в горном ауле Нар, на родине основоположника осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова. Это было еще во времена СССР. Вы приехали из Цхинвала с писателями Людмилой Галавановой и Хаджи-Муратом Дзуццати. Не узнать Вас – нашего Нафи, так Вас все называли, – было невозможно. Все Вас приветствовали, улыбались Вам, заражались Вашим настроением и оптимизмом. И как всегда – Вы в своей неизменной осетинской войлочной шляпе. Она органично входит в Ваш человеческий и писательский облик. Без нее Вы – не наш Нафи. А что значил этот символ достоинства и чести для Вас тогда и значит сегодня?

– Я эту простую войлочную шляпу носил в свои мальчишеские, а потом пастушеские годы. Я люблю ее, во-первых, потому, что ее делали и дарили мне руки и сердце матери. А мать (все матери на земле и в небесах!) была и остается для меня самым любимым и самым добрым существом во вселенной.

Не придаю шляпе никакого символического значения. Но она проста, практична и удобна в обращении. И мне не хочется с ней расставаться ради моды и мнения любителей показухи во всем, в том числе и в одежде.

Все остальное, Асланбек, вы знаете не хуже меня, – головной убор для наших предков был символом человеческого достоинства. Они дорожили им, равно как и головой, которую он прикрывал и в погожие дни, и в непогоду. И в этом случае я покорствую их мнению.

– *Нафи Григорьевич, когда Вы впервые почувствовали в себе силы и уверенность, что можете творить – писать стихи и прозу? Думали ли Вы стать в будущем профессиональным писателем? Кто из писателей – Ваших учителей – вселил в Вас уверенность в этом?*

– Прозаические наброски (большей частью пейзажные) начал делать в мальчишеские годы – учеником четвертого класса – когда мне шел десятый год. Стихи стал писать в Ногирской средней школе, где я учился, в седьмом классе, в 1937 году. Я вырос в деревне, и учителей, к сожалению, у меня не было. С нашими писателями я познакомился лишь в конце декабря 1945 года, когда вернулся из армии. По-братски тогда принял меня и мои писания Гафез (Гаглойты Федор), и с ним я был в дружестве с декабря 45 года до его ухода из жизни в августе 1983 года.

Он был необычайно доброжелательным и мудрым человеком. Писательский эгоизм, о коем хорошо и точно сказано Блоком –

*Там жили поэты, и каждый встречал
Другого с надменной улыбкой, –*

был ему непримиримо чужд. Мы с ним вели постоянные беседы о нашей литературе, о предназначении писателя, о судьбе его в реальной действительности, о трагизме жизни, полной извечного противостояния бытующих общественных установок и индивидуальных, личностных идеалов...

Так мы учились оба, но он был опытнее меня, и я, естественно, считаю его своим другом, братом и учителем.

– *Приоткройте завесу тайны и впустите читателей в свою творческую лабораторию: как Вы творите?*

– Честно говоря, я не знаю, что это такое – «тайны творческой лаборатории». Я пишу лишь тогда, когда приневолит тебя какая-то внутренняя сила. Как ее назвать – я не знаю, но ее воле всегда подчиняюсь как божьей каре или благодати.

Сам процесс созидания чего-то из «словесной руды» всегда радует. Но когда закончишь свой труд, приходит к тебе не только усталость, но и неизбывная печаль: «А нужно ли это кому-нибудь?.. Не зря ли загубил дни своей жизни, коих у тебя и так маловато?..».

В такое время себя утешаю одной благородной мыслью Гёте: «Писатель должен писать, если у него есть хотя бы один настоящий читатель...».

Знаю, что и это всего лишь самоутешение. Но что делать, если нет иной надежды у писателя малочисленного народа?..

– *Кто были Ваши учителя по жизни? Как Вы о них сейчас вспоминаете?*

– Моими учителями по жизни были, прежде всего, мать и отец. А затем односельчане – на моей малой родине каждый род живет в отдельной деревне, и все учат малышей, как своих собственных детей.

И учили не наставлениями, а собственным поведением. Учили не только тому, как следует жить хорошему человеку, но, прежде всего, тому, как не следует вести себя в кругу людей в любой ситуации – как в обыденной, так и в сложной. Это как в литературе, в писательской среде. Как следует писать хорошо – никто не знает, а как не следует – этому можно научиться даже у бездарных мучеников искусства слова.

– *Девяносто лет, прожитых Вами, дают Вам право сказать несколько слов о будущем Северной и Южной Осетии, о будущем нашей единой Родины. Каким Вы видите это будущее?*

– Судить-рядить о будущем нашей «общей родины» Осетии мне очень трудно. Для меня это – наша национальная будущность. А она – далека от желаемого образца. Ныне любители высокого красноречия (чуть было не сказал – краснобайства!) охотно говорят о национальной идее, выдавая сие словосочетание за какое-то идеологическое открытие.

Между тем, национальная идея у всех народов на планете Земля одна. И смысл ее прост и однозначен – все народы хотят быть вечными и благополучными.

Вечность же народа – его благополучная национальная судьба в грядущие времена – зависит от живого и всемерного функционирования его национального языка. Это элементарная истина, которая так и не усвоена нашим народом, не осмыслена национальным самосознанием. И у меня поэтому душа мрачна, когда думаю над этим вопросом – об историческом грядущем Осетии...

– *В своей книге «Цардивсены» («На переломе жизни» 1958) Вы писали: «Когда писатель что-то создает, он хочет, чтобы его творение дошло до потомков, и было ими понято. Если бы этого не было, то стоило бы ему жить, ради какой другой великой цели страдала бы его душа, творя прозу или лирику? Ради хлеба насущного и питья? Но ведь и животные умеют пить и есть?» (Перевод отрывка мой. – А. М.). Ответьте мне: зачем творил и продолжает творить свои стихи и прозу наш современник и нынешний живой классик осетинской литературы Нафи Джусойты?*

– На вопрос о том, почему писатель продолжает тратить свои дни жизни на писание всякого рода словесных сооружений, когда видит, что они никому не нужны, я уже ответил. Добавлю – потому что он не может расстаться со своим природным предназначением. Расставание в такой ситуации – это уход в страну беспамятства и забвения. Этот путь закрывает писателю его благостная надежда – авось найдется хоть один читатель.

– *Глядя с высоты прожитых лет и пережитых событий эпохального значения, скажите откровенно: какое событие в жизни нашей страны – Советского Союза и РФ – оказало на Вас, гражданина и писателя Джусойты Нафи Григорьевича, самое большое влияние и почему?*

– Самое большое горе в истории нашей страны мне принесло поражение социализма и распад СССР в конце прошлого века.

И связано это горе не с политикой и партийной принадлежностью, а с моей необратимой убежденностью в том, что история человечества со

времени появления частной собственности складывалась как неукротимая борьба между двумя типами нравственно-психологической и идеологической (мировоззренческой) сущности человека. Это – борьба между эгоизмом и коллективизмом человеческой личности.

Ныне это борьба стала решающей доминантой государственной, классовой, сословной, расовой, религиозной, групповой (мафиозной) и т.п. политики. И если человечество не сумеет повсеместно перестроить свою общественную жизнь на коллективистских началах, то придет к самоистреблению, к позорной смерти кровожадных зверей...

– *Мои самые любимые Ваши прозаические произведения – это повести «Белый-белый снег» (1969) и «Возвращение Урузмага» (1974). Последняя заканчивается такими словами: «И остается человеку одно – мужество жить без утешения, жить до самого смертного часа. И, что бы ни случилось, жить по-людски». А вот слова другой Вашей героини, которую так же, как и Урузмага, нельзя забыть. Это говорит Дочь Бату из повести «Белый-белый снег». В последние мгновения своей многострадальной жизни обращается она к любимому внуку Саукаxu: «Ничего, мой черноногий сыночек, не плачь, пройдет твоя печаль, как снег по весне растает, и живи, веточка моего сердца, живи, так надо!» Сколько душевной силы, мужества, жизнелюбия и доброты в Ваших героях? Сколько веры в человека, в его силы, в его лучшее будущее! Мне представляется, это – дар Вашего поколения, Ваших старших и сверстников, односельчан и друзей. Или я не прав?*

– О нравственной сути персонажей моих рассказов и повестей мне не хочется рассуждать. Ваше представление о них мне кажется, бесспорно, верным. Могу поддержать ваше мнение одним фактом: все эти лица мне не приснились. Я их видел, слушал, наблюдал. Любил их и оплакивал молчаливыми слезами, когда уходили в мир иной...

– *Нынешнее состояние осетинского языка, по мнению чиновников от культуры, большого беспокойства не вызывает, все идет своим путем, язык развивается. Но большинство нашей творческой и научной интеллигенции такое мнение не разделяет, считает, что наш язык «находится у края пропасти», что крайне актуально восстановление его престижа и его статус-кво. Да и ЮНЕСКО не случайно отнесла наш родной – осетинский – язык к умирающим языкам. А каково Ваше мнение по данной проблеме?*

– Судьба нашего национального языка не беспокоит лишь наше чиновничество, ибо оно (в своем большинстве) и не знает его, и не говорит на нем, читать книги на нем представляется ему глупым занятием. Наша интеллигенция тоже не очень далеко ушла от чиновничества, ведь и чиновничество формируется из интеллигенции.

В такой ситуации остается одна надежда – быть может, нам удастся вернуть наши школы, хотя бы на уровне неполной средней, к обучению на родном языке, то есть к тому, чтобы до 8 класса средней школы обучение шло на осетинском языке. Только в этом случае наши дети будут знать гораздо лучше, чем ныне, и родной, и русский язык.

Если этого не добьемся, то наш древний и прекрасный язык обречен на мучительное прозябание...

– Вы были знакомы и дружили со многими известными деятелями науки и культуры СССР – учеными и писателями. Особое место среди них занимал наш земляк, выдающийся ученый, лингвист с мировым именем и мужественный человек – Вассо Иванович Абаев. Именно ему посвятили Вы свой роман в двух книгах «Слезы Сырдона». Что значили для Вас дружба и общение с этим великим человеком? Как Вы оцениваете сделанное им в науке и культуре?

– Василий Иванович Абаев для меня не только великий ученый, но и великий человек. Я знал его на протяжении полувека – с 1954 года до дня его похорон. Общался с ним часто – и за рабочим столом и в домашней обстановке.

С 1950 по (декабрь) 1953 года я учился в Ленинграде в аспирантуре Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Вассо тогда еще работал там же, в Ленинграде, и познакомил меня с ним его аспирант Магомед Исаев.

Я не лингвист, но меня давно интересовал один важный вопрос: когда и по какой необходимости человек сотворил звуковую речь?.. С Василием Ивановичем мы говорили большей частью именно об этой проблеме. Он об этом думал, вероятно, во все годы своих занятий научным языкознанием. Я же – с той поры, когда в 1959 году впервые прочитал первый том его «Историко-этимологического словаря осетинского языка». И свои раздумья изложил в брошюре, изданной во Владикавказе в 2005 году, – «Сказание о звуковой структуре и возникновении Слова-Имени».

О том, что значит Василий Иванович для осетиноведения и осетинской культуры, я писал несколько раз, и мои статьи опубликованы в книжке «Уроки Вассо Абаева». Последняя моя статья, пока неопубликованная, называется «Об ответственности наследников», то есть о наших обязанностях перед памятью Василия Ивановича.

В чем я вижу нашу ответственность перед его именем и огромным наследием?

Во-первых, в том, что мы должны самым серьезным образом заняться исследованием его жизни и творческой деятельности на протяжении 76 лет. Во-вторых, собрать все его письма. Мне удалось собрать и издать лишь небольшую часть его переписки с друзьями. В-третьих, позаботиться об издании максимально полного собрания его сочинений.

И, в-четвертых, внести кое-какие поправки к этимологическому словарю (ИЭСОЯ). В нем огромное число статей, и надо все вычитать и перечитать. Сам Василий Иванович более ста раз указывает: «Этимология не известна, не ясна» и т.д. Сотни раз подчеркивает предположительный характер этимологических трактовок: «Вероятно», «возможно», «может быть» и т. д. Однако никто из осетинских лингвистов не пытался пока хоть что-то предложить в качестве поправки. И мне кажется, это связано с нашей ленью, желанием не утруждать себя...

Вот один пример. На 256 странице первого тома ИЭСОЯ есть статья в одну строчку «bæxbæddæn ‘ключица’ – буквально ‘коновязь’. См. bæx и bæddæn».

Ясно, что этимологии здесь нет, ибо коновязь, как и конь, не имеет отношения к ключице. Почему ключица называется bæxbæddæn, так и осталось неразгаданной проблемой. Но наследники ученого притворно помалкивают. Не замечают они даже призыв ученого к размышлению. На странице 28 того же первого тома к трем словам (ad, adag и adæg) этимолог замечает: «Происхождение слова не ясно», «Нет ясного происхождения». Однако и этот факт никого не призвал к размышлению. Но один из поклонников словаря заявил в печати: «Каждая статья в словаре – научное открытие». Ясно, что этот ученый ни одной статьи в словаре не соизволил прочитать, говорит всуе...

Василий Иванович – великий ученый, и нам надо, прежде всего, выполнять свои обязанности наследников, а не соревноваться друг с другом в восхвалении. Надо хоть чем-то оправдывать свое звание наследников великого ученого.

– *А когда Вы впервые услышали русское слово и научились писать по-русски? Кто Ваши любимые писатели из русской литературы? Какие произведения русской классики Вам дороги?*

– Первые русские слова я услышал от отца, солдата первой Мировой войны. Русский язык изучал в школе. Правда, я окончил в 1941 году среднюю школу, где с 1-го по 10-й класс включительно языком обучения был осетинский язык. Тем не менее, русский язык мы знали не так уж слабо. Более того, развитое чувство (родного языка) помогало нам и русское слово чувствовать тоньше и полнее, особенно его эстетическую природу.

В 1938 году я довольно успешно окончил Ногирскую среднюю школу, и дирекция школы подарила мне библиотечку из 45 русских книг. С той поры я стал прилежным читателем и осетинской, и русской, и мировой литературы на русском языке.

Русский язык, русскую литературу, русскую народную песню я люблю невыразимо. Это как у Коста: «Сил нет выразить и высказать нет слов».

Называть писателей и любимые мои произведения русской классики не буду – слишком долго перечислять – от «Слова о полку Игореве» до девичьей грустинки:

За окном черемуха колышется,

Осыпая лепестки свои...

За рекой знакомый голос слышится,

И поют всю ночь соловьи...

– *Хетагуроведение как наука становилось благодаря Вашему непосредственному участию в исследовании жизни и творчества К. Л. Хетагурова и научном издании наследия классика осетинской литературы. Ваши работы о Коста общеизвестны. На Ваш взгляд, какие новые области исследования о жизни и творчестве Коста ждут в будущем своего освоения?*

– Я давно предлагал дирекции Северо-Осетинского научно-исследовательского института создать совместными усилиями энциклопедическое исследование жизни и творчества Коста Хетагурова, но до сих пор (со времен директорства Черджиева) мое тихое слово не услышано друзьями.

Более того: даже многие проблемы поэтического искусства Коста остаются не изученными столь глубоко, как этого хотелось бы.

– *За последнюю четверть века в Северной Осетии появилась талантливая молодежь, пишущая стихи и прозу только на русском языке. Даже термин закрепился в литературоведении – осетинская русскоязычная литература (ОРЯЛ). Согласны Вы с этим термином?*

– Литературное произведение принадлежит той художественной традиции, на языке которой написано. Термин ОРЯЛ сочинили писатели, которые пишут на русском языке, но не стали русскими писателями. Это – пустотелый термин.

Гайто Газданов – сын осетина и осетинки, но он великий русский писатель, потому что писал на русском языке. Чтобы стать русским писателем, надо творить истинно талантливые произведения на истинно русском языке. Национальная принадлежность не мешает стать русским писателем (равно как и немецким, французским или английским), если имеешь высокое художественное дарование и тончайшее чувство языка, на котором пишешь. Без этих данных ничего нельзя добиться в искусстве слова.

– *«А из всех моих друзей ты единственный, в чью искренность я верю больше, чем в собственную», – написали Вы о выдающемся белорусском и русском писателе – фронтовике Василе Быкове. Что для Вас значило быть другом этого великого человека и замечательного мастера прозы?*

– Василь Быков был истинным писателем во всем – и в творчестве, и в дружеском общении. Мы стали друзьями как-то просто и незаметно. Мне доставляло большую радость общение с ним – устное и письменное. Думаю, что он есть и всегда будет великим писателем белорусского народа, и будет занимать почетное место среди участников и создателей литературы о Второй мировой войне.

– *Известный чеченский писатель – Абузар Айдамиров – недавно опубликовал свои воспоминания в грозненском журнале «Вайнах». В них с теплотой и сердечностью он упоминает Ваше имя: «Среди национальных писателей у меня был один-единственный друг – Нафи Григорьевич Джусойты из Южной Осетии. Мудрый, мужественный, всесторонне образованный человек, настоящий горец. До 1989 года мы встречались редко, но переписывались часто» (Дороги моей жизни // Вайнах, 2013, № 12, с. 11). Кто из писателей бывшего СССР был Вам особенно близок и дорог?*

– Из писателей СССР у меня было много друзей, но из кавказских особенно близко сошлись характерами с Кайсыном Кулиевым, Джемалдином Яндиевым, Алимом Кешоковым, Адамом Шогенцуковым, Ма-

гомедом Мамакаевым, Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Абузаром Айдамировым, Ахмедханом Абу-Бакаром...

Рассказывать о них здесь, то есть поневоле скороговоркой, мне не хочется. Думаю, в предстоящем году найду время рассказать о своих друзьях спокойно и обстоятельно, привлекая данные из нашей переписки.

– *Осетинское литературоведение с Вашим именем связывает определение: «первый», «открывающий», «положивший начало». Именно Ваши повести и романы стали заметным явлением в культурной и литературной жизни Осетии второй половины XX века и вызвали ожесточенные споры литературоведов. Вы – автор первого осетинского исторического романа («Кровь предков», 1965) и романа-мифа, написанного на основе Нартских сказаний («Слезы Сырдоны», 1979). Как Вам удавалось сочетать правду и вымысел в своих произведениях? И как Вы определяете для себя: где предел правды, реальности, а где начало вымысла, фантастики? Что более отвечает Вашему эстетическому мироощущению?*

– Пишу ли я о современных людях, об исторических лицах или о мифологических героях и богах, меня интересует, прежде всего, характер данной человеческой индивидуальности. Мне представляется, что утверждение библейское – «бог создал человека по образу и подобию своему» – можно читать и в инверсионном порядке: человек создал богов и ангелов, героев и антигероев «по образу и подобию своему». И, следовательно, для правдивого рассказа о божестве, герое или человеке важно, прежде всего, детальное знание всех особенностей характера данного лица. И если писатель располагает этим знанием, то он будет правдив, как в реалистическом рассказе о своем современнике, так и в повести об историческом герое и мифологическом божестве.

Это убеждение у меня сложилось из впечатлений от мыслей и деяний живых современников, и от анализа произведений нашего фольклора (сказок, преданий, песен, мифологических таурагов, анекдотов, эпических сказаний о Нартах и даредзанах). Поэтому все в поступках, мыслях и желаниях персонажей (людей, героев, богов) подвластно логике характера, то есть вымысел столь же правдив, сколь и зафиксированная в исторической хронике реальность. В единстве характера все поступки персонажа равно реалистичны и правдивы.

– *В 2012 году вышла из печати и стала заметным явлением культурной жизни Северной Осетии-Алании новая антология «Осетинская поэзия» («Ирыстоны поэзи». – Владикавказ: «Веста», 2012. – 718 с.). Составил ее Ахсар Кодзати, известный поэт, главный редактор литературного журнала «Мах дуг». Новую антологию, без сомнения, будут хвалить и будут ругать. Будут говорить о нескромности составителя книги. Еще будут говорить, что это дурной вкус – предварять каждого поэта своим эссе о нем. Но взглянем на вещи проще. То, что сделал Ахсар Кодзати, он сделал один, совершенно один, на свои скромные средства. А почему в нашей небедной республике, не нашлось средств, чтобы известный осетинский поэт, которому уже 77 лет, спокойно и без нервов*

издал подобную антологию? Каков Ваш профессиональный взгляд на поэтическую антологию?

– Против антологии осетинской поэзии, составленной Ахсаром Кодзати, я ничего не имею, но считаю, что во избежание субъективизма и вкусовщины такой выбор лучших произведений национальной литературы следует делать группе специалистов, а не одному лицу. Не следует также сопровождать отбор субъективными оценками. Это прилично делать в книге критических статей, но не в антологии, в коей субъективистские оценки неуместны, если даже, в принципе, верны.

– *Иосиф Бродский в конце жизни писал: «Я нашел свою гениальную фразу – «Если Бог пошлет мне читателей...» – из «Истории села Горюхина» А. С. Пушкина. А Сенека сказал: «Дело не в количестве читателей, а в их качестве». Нафи Григорьевич, скажите, а кто Ваши читатели?*

– О читателе мы уже говорили. Могу добавить лишь одно: мне горестно сознавать, что я свою жизнь щедро истратил на служение осетинской литературе, так и не дождавшись читателя...

Видимо, судьба такая у осетинских писателей. Мы ведь и Коста ныне издаем тиражом в 500 экземпляров...

Когда-то наши предки отсутствие книги объясняли злодеянием козы, съевшей нашу книгу... Ныне и коз нет, и книги осетинские читают лишь единицы из тысяч грамотных осетин.

Я это знаю давно. Однако считал трусостью даже простую попытку уйти прочь от своей горестной доли...

В таких случаях просят обычно прощения у Бога. Я ничего ни у кого не прошу. Эту горестную судьбу я принял сознательно и покорно ношу ее, как приговоренный к пожизненной каре...

– *Часто снимаю с книжной полки и перечитываю художественные произведения, которые особенно дороги моему сердцу и мировосприятию. Среди таких книг – повести «Хаджи-Мурат» Льва Толстого (в переводе Бабу Зангиева) и «Покровитель путников» Кудзага Дзесова, а из русской литературы – «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Я знаю, что Вы читаете много, читаете каждый день. Какие книги осетинской и русской классики перечитываете?*

– Из русской классики недавно перечитал «Горе от ума». Читал с умислом: сумею ли ее перевести на родной язык? Трудная штука, но соблазнительная. Быть может, попытаюсь...

В «Хаджи-Мурате» перечитываю иногда лишь последнюю сцену... Великолепный композиционный прием: мы уже знаем, что герой убит, его мертвую голову видим при тусклом свете... и вдруг – вновь перед нами живой Хаджи-Мурат в последнем смертном бою... И Толстой гордо убеждает нас, что истинного героя противники боятся даже мертвого!

– *Классик осетинской литературы Коста Хетагуров завещал своему народу: «Братья мои! Живите, возлюбя друг друга!» (Ме 'фсымæртæ! Кæрæдзи уарзгæйæ царут!)). Больше века прошло, как были сказаны им эти, возвещающие один из библейских заветов, слова. А каким будет Ваш завет своему народу и, в особенности, осетинской молодежи?*

– У меня не завет, а простое желание. Хотел бы в стране безмолвия услышать добрую весть от живущих на земле: наши дети в зрелом возрасте становятся хорошими людьми и хорошими осетинами.

– И в заключение нашего разговора – традиционный вопрос, конечно же, о Ваших дальнейших планах, замыслах, книгах. Очень хочется об этом знать. И пожелать Вам, дорогой Нафи Григорьевич, доброго и крепкого здоровья на радость нам, Вашим читателям и Вашим близким, а также новых творческих успехов на благо нашей родной литературы и культуры. Пусть Создатель хранит Вас для нас еще долгие годы!

– Когда-то в далекой молодости дерзко пошутил: «Наши писатели начинают сочинять воспоминания, когда ничего уже не помнят...»

Ныне я сам в этой смешной и жалкой ситуации. И все равно хочется рассказать о тех добрых и мудрых людях, в кругу коих мне приходилось жить и трудиться.

В таком безысходно трудном положении меня выручили бы дневниковые записи, но я их никогда не вел – не оставалось времени. Ведь осетинские писатели свое основное время тратят на добычу куска хлеба семье...

Когда-то Хемингуэй сообщал, что он пишет лишь в течение шести часов, а после этого пишет его усталость. Осетинский писатель работает в продолжении 8–10 часов как кормилец семьи. Писать приходится его душевной и физической усталости. И еще... в пору отпускную...

Тут уж не до дневниковых записей, быть бы живу и что-то дельное успеть написать.

И все-таки – хочется рассказать о том, что еще сохранилось в памяти и зафиксировано в переписке с друзьями и приятелями – ведь во второй половине XX века телефонов еще не было, и люди свои соображения и приключения сообщали друг другу, в основном, письменно.



КНЯЗЬ КУРГОКО КАНЧОКИН-ЧЕРКАССКИЙ

Главы из исторической повести



Междоусобная борьба князей не утихла. Особенно ожесточенной она была между владельцами Большой и Малой Кабарды. Малокабардинцы неоднократно обращались к российскому правительству с просьбой защитить их от обид и разорения, причиняемых им князьями Большой Кабарды. И они всегда получали помощь от России.

Однако после заключения в сентябре 1739 года Белградского мирного трактата между Россией и Турцией Кабарда по условиям договора объявлялась свободной, и вмешательство в ее внутренние дела со стороны сильных держав не допускалось. Но в 6-й статье этого трактата сделана была оговорка, что по «древнему обыкновению» России и Турции разрешалось брать от кабардинцев «для спокойного их пребывания» аманатов. Если же владельцы Большой и Малой Кабарды «подадут жалобы одной или другой державе, то России и Турции позволялось наказать» виновных.

Однако в условиях активного вмешательства Турции и крымского хана в дела Кабарды через своих многочисленных агентов это компромиссное соглашение только усиливало междоусобную борьбу князей.

Умный и деятельный князь Малой Кабарды Кургоко Канчокин это понимал. «Князей Большой Кабарды нам не одолеть силой, – с горечью думал он. – И договориться с ними невозможно, и слышать не хотят о мирных соглашениях... Что делать? Пустеет наша древняя земля. Крестьяне, да и урки, спасаясь от разорения, срываются с насиженных мест и уходят за Кубань или на левый берег Терека – на русские земли, меняя свои фамилии на русские, а мусульманскую веру на христианскую... Таково условие российской стороны. Хочешь получить покровительство царя – принимай христианство и меняй фамилию...»

Какими тяжелыми ни были эти условия, иного выхода не оставалось. Кургоко решил переселиться со своим аулом на левый берег Терека. Его отец, князь Канчоко Гилахстанов, не стал возражать сыну. Много повидавший на своем веку, Канчоко был мудрым человеком. Передав Кургоко бразды правления аулом, всеми подданными, старый князь старался во всем поддержать его.

Он был у него единственным сыном. В свое время Канчоко Гилахстанов много натерпелся от владельцев Большой Кабарды. А теперь и сыну нет покоя от них.

– Поезжай в Кизляр и поговори с русским начальством. Заодно посмотри тамошние земли, выбери место для поселения. С тобой пусть

поедут Гирей и Ислам, – посоветовал Канчоко сыну.

В январе 1750 года Кургоко с двоюродными братьями князьями Гиреем Маматовым и Исламом Хановым в сопровождении десяти уорков отправились в Кизляр, который располагался на левом берегу Терека и являлся форпостом России на ее южных рубежах. Комендант крепости генерал-лейтенант Девиц принял без промедления малокабардинских князей и выслушал их. Кургоко передал генералу просьбу владельцев Малой Кабарды разрешить им поселиться на русских землях – у «Теплого колодца», что в пяти верстах от Червленного городка.



– Я прошу, генерал, еще об одном: пришлите отряд из трехсот казаков для охраны моих подданных. Это очень важно. Наши недруги могут напасть на них во время переселения, – заключил Кургоко.

Генерал Девиц внимательно выслушал князей из Малой Кабарды.

– Я думаю, что ваша просьба о переселении будет удовлетворена, – сказал он после небольшой паузы. – Я доложу о вашем приезде губернатору.

Вскоре комендант Кизляра известил губернатора Астраханской губернии Ивана Брылкина о просьбе владельцев Малой Кабарды.

В свою очередь, губернатор доносил в Государственную коллегию иностранных дел: «Сего февраля 7-го числа, – писал он, – получил я из Кизляра от ген.-лейтенанта и кавалера Девиц от 24 минувшего января сообщение, которым изъяснил, что в бытность в Кизляре Малой Кабарды владельцы Кургоко Каншокина, Гирея Маматова, Ислама Ханова и подданным доношением его просили, чтоб им поведено было из оной Кабарды на особое место напротив гребенского Червленного городка около теплого колодца особую деревню переселиться, представляя при том, что они с уздени своими житье имеют в самом тесном месте, на котором Большая Кабарда и кумыки нагло их всегда разоряют и как холопей, так и рогатый скот отнимают и прочее...»

Рассмотрев донесение астраханского губернатора Ивана Брылкина, царское правительство разрешило малокабардинцам поселиться на свободных землях рядом с Брагунами напротив Червленного городка.

Но, опасаясь осложнений с Турцией и крымским ханом, оно отказало им в посылке охранного отряда.

Прошло три года. Кургоко Канчокин со своими братьями снова отправился в Кизляр. Комендант крепости генерал Девиц радушно принял князей из Малой Кабарды.

– Давненько вас не видно, князь, как поживаете? Садитесь и рассказывайте, с чем пожаловали к нам, – стал расспрашивать малокабардинцев Девиц, пожимая им руки.



– Благодарствую, генерал, дела по-прежнему неважные. – И Кургоко рассказал Девицу о тяжелом положении жителей края. – ...Мы просим Вас, генерал, решить вопрос о направлении в Малую Кабарду охранного отряда из казаков. В противном случае наше подвластное население не считает возможным переселение на указанные правительством места...

– Сожалею, князь, но вопрос об охранном отряде я не могу решить по тем же причинам. Правительство считает, что это может осложнить отношения с Турцией. Думаю, что оно найдет другой способ защитить вас от недругов.

Девиц попытался объяснить малокабардинцам причину отказа и успокоить их.

Пожелав генералу здоровья и долгих лет жизни, Кургоко со своей депутатией воротился домой.

Неудача с переселением ухудшила и без того тяжелое положение малокабардинцев. Пользуясь поддержкой Турции и крымского хана, владельцы Большой Кабарды усилили набеги на Малую Кабарду. «И спустя яд свой и оказав злое намерение свое, – писали владельцы Малой Кабарды в своем «Прошении» императрице Елизавете Петровне, – у нас, бедных подданных, нападками своими завсегда скот и имение наше грабят и от разорения подвластных наших не воздерживаются и жалобы наши не слушают...»

Такая активная агрессия Большой Кабарды, проводимая не без помощи Турции и крымского хана, встревожила русское правительство. С падением Малой Кабарды Россия могла потерять не только добрых соседей и верных союзников, но это было чревато и усилением турецко-крымского влияния на Северном Кавказе. Поэтому с целью оказания помощи Малой Кабарде решено было построить на границе с Большой Кабардой крепость с постоянным пребыванием там небольшого, но хорошо вооруженного гарнизона. Комендант Кизляра генерал Девиц в августе 1753 года получил из Коллегии иностранных дел предписание провести исследование местности между реками Терек и Курп и дать свое заключение о возможности строительства там крепости. Посланный из Кизляра инженер-капитан поручик Декалонг с помощью гребенских казаков произвел исследование местности и сообщил, что в районе между реками Терек и Курп есть места, пригодные для строительства крепости. Это сообщение соответствовало планам царской администрации на Кавказе. Не откладывая дела в долгий ящик, решили приступить к строительству

крепости. Однако осложнение русско-турецких отношений, возникших из-за Польши, вынудило Россию отложить строительство крепости на неопределенный срок...

В октябре 1755 года Канчоко Гилахстанов (отец Кургоко) и другие владельцы Малой Кабарды вновь обратились за помощью к российскому правительству. В «Прошении» к императрице Елизавете Петровне они писали: «Понеже Большой Кабарды обоих партей владельцы, яко то баксанской: Бамат Коргокин, Касай Атажукин, и кашкатовские Дженбулат Кайтукин, собравшись с братьями и детьми своими, чинят нам великие обиды, так что Дженбулат Кайтукин владел Анзоров Кугулка, Муртаза кабаками со всеми ихними лежащими народами...» В 1758 году скончался отец Кургоко – князь Канчоко Гилахстанов, один из влиятельных владельцев Малой Кабарды. Оставшись без поддержки отца, Кургоко решил переселиться со своей семьей на левый берег Терека на российские земли. В августе 1759 года князь Кургоко Канчокин приехал в Червленый городок и попросил разрешения на проезд в Кизляр для переговоров с комендантом крепости. Комендант Кизляра генерал-майор Иван Львович Фраундорф, сменивший на этом посту генерала Девица, в пропуске ему отказал. Посыльный офицер, который прибыл от Фраундорфа, сообщил Кургоко:

– Уважаемый князь, генерал просит вас изложить свои сообщения начальнику караула капитану Головачеву. Он здесь.

Но Кургоко на переговоры с начальником караула не согласился.

– Я хочу, подпоручик, встретиться с генералом лично. Так и передайте ему. В крайнем случае, пусть он пришлет для переговоров высшего чина. Я буду ждать ответа в Брагунах, – сказал Кургоко и уехал.

Князь направился в деревню Брагуни, которая располагалась на другой стороне Терека напротив Шадринской станицы.

Вскоре генерал Фраундорф направил в Брагуни для переговоров с Кургоко Канчокиным капитана Терского казачьего войска князя Шолоха Кайсимова и жену покойного князя полковника Росланбека Шейдякова княгиню Мельхан Канчокину, родную сестру Кургоко. Кургоко не ожидал увидеть здесь сестру в таком качестве и был очень рад этой встрече. Последний раз они виделись в прошлом году на похоронах отца.

Переговоры продолжались недолго, стороны понимали друг друга, как говорится, с полуслова. Тем более, что Мельхан очень хотела, чтобы брат переселился на левый берег Терека.

– Передайте генералу, капитан, – просил Кургоко, прощаясь с ними, – о моем искреннем желании принять русское подданство и святое крещение, как и наши предки, пребывавшие в христианском законе...

Убедившись в искренности слов князя принять русское подданство, генерал Фраундорф пригласил его в Кизляр. 20 августа 1759 года Кургоко в сопровождении своих двоюродных братьев князей Гирея, Ислама и Алхаса и десяти уорков приехал в Кизляр. Через два дня, 22 августа 1759 года, в Кизлярском соборе князь Малой Кабарды Кургоко Канчокин был приведен «ко святому крещению» и наречен русским именем – Андреем Ивановичем. Отчество он получил по имени генерала Ивана

Львовича Фрауендорфа, коменданта Кизляра, ставшего крестным отцом Кургоко.

После завершения процедуры крещения генерал Фрауендорф обнял Кургоко и сказал так, чтобы слышали все:

- Отныне, дорогой князь Андрей Иванович, ты наш сын и брат...
- Благодарствую, Иван Львович, буду всегда рад быть вам полезен...

Через три дня Кургоко, теперь уже Андрей Иванович, вернулся в Малую Кабарду. Кургоко не покидали думы о судьбе Малой Кабарды, ее жителей. «Надо отправиться в Петербург к Ее Императорскому Величеству, – думал он, – и просить у нее разрешения поселиться малокабардинцам по левому берегу Терека... Там есть места, подходящие для жительства... Между Моздоком и Мекенем имеется добрый лес для строительства, есть пастбища, и земли там плодородные... Попрошу генерала, моего крестного отца, чтобы помог мне добиться разрешения выехать в Петербург...»

26 ноября 1759 года он писал коменданту Кизляра Фрауендорфу: «Главнокомандующему при Кизляре г-ну ген.-майору Ивану Львовичу фон Фрауендорфу доношу:

Напредь сего я был верноподданным всемилостивейшей государыне кабардинским владельцем, а ныне по своему желанию принял российский закон и крещение, в коем и состою, а не принуждения какого; притом же объявляю: после отца моего при тех его братьях есть у каждого по одному сыну, а мне именоваться имеют братьями, первой – Ислам, другой – Гирей, третий – Алхас, которые потому ж, как и я, искренность имеют принять веру российского закона и крещение. А мое ныне желание ежели можно, чтоб допущен был ко двору Е.И.В., и когда оттуда возвращусь, то бы для жительства мне с показанными желающими креститься братьями моими и другими подвластными, кто пожелает креститься, месте между Моздока и Мекеня по всю сторону Терека...».

После переписки Астрахани с Петербургом, 29 февраля 1760 года из Коллегии иностранных дел последовал указ кизлярскому коменданту «как сей владелец Кончокин есть первый, который принял христианскую веру, то, чтобы по желанию его немедленно отправили ко двору Ее И. В.» На запрос Петербурга о причинах обращения Канчокина в иную веру астраханский губернатор генерал-майор Жилин сообщил, что «он, Андрей Иванов, крестился по согласию трех двоюродных его братьев, дабы через то по причине чинимых им владельцами Большой Кабарды обид, получить им к переселению своему при здешних границах на выбранном месте позволение, а более никаких и потому других причин не оказывается».

Весной 1760 года князь Малой Кабарды Кургоко Канчокин в сопровождении трех урков и одного служителя выехал в Петербург. Там он был радушно встречен и принят Ее Императорским Величеством императрицей Елизаветой Петровной.

В знак царской милости он был пожалован сторублевым кафтаном. Но вопрос о выделении ему земли для поселения не был решен. С до-

рогими царскими подарками Кургоко в начале осени 1760 года вернулся домой.

В 1761 году скончалась императрица Елизавета Петровна. Императором России стал Петр III. Весной 1762 года Кургоко Канчокин вместе с князьями Большой Кабарды выезжает в Петербург для принятия присяги новому императору России. Но в столице дела сложились так, что в июне 1762 года ему пришлось участвовать в свержении Петра III и в возведении на престол его супруги – Екатерины II. Когда Екатерина во главе гвардии совершила свой победный поход в Петергоф, ее растерявшийся супруг Петр III отрекся от престола. Сверженного царя отвезли в Ропшу, где он был задушен одним из активных деятелей июньских событий 1762 года. В ту же ночь, 28 июня 1762 года, Екатерина провозглашается императрицей России.

В августе 1762 года доклад Коллегии иностранных дел «по прошению крещенного Малой Кабарды владельца Кургоки Канчокина» поступил на рассмотрение в Сенат, который принял решение об отведении урочища Моздок для поселения крестившихся кабардинцев во главе с князем Малой Кабарды Кургоко Канчокиным, построении там крепости и превращения Моздока в центр для развития в крае «промышленности и торговли» Двоюродным братьям Кургоко – Исламу, Гирею и Алхасу разрешалось также поселиться по Тереку между урочищами Моздок и Мекене после крещения. По сведениям, которыми располагал Сенат, братья Гилахстановы имели подвластных 800 человек.

Сенат предписывал, что по усмотрению Кизлярского коменданта со временем можно заложить на месте поселения Кургоко Канчокина крепость, именуя ее по урочищу, где она будет заложена, построить церковь и хоромы для князя. Кроме того, для усиления Кизлярского края разрешалось поселить здесь людей «всякой нации», желающих креститься, подчинив их Канчокину. Для развития торговли также разрешалось поселиться здесь всем людям христианской веры – грузинам, армянам и другим, находящимся за пределами Российской империи.

Сенат посчитал нужным крещеного владельца Малой Кабарды Кургока Канчокина наградить чином подполковничьим и позволить именоваться князем Черкасским-Канчокиным, установить ему годового жалования 500 рублей, а его узденям, желающим креститься – по 40 рублей, а не желающим по 30.

Комендантом будущей крепости, закладываемой для князя Канчокина-Черкасского, Сенат предлагал назначить подполковника Петра Ивановича Гака, которому и суждено было вскоре начать ее строительство.

9 октября 1762 года Сенат представил доклад Коллегии иностранных дел со своими выводами на утверждение императрице Екатерине II. Доклад подписали: граф Н. Разумовский, князь Трубецкой, князь Михайло Галицин, граф Михайло Воронцов, граф А. Шувалов, Петр Сумароков, Иван Одоевский, князь Алексей Голицын, князь Яков Шаховской, граф Иван Воронцов, Иван Брылкин. На первом листе документа Екатерина II наложила резолюцию – «Быть по сему». И здесь же пометила: «Конфирмован октября 9 дня 1762 г.».

11 декабря 1762 года Указ императрицы Екатерины II был адресован непосредственным исполнителям – астраханскому губернатору, кизлярскому коменданту и подполковнику П. И. Гаку

17 декабря 1762 года Кургоко был приглашен в Петербург и приведен к присяге на верность российскому престолу. В Коллегии иностранных дел ему зачитали и вручили Указ императрицы о разрешении поселиться в одном из урочищ по Тереку. Этим указом он был произведен в подполковники с годовым жалованием в 500 рублей и отныне ему позволялось писаться князем Андреем Ивановичем Черкасским-Канчокиным. Кроме того, было объявлено о награждении князя Канчокина золотой, а трех его узденей – серебряными медалями.

При отъезде в родные края Кургоко выдали 500 рублей, а трем сопровождавшим его узденям – по 30 рублей.

По возвращении домой весной 1763 года князь Кургоко Канчокин-Черкасский занялся осмотром места для поселения и выбрал урочище Моздок по левому берегу Терека, о чем он известил коменданта Кизляра Н. А. Потапова, сменившего на этом посту генерала И. Л. Фрауендорфа – крестного отца Кургоко.

В конце июня в Кизляр прибыл подполковник П. И. Гак – комендант будущей крепости Моздок. Кургоко встретился с ним в кабинете Потапова.

– Знакомьтесь, господа, – сказал Потапов и представил их друг другу

– Рад знакомству, князь. Много наслышан о вас, – сказал Гак, пожимая руку Кургоко.

– Я тоже рад, подполковник, – ответил Кургоко. – Слышал и о вас, о вашем назначении, будучи еще в Петербурге. Большие дела стоят перед нами, Петр Иванович.

– Да, князь. Я уже получил предписание начальства приступить к строительству крепости на выбранном вами месте. Готов начать сегодня, – доложил Гак Потапову.

– Тогда не будем терять время, Петр Иванович, завтра же приступим к делу, – сказал Канчокин, довольный услышанным.

На следующий день князь Канчокин-Черкасский и подполковник Петр Гак с группой строителей отправились в урочище Моздок, чтобы осмотреть местность и приступить к делам, связанным со строительством крепости. Это было 5 июля 1763 года.

Так было положено начало строительству военной крепости и города Моздок, основателем которого стал князь Малой Кабарды подполковник Кургоко Канчокин-Черкасский (во крещении Андрей Иванович Черкасский-Канчокин) из рода Гилахстана.

В середине июля из Кизляра в урочище Моздок прибыла специальная команда строителей, в основном солдаты, со всеми необходимыми инструментами. Закипела работа. Гак торопил строителей. Надо было успеть до наступления холодов завершить основную работу с тем, чтобы остаться зимовать в Моздоке. Основным строительным материалом служили лес и глина. Для возведения крупных объектов в лесных дебрях

валили вековые дубы, буки и, очистив их, тащили на себе к месту строительства. Люди работали от зари до зари, возводя крепостные стены, казармы, складские помещения и другие важные объекты. Благодаря их умению и выносливости, а также умелому руководству стройкой со стороны Петра Гака, крепость Моздок к концу 1763 года стала вполне надежным укреплением. Строительство Моздока шло под постоянным наблюдением Кургоко Канчокина, который бывал здесь, как говорится, через день.

С началом строительства крепости в урочище Моздок стали прибывать на поселение крестьяне из Малой и Большой Кабарды, а позже представители и других горских народов. Они начали строить жилье возле возводимой крепости на отведенном им месте. Селились они отдельными слободами – по национальному признаку. Застройка носила стихийный характер, дома ставились бессистемно. Строили жилье в зависимости от своего материального состояния: одни ставили саклю, другие, по примеру русских, дом или обычную турлучную хату.

Чтобы привлечь местные народы к переселению в Моздок, российское правительство объявило о введении льгот и привилегий для переселенцев. В частности, им разрешались свободная добыча и продажа вина и пива, производство шелка, строительство «промышленных» цехов и т.д. Разрешались свободные выезды в соседние территории для торговли своими товарами без пошлин...

Представителям каждой нации разрешалось поселиться в Моздоке отдельной слободой, строить в своей слободе церковь для отправления службы божьей по своему закону. Все они объявлялись свободными, не требовалось никаких документальных свидетельств. Но для всех было одно неперемнное условие – каждый должен был в обязательном порядке принять христианскую веру.

Объявленные льготы и привилегии были весьма заманчивыми для горцев, особенно для неимущих. Оставив насиженные места, многие из них со своим домашним скарбом и скотом отправились в Моздок на поселение. Однако большой поток желающих поселиться в Моздоке обеспокоил Петра Гака и Кургоко Канчокина, на которого императрица Екатерина II возложила начальство над всеми переселенцами. Их обеспокоенность была не напрасной. Прибывшие могли занести «моровые» болезни, которые часто имели место в те времена.

– Надо бы, Петр Иванович, упросить Потапова, чтобы направил сюда лекаря и чтобы он жил здесь постоянно, – высказал свою обеспокоенность Кургоко.

– Да, князь, – поддержал его Гак, – я тоже так думаю. Попрошу генерала об этом. Сегодня же отправлю в Кизляр прошение.

В обращении к кизлярскому коменданту подполковник Петр Гак просил в срочном порядке выслать в Моздок врача и «карантинного лекаря» с необходимыми медикаментами и инструментами. Прошение было принято, и вскоре по распоряжению генерала Потапова в Моздок прибывает «карантинный лекарь» с постоянным там проживанием.

Настала необходимость переехать для постоянного там жительства и подполковнику князю Кургоко Канчокину. Это вызывалось двумя причинами: во-первых, быстро росло число переселенцев, начальствовать над которыми возлагалось на него; во-вторых, находясь в Малой Кабарде, Кургоко постоянно получал угрозы от владельцев Большой Кабарды расправиться с ним за принятие христианской веры.

Переезд Канчокина в Моздок откладывался из-за того, что там ему негде было жить, дом не был еще построен.

Для защиты князя и его подвластных весной 1763 года в Малую Кабарду направляется охранная команда в количестве сорока солдат. А в начале осени по просьбе Кургока комендант Моздокской крепости подполковник Петр Гак усилил охрану, отправив туда дополнительно еще двадцать солдат. Угрозы владельцев Большой Кабарды сдерживали старания Канчокина организовать переселение своих подвластных в Моздок, хотя сам он регулярно посещал крепость и следил за ходом строительных работ.

23 октября 1763 года в Моздок приехала семья Канчокина – жена Канчофа и две дочери, которые 25 октября приняли святое крещение и христианскую веру. Во крещении они были наречены русскими именами: княгиня Канчофа – Верой, старшая дочь – Надеждой, младшая – Любовью.

Строительство Моздока и связанное с этим массовое бегство зависимых крестьян и холопов не напрасно встревожило владельцев Большой Кабарды. В ноябре 1763 года в Кизляр направилась депутация во главе с князем Джанхотом Татархановым, потребовавшая от коменданта крепости генерала Потапова прекратить строительство Моздока и не принимать беглых людей.

– Господин генерал, просим вас прекратить строительство крепости, более того, срыть ее, – настоятельно потребовал князь Татарханов от Потапова. – В противном случае это может привести нас к разорению, и вы потеряете надежного союзника в лице Большой Кабарды. Так и доложите начальству в Петербурге.

– Да-да, я обязательно доложу о вашей просьбе начальству, – пообещал Джанхоту комендант Кизляра.

Об этом же писали владельцы Большой Кабарды и астраханскому губернатору, доказывая свои права на владение Моздоком. «Мы издавна пасли там свой скот, – писали они, – имели охотничьи места...»

Недовольство кабардинских князей вынудило российское правительство принять меры по урегулированию этого вопроса. С этой целью в декабре 1763 года в Кабарду направляется депутация во главе с ротмистром Мещеряковым. На собрании владельцев Большой Кабарды представитель царской администрации пытался убедить их в том, что претендовать на урочище Моздок, как на свою землю, несправедливо, ибо оно является исконно российской территорией. При этом он указывал на выгоды, которые кабардинцы получают со строительством Моздокской крепости.

– Какого-либо притеснения или опасности со стороны России вам ждать не следует, – говорил ротмистр Мещеряков. – Более того, русское

правительство берет на себя обязательство надежно защищать Кабарду от посягательств крымского хана...

Однако недовольные итогом этой встречи владельцы Большой Кабарды решили послать депутацию в Петербург, чтобы там добиваться сноса Моздокской крепости. Группа князей во главе с Кайтуко Кайсимовым отправилась в российскую столицу. Здесь они были приняты в Коллегии иностранных дел.

– Мы требуем ликвидации Моздокской крепости, – заявил Кайтуко Кайсимов в Коллегии. – Кроме того, мы требуем, чтобы правительство выплатило нам деньги за сбежавших от нас крестьян и холопов, а также уменьшения пошлины, взимаемой с товаров, привозимых нами в Кизляр для продажи...

В итоге этой встречи царское правительство пообещало князьям снизить пошлины на товары, привозимые в Кизляр. Но в выполнении двух первых требований им было отказано. Более того, в Коллегии иностранных дел князьям однозначно заявили, что строительство Моздока будет продолжаться.

Возникшими противоречиями между владельцами Большой Кабарды и Россией решила воспользоваться Турция. Она направила на Северный Кавказ группу специалистов для обследования Моздока, чтобы установить, действительно ли крепость построена на кабардинской земле. Обеспокоенный этим, посол России в Турции Обресков попросил Коллегию иностранных дел прислать ему подробную справку о том, кому принадлежит земля, на которой построен Моздок. В направленном послу рескрипте, подписанном императрицей Екатериной II, сообщалось, что «данная земля по обширности тех мест не могла принадлежать кабардинцам, так как в древние времена они жили при Бештаовых горах, лежащих ближе к кубанским местам. Если же здешние жители – русские подданные, казаки разрешали кабардинцам рубить лес и пасти скот, то это делалось исключительно из дружественных побуждений и добрых чувств...». Что же касается протеста Турции относительно основанного в урочище Моздок поселения, Обрескову предлагалось приложить все усилия, чтобы убедить Турцию в том, что основание в Моздоке крепости не связано с нарушением Белградского договора. Этим русское правительство дало понять Турции и ее союзникам, что Россия не намерена отказаться от строительства Моздока, даже если бы это привело к нежелательным последствиям.

Коменданту Моздока подполковнику Гаку срочно было дано предписание в самый короткий срок окопать Моздок, в том числе и посад, в том, установить дополнительные пушки и готовиться на случай войны к обороне. Из Астрахани в Моздок вскоре был переведен один гарнизонный батальон с 40 пушками.

10 декабря 1763 года комендант Кизляра генерал Потапов сообщил Гаку о том, что из Петербурга получено разрешение на строительство в Моздоке церкви и двух домов – для Канчокина-Черкасского и для него – коменданта крепости Моздок подполковника Гака.

В тот же день Петр Иванович сообщил об этом Кургоко:

– Хорошая новость, князь. Петербург дал разрешение на строительство двух жилых домов для нас с тобой. Об этом сегодня сообщил генерал Потапов.

– Это, конечно, хорошо. Но поздновато они там спохватились – зима уже... Придется, Петр Иванович, дожидаться весны, а там, бог даст, и начнем строительство.

– Да, князь, придется ждать весны, – согласился Гак.

С приходом весны 1764 года началось строительство церкви и домов для князя Канчокина-Черкасского и подполковника Гака. К концу лета строительство «хоромов» было завершено, и вскоре семья Кургоко со всей прислугой в количестве тридцати трех человек переселилась с берегов Сунжи в Моздок.

С переездом в Моздок с семьей на постоянное жительство Кургоко получил возможность более деятельно заняться строительством и укреплением крепости. К 1765 году она представляла собой серьезный форпост России на Северном Кавказе. Со временем сюда стали переселяться из Кизляра армяне, грузины и люди других национальностей, преследуя чисто коммерческие цели. Скоро население Моздока достигло таких размеров, что в 1765 году жители края называли его городом, хотя официально статус города он получит лишь спустя пять лет – в 1770 году.

С целью укрепления Моздокского гарнизона Указом от 9 июля 1765 года подполковнику Канчокину-Черкасскому дается предписание сформировать из числа жителей Моздока Горскую казачью команду в количестве ста человек рядового состава. Кроме того, этим же указом в Горской команде вводились офицерские чины – подполковника, майора, ротмистра, сотника, есаула и хорунжего. Горская казачья команда формировалась в основном из числа кабардинцев и осетин. Со временем члены этой команды и их семьи составили особое горское общество – «казачьи братья».

Князя Большой Кабарды, недовольные тем, что русское правительство отказало им в просьбе снести Моздок, решили расправиться с самим Канчокиным-Черкасским – основателем крепости и «виновником их бед». Но им это не удалось. Попытки убить Канчокина закончились безрезультатно. Умный и храбрый Кургоко каждый раз выходил из конфликтных ситуаций достойно.

Коменданту Кизляра генералу Потапову стало известно о том, что князя Большой Кабарды пытаются убить Канчокина. Генералу об этом сообщил подполковник Гак. Потапов срочно вызвал к себе гарнизонного ротмистра Батырова и дал указание:

– Ротмистр, возьми нескольких сопровождающих, немедленно отправляйся в Большую Кабарду к князю Джанхоту Татарханову и передай ему следующее: если князя не оставят в покое подполковника Канчокина-Черкасского и, не дай бог, с ним что-нибудь случится, это будет иметь самые серьезные для них последствия. Правительство примет необходимые меры.

Приезд делегации от Потапова в Большую Кабарду и заявление ротмистра Батырова на встрече с владельцами возымели на них определенное действие – прекратились преследования Канчокина.

Однако не суждено было Кургоко дожить до старости. Серьезный недуг неожиданно свалил его, он слег. Моздокский лекарь и врач из Кизляра, которые постоянно навещали больного, не смогли спасти его. Он тихо умирал. Приоткрыв глаза, ослабшим голосом Кургоко произнес:

– Албахсита... сына приведите...

Княгиня, которая все время находилась рядом с ним, тут же распорядилась, чтобы Албахсита привели к отцу.

Единственный сын Кургоко, которому едва исполнилось два года, родился в Моздоке в 1764 году, был наречен русским именем – Николаем...

Албахсита привели в комнату, где лежал на тахте его умирающий отец, и подвели к нему. Кургоко нежно погладил мальчика по щеке, затем взял его ручонку в свою руку и стал говорить прерывистым голосом:

– Албахсит... расти умным... храбрым... люби свой народ... дружи с русскими... с Россией...

Кургоко пытался еще что-то сказать, но замолк, потихоньку закрыв глаза... Шел 1766 год, июль месяц...

Так скончался знаменитый князь Малой Кабарды, основатель города Моздока, подполковник Кургоко Канчокин-Черкасский (во крещении Андрей Иванович Черкасский-Канчокин), не прожив и 60 лет от роду.

Его сын, Албахсит Кургокин (во крещении Николай Черкасский-Кургокин), будет достойно продолжать дело отца. Он вырастет, получит чин офицера русской армии – подполковника, будет командовать сотней, эскадронам, за храбрость получит высшие российские награды – ордена... Но и ему не суждено было жить до старости. В 1810 году, в возрасте 48 лет, он погибнет. И на этом завершится родословная славных князей Мударовых в Малой Кабарде.



Адам ГУТОВ,
заведующий сектором адыгского фольклора,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки КБР,
член Союза писателей России

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ЩЕДРОСТЬ



А. И. Алиева

Для того, чтобы дать представление о человеке, иногда сухое перечисление фактов бывает красноречивее высоких слов. Поэтому предлагаю уважаемому читателю обратить внимание на такой перечень: одно из первых описательно-аналитических монографических исследований адыгского нартского эпоса; одно из первых такого же рода монографических исследований адыгской народной сказки; двухтомное собрание текстов адыгского фольклора в дореволюционных записях и публикациях (плюс еще третий том, который остался неопубликованным по техническим причинам); сборник материалов по дореволюционным публикациям карачаево-балкарского фольклора; около сотни статей, посвященных жанрам фольклора и литературы адыгов и других народов Кавказа; редактирование множества коллективных трудов и монографий отдельных авторов; литературная обработка для популярного читателя и издание массовым тиражом образцов фольклора народов Северного Кавказа, в том числе – для детей, по президентскому гранту; рецензирование в московских научных и литературных журналах многих из наиболее значительных изданий, выходящих в Кабардино-Балкарии – литературоведческих трудов, научных изданий текстов, исследований о жизни и деятельности просветителей...

Все перечисленное – только часть того, что сделано и еще делается, но и этого достаточно, чтобы решить, будто речь идет о работе целого научного подразделения, потому что для одного человека это слишком уж много. Мы бы так и решили... и ошиблись бы, потому что все это и еще многое другое, что мы не назвали, выполнено одним человеком или же при ключевом его участии. Это – Алла Ивановна Алиева, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарии, сотрудница Института мировой литературы имени А. М. Горького.

Нас, ученых республики, связывают с ней не только многолетняя крепкая дружба и тесные деловые отношения. Она – наша соплеменница, окончила здесь знаменитую в свое время школу-интернат, из которой вышли многие люди, впоследствии ставшие известными общественными и государственными деятелями, писателями, врачами, инженера-

ми, учителями, журналистами, учеными. Отсюда одной из первых она отправилась в Москву покорять вершины науки. По окончании филологического факультета МГУ поступила в аспирантуру, далее – отдел фольклористики Института мировой литературы Академии наук СССР (в обиходе – ИМЛИ). С начала 60-х годов она не меняла места работы: начала ассистентом, стала младшим научным сотрудником, со временем – СНС. Многие годы она бессменный ученый секретарь ИМЛИ, одного из самых солидных исследовательских центров в мире, занимающихся проблемами литературы и фольклора.

Когда в 1969 году А. И. Алиева издала монографию «Адыгский нартский эпос», подобная работа на адыгском материале была редкостью, подавляющее большинство авторов ориентировалось на гораздо более разработанную и в научном мире более известную осетинскую версию эпоса. Правда, до нее свое исследование выпустил А. М. Гадагатль, но поскольку оно содержало ряд полемических суждений, противники сразу же отыскивали в нем немало уязвимых мест и акцентом на них нивелировали перед научной общественностью все достоинства. Алла Ивановна благоразумно обошла острые углы, поэтому так прямолинейно критиковать ее не было оснований. Между тем, именно она ввела в широкий научный обиход адыгскую версию эпоса как стройную систему со своими циклами, мотивами, героями и оригинальными поэтическими достоинствами. В продолжение этой темы она выступила с инициативой издать в подготавливаемой Институтом мировой литературы серии «Эпос народов СССР» сборник адыгских нартских сказаний. При его подготовке наиболее тяжелая часть работы выпала на ее плечи. Это связи с нашим и Адыгейским институтами, составление окончательного варианта макета книги, структурно-аналитический перевод текстов, написание комментариев к текстам, а также совместная с издательством рутина до самого выпуска в свет. Тогда, впервые в столь полном виде, адыгские нартские сказания стали доступны исследователям и широкому кругу читателей в научном переводе на русский язык.

Еще одна совместная работа – издание текстов дореволюционных записей фольклора. Когда такая книга уже стоит на полочке, представляется, будто такое издание можно подготовить чуть ли не играючи. Но надо бы знать, что тексты, собранные в ней, ранее находились в совершенно разных местах – что-то было опубликовано в Москве, что-то находилось в Петербурге, Тифлисе или же Владикавказе. И это еще не все сложности: разные тексты собирались и печатались далеко не по одному принципу. Есть сугубо научные записи, есть тексты на языке оригинала с переводом на русский, часты публикации только перевода без оригинала, а есть просто вольные пересказы, иногда близкие к источнику, но нередко и очень далеко отошедшие и от его содержания, и от его духа. Сами записывающие были людьми разными, и по образованию, и по специализации, и по целям, с которыми они собирали фольклор. Прежде всего, нужно все эти тексты разыскать в различных хранилищах, где они невостробованными лежали порою

более сотни лет, потом надо их систематизировать по жанрам, характеру записи и первой публикации, вычленив из массы материалов те, которые представляют настоящую ценность, а только потом можно браться за составление книги. Все это Алла Ивановна сделала одна, без чьей-либо помощи. После этого другому участнику работы оставалось только перевести тексты на современную графическую основу и довести текстологическую работу до конца. То же самое повторилось с томом карачаево-балкарского фольклора. Кто не знаком со сложностями текстологической работы, тому трудно понять, сколько терпения и внимания требуется, чтобы правильно подготовить каждый такой текст к печати. Тем более – сколько сил нужно вложить в то, чтобы из отдельных материалов, выловленных по разным архивам, библиотечным фондам, а иногда и частным коллекциям, составить книгу, единую по замыслу, объединенную одной задачей и общими принципами. Для А. И. Алиевой это нелегкое занятие, кажется, стало делом привычным, потому что и позднее она не раз отваживалась браться за такую работу, причем справлялась с нею успешно. Так, сравнительно недавно, в 2008 году, при ее первостепенном участии в серии «Памятники отечественной науки» вышла книга, в которой собраны труды В. Ф. Миллера, одного из самых выдающихся русских историков конца XIX века, автора фундаментальных работ по кавказоведению. Вклад Аллы Ивановны – составление, вступительная статья, представляющая вместе с комментариями и глоссарием не что иное, как небольшую монографию. Общий объем издания – ровно тысяча страниц! Названная серия – одно из самых солидных изданий РАН, в редколлегию ее входят одиннадцать действительных членов Российской академии наук, два член-корреспондента и два «обыкновенных» профессора. Оказаться случайным образом в такой компании, как несложно понять, невозможно. Немногим меньше объем книги о другой легендарной личности, академике А. Шегрене – том самом, который был дружен с Шорой Ногмовым и многое сделал для него. Несколько лет Алла Ивановна периодически ездила в Финляндию, откуда был родом ученый и где хранятся в архивах многие его материалы, и сумела собрать такие документы и сведения, о существовании которых далеко не все знали. В частности, в книге широко представлены хранящиеся в рукописях А. Шегрена материалы Ш. Ногмова, интересные сведения о взаимоотношениях российского академика и адыгского просветителя-самоучки, для которого общение с крупным ученым стало настоящей школой. Кроме всего прочего, А. И. Алиева восстановила относительно полную биографию А. Шегрена как основоположника российского кавказоведения. В поле ее внимания не только Кавказ, но и народы Сибири.

Рассказывая о деятельности Аллы Ивановны Алиевой, нельзя обойти молчанием ее работу как редактора. В этом плане она профессионал самого высокого класса. Научное редактирование как вид работы – далеко не просто исправление грамматических ошибок, здесь надо подчинить из-

ложение единой научной концепции, определить системность изложения материала и строго ей следовать как содержанием, так и стилем. И если многие книги, которые прошли через руки А. И. Алиевой, впоследствии получали высокую оценку от рецензентов, в этом очень часто заслуга не только самого автора, но и тонкого, внимательного и корректного редактора, который помог раскрыть достоинства материала. Таковы, например, «Очерки истории кабардинской литературы», вышедшие в 1968 году под ее редакцией.

Не менее важно рассказать о том, какова Алла Ивановна в общении. Прежде всего, стоит кому-либо из представителей Северного Кавказа оказаться в ИМЛИ, как он попадает в поле ее внимания. Это не назойливая опека, которая порою сковывает инициативу младших по возрасту, а подлинно материнская забота, с соблюдением такта, субординации и уважения не только личности, но и той среды, которую эта личность представляет. Особенно это проявляется по отношению к аспирантам, причем не только ее аспирантам. Это внимание и бескорыстность ощутили и ощущаем донныне мы все, кто был связан с ИМЛИ, и такое отношение для каждого из нас, младших коллег, очень дорогого стоит и как поддержка, и как пример подлинной интеллигентности. Ее душевное отношение к людям обходится ей, конечно же, огромными энергетическими и временными затратами. Она открыта к деловому общению с каждым в большом научном заведении и далеко за его пределами, с ней можно советоваться и ожидать от нее помощи чуть ли не по всем научным и житейским проблемам, дома телефон ее замолкает, кажется, только тогда, когда она догадается его поздно ночью отключить. Но, быть может, именно за это она одаривается свыше неиссякаемой энергией, которую ни в чем не экономит, если только дело представляется ей стоящим того. И это – несмотря на преклонные годы, каждый из которых прожит с полным достоинством.

Конечно же, годы берут свое, да и в молодости она богатырским здоровьем не отличалась. И все же свой юбилей она встречает полной творческих сил и новых замыслов. Это, как я думаю, потому, что энергетика, которой она щедро делится с другими, возвращается к ней помноженной на уважение и благодарность окружающих. Пусть так оно и будет.





Журналист – первый редактор газеты Международной Черкесской Ассоциации «Нарт».

Писать – работа, привычка, хобби. В арсенале – очерки, рассказы, фельетоны, зарисовки, эссе... газеты, журналы, книги. Поэзия – категория откровения: отход от штампа, попутный, и не всегда качественный груз, это – отдохновение от житейской рутины, всплеск чувств, взлёт фантазии, падение и подъем, взрыв напряженных нервов, усталость и равнодушие, это гармония чувств и хаос мировосприятия, это разочарование и большая любовь.

Благодарна всем тем, кто знакомится с моим творчеством и поддерживает меня.

Особенное отношение у меня к Кабардино-Балкарии. Здесь корни моих предков. Мой дедушка, Исхак Хацуков, был родом из Аушигера, из Дугулубгея – бабушка, Карданова Дзыдзе. Они, уже будучи супружеской парой, в 1927 году были вынуждены покинуть родную землю и уехать в аул Уляп в Адыгее. Это они научили нас беспредельно любить родную Кабардино-Балкарию...

НЕ ИЩИ ВИНОВАТЫХ

*«Ни с кем не случается того,
что не дано ему вынести».*

Марк Аврелий

Ты сейчас оказался
За стеной невозврата,
За порогом доверия,
В глубине пустоты.
На задворках судьбы
Не находишь
Ты больше ответа,
Что и как потерял
И куда подевались они...
Те, кто были готовы
Подставить
И руки и плечи.
И лелеять любовью,
Рожденный тобою каприз.
Не ищи виноватых,
Ты, пожалуй,
Их вовсе не встретишь.
Лучше сам со своею душою
Спокойно один разберись...

СТОИТ ЖИТЬ

Мне нужно много –	Мы расставались,
И бурь тревоги,	Но ненадолго.
И холод сердца,	И вновь смыкались
И трепет чувств.	Наши сердца...
Мне нужно много –	Нить Ариадны
Снега в дороге,	Через тревоги
Шторма на море	С тихой уверенностью
И ветра свист...	Провела...
Мне нужно слышать	Мне нужно верить,
Потоки рифмы,	Ты где-то рядом,
Когда плетешь ты	И сок березы
Узор судьбы.	Нам вместе пить...
Твои надежды	Я знаю ты –
В них рядом дышат,	Моей жизни награда!
С моим доверием,	А ради этого
Живут мечты.	Стоит жить.

ПЕРЕД ПРИРОДОЙ ВСЕ РАВНЫ МЫ

Стихи мои, как птахи малые,
Ломали крылья, в бездну падали...
Одни из них – судьбой гонимые,
Другие – мною лишь любимые.

Стихи мои, как листья осенью,
Сегодня больше они с проседью:
То в сердце селят боль сомнения,
Откинув напрочь снисхождение.

В них многое порой намешано.
Прообразы? – Любая женщина...
Богаты сказочно, бедны ли,
Перед природой все равны мы...

И в каждой, как известно, – тайна.
Постичь ее, ту тайну, крайне,
Считаю я, задачей сложной,
Не подлежащей осознанию...

Но только я к столу присяду,
Как вижу пред собой плеяду:
Святых, порочных, юных, старых
Красивых, горестных, усталых.

И каждая – с мольбой о счастье,
С надеждою – на соучастие...

ГДЕ ТОТ ИСТОЧНИК БЛАГОДАТНЫЙ

В узлы мечты давно связала,
Надежды не сплелись в венок...
Любовью мир не повязала,
Не запаслась и верой впрок.

Не удастся вновь страницы
Душевной боли распахнуть,
И омут разочарований
Хотя б в самой себе убить...

Ложь бьет наотмашь, без разбора.
Со всех сторон, как камнепад.
И не поймешь, кто все подстроил,
Кого во всем вдруг обвинят...

Мы все в пустыне безвременья
Мыслей чужих не угадать...
Где тот источник благодатный,
Чтоб боль глотком воды унять...

КОЛЫБЕЛЬ ЛЮБВИ

Мы перестали «говорить» глазами:
Их искрометным, тайным мыслям
Мгновенно следовать сердцами.
Как важно всем влюбленным понимать,
Что означает наш счастливый взгляд.

...Любовь сравнила бы я со слезами.
Ее начало прячется в глазах...
В глазах рождаются та искра и то пламя,
Что разожгли костер любви мечтами,
Чтобы огонь в душе тот никогда не гас.

В миру давно твердят, что именно глаза
Господь назначил нашим душам – стражем.
Похоже, сделал это он совсем не зря...
Глаза у нас не только зеркала души,
Они для каждого и колыбель любви...

Аслан ЭРЖИБОВ,

кандидат педагогических наук,
 отличник просвещения СССР и РСФСР,
 заслуженный учитель школы Республики Дагестан

ОН ЗАСЛУЖИЛ СВОЮ УЛИЦУ

С героем своего повествования я познакомился пятьдесят три года назад. Хотя он был намного старше, у нас сложились хорошие доверительные отношения. Он рассказывал много интересного о бывших и настоящих руководителях нашей республики: Б. Калмыкове, З. Кумехове, Н. Мазине, В. Бабиче, Т. Мальбахове, А. Ахохове, М. Шекихачеве, К. Керефове, У. Сасикове и других. Во многом они были для него примером для подражания.

Безруко Жандарович Гилясов родился 15 декабря 1908 года в селении Нартан в многодетной крестьянской семье. У него было три брата и две сестры. Все братья воевали на фронтах Великой Отечественной, двое не вернулись домой – сложили свои головы за Родину. Одна из сестер умерла давно, вторая ушла в мир иной в 2011 году.

После окончания семилетней школы Безруко заведовал магазином сельпо в Нартане (1926–1930), затем находился на различных ответственных должностях в хозяйственных, торговых, советских организациях – до января 1938 года.

Затем за проявленные организаторские способности был выдвинут управляющим трестом Кабардино-Балкарского маслопрома (1938–1942), после следует партийная работа и учеба: секретарь Нальчикского РК ВКП(б) по кадрам (1942–1944), первый секретарь РК ВКП(б) Зольского района (1944–1945), учеба на партийных курсах при ЦК ВКП(б) (1945–1946), первый секретарь Нальчикского РК ВКП(б) (1946–1949), учеба в Ростовской партийной школе (1949–1951), ответственный секретарь Кабардино-Балкарского облсовпрофа (1951–1956), председатель Терского райисполкома (1956–1957), первый секретарь Терского РК КПСС (1957–1958), инструктор отдела партийных органов Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1958–1959), начальник Кабардино-Балкарского республиканского управления государственной инспекции по качеству товаров и торговле по РСФСР (1959–1969). Это было последнее место работы Безруко Жандаровича. С этой должности он ушел на заслуженный отдых в 1969 году.

На всех участках Безруко Гилясов честно и добросовестно выполнял служебный долг. Обладая мягким характером, доброжелательным и весьма спокойным нравом, Безруко Жандарович, тем не менее, был очень требователен к себе и к своим подчиненным. Он был принципиальным



Б. Ж. Гилясов

и справедливым, глубоко порядочным, грамотным и работоспособным. Таким человеком и руководителем остался он в памяти всех, кто его хорошо знал.

Безруко Жандарович являлся депутатом Верховного Совета Кабардинской АССР (1947), депутатом Нальчикского райсовета (1947), членом Кабардинского обкома ВКП(б) (1947), членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1958), членом Кабардино-Балкарского областного Совета профсоюзов (1958), членом ревизионной комиссии Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1958).

Он награжден орденами Отечественной войны II-й степени, «Знак Почета», медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР.

Он создал замечательную семью. Его супруга – Кара Андудлаховна Метова – произошла из хорошего рода, получила хорошее воспитание, была обаятельной супругой и прекрасной хранительницей домашнего очага. Супруги жили в мире и согласии, вырастили и воспитали пятерых дочерей. Старшая дочь – Елена – педагог по образованию, проработала более 30 лет учителем русского языка и литературы в старших классах; вторая дочь – Татьяна – ученый-агроном, закончила сельскохозяйственную академию имени К. Л. Тимирязева в Москве, кандидат биологических наук, доцент КБГУ; третья дочь – Тамара – инженер-технолог швейного производства, проработала около 30 лет сперва на Нальчикской швейной фабрике начальником смены, затем – преподавателем спецдисциплин в профтехучилище № 7 в Нальчике; четвертая дочь – Раиса – инженер-энергетик, закончила Московский энергетический институт, всю жизнь проработала на руководящих должностях в системе народного образования КБАССР; пятая дочь – Светлана – педагог по образованию, преподаватель немецкого языка. Она слишком рано, в возрасте 30 лет, в 1978 году ушла из жизни.

Говорят, что память о человеке жива, пока его вспоминают. Уверен, что род Гилясовых, все родные и близкие долго будут сохранять память о прекрасном человеке, верном и достойном сыне своего народа.

В этой связи хочется спросить: разве трудовая деятельность Безруко Жандаровича на благо родного селения и всей республики не заслуживает присвоения его имени одной из улиц в Нартане? Вполне заслуживает, хотя бы потому, что он дважды (1934–1935, 1936–1938) избирался председателем сельсовета. Справедливость должна восторжествовать.

Безруко Жандарович практически никогда не болел до глубокой старости, Бог миловал, болезнь его обходила стороной. Первый раз он заболел в 1991 году, в возрасте 83 лет, и, к великому сожалению, его не стало в том же году. Вечная ему слава и покой.

Я к нему относился как к отцу. Надо отдать ему должное, он тоже ко мне относился хорошо. Правда, я не был исключением, так как он был внимателен и вежлив, тактичен и чуток в обращении со всеми добропорядочными людьми.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ ДЕТИ И ВНУКИ...

Мой отец – Загаштоков Мачраил Мухаметович, родился в 1916 году в Баксанском районе Кабардино-Балкарии. Точное числа и месяц его рождения установить не удалось, так как мы не нашли соответствующих записей в книге учёта в сельсовете. Так сложилась судьба, что мой отец встретил войну солдатом срочной службы в Ровненской области Украины. Он был рядовым стрелком разведывательной роты войсковой части № 2811 707 СП 215 дивизии. Уже в первые дни ожесточенных боев мой отец потерял многих сослуживцев, погибших в неравных схватках с фашистами. На глазах отца, на поле боя погиб смертью храбрых командир его взвода лейтенант Томилин, родом из города Орджоникидзе СО АССР.



М. М. Загаштоков

Тяжело раненного однополчанина Мухамеда Тарчокова Мачраил Загаштоков на плечах смог вытащить с поля боя под шквальным огнем. Об этом Тарчоков с благодарностью сам рассказывал после войны своим родным и близким, считал отца своим спасителем. В боях за узловую станцию железной дороги Шепетовка Ровненской области, в сентябре 1941 года отец получил тяжелое ранение в правую стопу. Там, в огне боя, он потерял сознание, и не знает, кто вынес его раненого и сохранил ему жизнь. В сознание отец пришел только 19 сентября 1941 года в эвакуационном госпитале № 2102. Отец так и не узнал, кто же из однополчан спас ему жизнь, и мы, его дети, тоже хотели бы отдать дань уважения этому человеку, герою, который спас нашего отца, но, к сожалению, сделать это сейчас уже невозможно. Нельзя передать словами чувство нашей благодарности и искреннее желание поклониться в пояс этому человеку. Кто знает теперь, может быть, это была фронтовая санитарка или такой же, как отец, солдат, Низкий поклон и вечная благодарность этому человеку от всех нас.

Отец часто вспоминал войну, любил смотреть фильмы о войне и часто, особенно когда смотрел фильм «В лесах под Ковелем», про партизан, на глазах его всегда были слезы. Хорошо, что сейчас наш отец не видит и не знает, что происходит на Украине, которую он защищал от фашистов и на которой полегли многие его однополчане. Он бы с горечью переживал, что на Украине возрождается то бесправие, против чего боролись их предки.

А тогда, когда враг стал наступать по всему фронту, эвакуационный госпиталь с ранеными советскими бойцами перевезли под Сталинград. В начале 1942 года, когда Сталинград начали сильно бомбить с воздуха,

многих раненых бойцов, в том числе и отца, эвакуировали в Астрахань, откуда в январе 1942 года его комиссовали как инвалида Великой Отечественной войны, и он с кровоточащими ранами вернулся в родное село. В это время наше село было оккупировано немцами, и кто-то донес, что он красноармеец и вернулся после ранения домой. Время это было для нашей республики очень тяжелое, в селах в основном оставались только женщины с детьми, да немощные старики. Немцы очень боялись партизан и усиленно выявляли мужчин, вернувшихся домой с фронта. По нашему Баксанскому району было выявлено восемь вернувшихся с ранениями солдат, и их пешком погнали до Залукокоаже, подвели к оврагу, чтобы расстрелять. Немцы рассчитывали, чтобы расстрелянные сразу упали в овраг, и уже приготовились стрелять, как в это самое время начался налет и обстрел с советских самолетов. Это было настоящее чудо, спасшее жизнь всем восьмерым бойцам. Отец не мог сдержать слез, когда рассказывал нам об этом эпизоде своей жизни. Оставшиеся в живых мужчины разбежались по домам, где их близкие прятали до прихода советских солдат.

В марте 1942 года, после освобождения Нальчика от фашистов, отец находился на лечении в эвакуационном госпитале № 2443 в г. Нальчике. Раны на ноге долго не заживали, много лет позже они так и болели, не давая забыть войну. В том же году, после прохождения курса лечения, отец женился. Мы гордимся, что наш отец был награжден за мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны орденом Отечественной войны 2-й степени и многочисленными медалями.

В послевоенное время он работал механизатором, выращивал хлеб, воспитывал нас, своих детей. Но военные раны постоянно давали о себе знать, и 27 октября 1993 года он умер.

Скоро очередная годовщина его смерти, и мы, его внуки и дети, в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне хотим сохранить память для всей нашей семьи и наших потомков о том, что Мачраил Загаштоков проявил героизм и храбрость, в первые дни Великой Отечественной войны принял участие в ожесточенных боях с врагом на территории Украины. Он не отступил, не дрогнул перед фашистскими захватчиками, и только тяжелое ранение смогло прервать его участие в кровопролитных боях за нашу Родину.

У ХОРОШЕГО НАСТАВНИКА – ХОРОШИЕ УЧЕНИКИ

Ещё Пифагор утверждал, что порядок – это абсолютная надёжность. А значит, должны быть и те, кто контролирует этот порядок в рамках действующего закона и служебных полномочий. В списке социально активных и значимых профессий работа полицейского занимает если не первое, то далеко не последнее место. Ведь действия правоохранителей в первую очередь направлены на защиту граждан, пресечение, выявление и раскрытие преступлений.



Х. Х. Тюбеев

Осень в жизни начальника специального приёмника для содержания лиц, арестованных в административном порядке Управления МВД России по г. Нальчику подполковника Хакима Тюбеева – особое время года. Осенью он родился, осенью женился, осенью родился первенец... Именно осенью Хаким начал служить в полиции. Кардинальная смена профессии в пользу погон произошла четверть века назад. Плиточник домостроительного комбината даже и не помышлял о работе в правоохранительных органах – за плечами было профтехучилище и служба в армии. Но односельчанин порекомендовал, и Хаким задумался – а почему бы и нет? Работу в МВД начинал с самых рядовых должностей. Первое офицерское звание – младший лейтенант, пришло в последние дни уходящего тысячелетия. А уже через два года он назначается на должность заместителя начальника по работе с личным составом – руководство заметило профессиональные и деловые качества сотрудника.

Примечательно, что в семье Хакима нет никого, кто бы, как он, служил в правоохранительных органах. На вопрос, не обидно ли ему, что дети не пошли по стопам отца, подполковник улыбается: «Нисколько! Между прочим, не только в моей семье нет сотрудников МВД, я вообще единственный Тюбеев, кто работает в этой структуре. Мои старшие сын и дочь уже выбрали свой путь в жизни, ту профессию, что им по сердцу, я доволен их решением. Младший ещё школьник, у него выбор впереди».

Жизненную стойкость и порядочность Хаким перенял у своих родителей – Хасанбиа и Любови, воспитавших трёх сыновей и дочь достойными людьми, давших всем своим детям высшее образование. Кроме родителей, в жизни подполковника Тюбеева встречались те, с кого он брал пример, учился жизни и профессии.

– Своим наставником я считаю Сулемена Князева – бывшего начальника, чью должность я занимаю сейчас, – рассказывает Хаким Тюбеев. – Всем, что я сегодня умею, знаю, обязан этому человеку. С первого дня я работал под его руководством. В честь него назвал своего внука. Надёжный и опытный, он всегда говорил нам: направь человека, за которого ты несёшь ответственность, на верный путь, и делай добрые дела. Учил не только профессии. Учил своих подчинённых жизни, как отец наставляет сыновей – не совершай плохого, не злословь, не обсуждай ничью дочь – у тебя тоже дети растут.

За годы службы у подполковника Тюбеева – ни одного нарекания. Зато поощрений немало: ведомственные нагрудные знаки, медали, почётные грамоты. И – ни одной жалобы от тех, чью свободу по долгу службы подразделение Хакима Хасанбиевича обязан ограничивать. Строжайшее соблюдение дисциплины и законности – этому он тоже научился у своего наставника, этому учит сегодня своих подчинённых. И не случайно в коллективе подполковник Тюбеев пользуется авторитетом, является примером для личного состава – этот факт отражён в его служебной характеристике. У хорошего наставника – хорошие ученики, которые тоже в своё время будут обучать молодёжь. Об этом помнит Хаким Тюбеев, когда разъясняет особенности профессии молодым сотрудникам.

– Говорят, скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Действительно, окружение играет в жизни человека очень важную роль. И я очень рада, что у Хакима такое замечательное окружение, – делится его супруга Гюльнара. – Много у него настоящих и верных друзей. К примеру, Аслан Готыжев, Игорь Чанин и Алан Гусалов – это армейские товарищи, они уже три десятка лет не разлей вода, мы дружим семьями, все праздники вместе отмечаем, да и без повода видимся часто. Или сослуживцы, бывшие и нынешние: Самат Черкесов, Ахмат Молаев, Аслан Цагов, Михаил Ульбашев, Руслан Аппаев и многие другие, те, кто всегда по первому зову придут на помощь – словом, делом, участием.

ЖИЗНЬ ПОСВЯТИЛ РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Профессионализм, талант педагога, без сомнения, определяются тем, насколько его предмет любим учениками, насколько они готовы подхватить его эстафету. И это подтверждает опыт Жанти Кушевича Таова, начавшего и закончившего свою трудовую биографию учителем кабардинского языка и литературы. Почти половина воспитанников обрели его профессию, работая практически во всех кабардинских населенных пунктах. Уровень подготовки его выпускников (об этом знала вся республика) был столь высокий, что приемная комиссия освобождала их от вступительных экзаменов по кабардинскому языку и литературе. Экзаменаторы не сомневались в основательном знании родного языка абитуриентами, подготовленными Ж. Таовым.

В 30-е годы прошлого столетия школы Кабардино-Балкарии испытывали острый дефицит педагогов. Поэтому наиболее способные выпускники, успевшие во время учебы проявить качества лидера, активиста, сразу же после школьной парты становились за учительский стол. Среди них был и Жанти Кушевич. В 1938 году после окончания Камлюковской семилетки его назначили старшим пионервожатым, а несколько позже перевели учителем начальных классов.

Молодому педагогу работа пришлось по душе. Он с энтузиазмом взялся за обучение детей. Хотя знания, полученные в школе, были неплохие, Жанти не имел достаточно четкого представления о методике преподавания. Уроки старших коллег помогли ему освоить специфику учительского труда. С самого начала Жанти Кушевич сам тщательно анализировал свои уроки. Положительные результаты практической деятельности обобщал, систематизировал и брал на вооружение на следующих занятиях. Так он выработал собственную методику обучения детей.

Но началась война, она прервала его учительскую деятельность. В сентябре 1941 года его отправили рыть окопы вблизи станицы Солдатской. А в декабре он получил повестку из военкомата о призыве в армию.

Молодой боец сразу получил тяжелое ранение и контузию и попал в госпиталь. Там его подлечили, но, признав инвалидом, комиссовали из армии. Вскоре после возвращения домой он попал в оккупацию. Самочувствие его было неважным, и несколько месяцев он вынужден был соблюдать постельный режим. До фашистов, видимо, дошли сведения о том, что Ж. Таов – бывший красноармеец, и поэтому они собирались его казнить (об этом свидетельствуют списки, найденные после изгнания немцев). Жизнь ему спас лишь приход советских войск.

Еще долгое время сказывались ранение и контузия. Жанти с трудом передвигался, опираясь на палку. В то время в колхозе работать было некому, и он, преодолевая боль и усталость, трудился сначала учетчиком, а когда в Камлюково начала функционировать школа, вернулся туда преподавателем. Здесь проработал учителем кабардинского языка

до 1963 года, когда с семьей переехал в Нальчик. Его труд был отмечен двумя почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР, почетными грамотами Министерства просвещения республики.

В Кабардино-Балкарии к тому времени он был хорошо известен как прекрасный специалист, педагог, занимающийся не только практической, но и научной, методической деятельностью. Еще в 1958 году он издал первый в республике сборник диктантов и изложений на кабардинском языке – плод его многолетних трудов и раздумий. Он многократно переиздавался и до сих пор не утратил научной, методической ценности. Склонность к серьезной педагогической деятельности привела его в институт усовершенствования учителей. Жанти Кушевича пригласили методистом школ-интернатов и групп продленного дня.

– Мне приходилось проверять школы-интернаты, посещать различные мероприятия, а затем анализировать их, – вспоминал Жанти Кушевич. – Я проводил семинары, вел летние курсы переподготовки учителей.

Однако мечта вернуться к любимому делу – вести уроки родного языка и литературы – не давала ему покоя. К сожалению, в Нальчике в то время было не так много школ, где преподавали кабардинский язык. Несколько часов ему дали в СШ № 11. Когда завуча школы перевели директором в СШ № 18, по ее просьбе Жанти стал преподавать в новой школе. На его уроки с удовольствием ходили не только его соплеменники, но и русские дети.

– Чтобы повысить качество знаний учащихся, – рассказывал Ж. Таов, – мне приходилось основательно готовиться к урокам. Я сам готовил и наглядный материал – больше ста плакатов и таблиц.

В 1972 году Ж. К. Таов начал работать над учебником кабардинского языка для второго класса сельских школ, а чуть позже – для городских по заказу министерства просвещения КБАССР. К тому времени у него накопилось много материала, он успел издать сборник диктантов и изложений, в который вошли не только отрывки из произведений кабардинских писателей, но и тексты, составленные им самим. Он учитывал не только возраст детей, но и специфику жизни того времени. Прекрасно зная методику обучения родному языку, Ж. Таов позаботился не только о том, чтобы учебник был полезным и удобным в пользовании, но сделал так, чтобы он отличался и чрезвычайно интересной и простой для восприятия детей подачей материала. О таланте автора учебника свидетельствует и тот факт, что его методические пособия для учителей начальных классов, дидактические материалы для школьников и учебники переиздавались много раз. Они лишь немного обновлялись после перестройки.

Несмотря на свои преклонные годы, Жанти Кушевич по заказу МОН КБР работал над очередным, шестым по счету учебником кабардинского языка.

В общем-то, гонорары за создание учебников, можно сказать, символические, но Жанти Кушевич работал над ними охотно, потому что все равно он, заслуженный учитель школы Кабардино-Балкарии, отличник народного образования Российской Федерации, не мог сидеть без дела, которому посвятил свою жизнь.

В ЖИВОМ ПОТОКЕ МУЗЫКИ

Музыкальные способности у композитора Нихата Османова обнаружались очень рано. Их развитию способствовала духовная обстановка, царившая в семье его отца, болгарского турка, проживавшего в городе Шумене в Болгарии. Сеид-Ахмед Османов был зажиточным ремесленником, что не мешало ему не только любить искусство, но достаточно серьезно увлекаться музыкой. Он сам и все четверо его сыновей играли на различных музыкальных инструментах – скрипке, балалайке, мандолине, гитаре, аккордеоне. Они составляли хорошо слаженный семейный ансамбль. После работы вечерами играли народные болгарские и турецкие мелодии. В 1944 году к домашнему квинтету присоединился советский полковник, квартировавший у Османовых. Двухэтажный дом отца Нихата был вместительным и удобным, и вполне естественно, что командование советских частей, освобождавших от фашистов Болгарию, облюбовало его для штаба. Полковник, сразу почувствовав музыкальные способности Нихата, настоятельно рекомендовал ему после окончания гимназии приехать в Советский Союз для учебы в консерватории. С тех пор подросток не расставался с мечтой о поездке в СССР и начал брать частные уроки музыки у одного русского эмигранта, бывшего певца Мариинского театра. Это был великолепный тенор и пианист, приобщивший мальчика к русской музыкальной культуре и классической литературе.

Когда в 1954 году набирали абитуриентов для учебы в различных вузах Советского Союза, среди тех, кто выдержал этот конкурс, был и Османов. Так он поступил в Ленинградскую консерваторию по классу композиции. Он попал к замечательному педагогу, профессору В. А. Волошинову. Параллельно с ним по классу вокала учился его земляк, всемирно известный певец Николай Гяуров.

Занимаясь со студентом Османовым, Волошинов обнаружил у него особую тягу к восточной музыке и порекомендовал, не пытаясь переориентироваться на европейскую манеру сочинения музыки, перевестись на учебу в Бакинскую консерваторию и непременно попасть к профессору, народному артисту СССР, широко известному к тому времени композитору Кара Караеву. Так Нихат оказался в Баку и стал учеником прославленного композитора.

Это была пора ренессанса азербайджанской музыкальной культуры. В то время на сцене великолепного театра оперы и балета, построенного еще до революции азербайджанским просветителем Тагиевым, ставились произведения азербайджанской музыкальной классики – опера «Кероглы» и музыкальная комедия «Аршин мал Алан» Узеира Гаджибекова, балеты Кара Караева «Семь красавиц» и «Албанская рапсодия», выступали знаменитые певцы – Бюль-Бюль и Рашид Бейбутов. Большого профессионального уровня достигли народные ансамбли, особенно тот, в котором пела Шевкет Алекперова.

Нихат Османов оказался в среде духовной элиты, что, несомненно, оказало огромное влияние на формирование его личности и развитие композиторского таланта. Студент консерватории подружился со многими известными музыкантами и вокалистами, писал для них очень мелодичные, колоритные турецкие песни и романсы, которые они с удовольствием исполняли. Его произведения успели получить в Азербайджане широкое признание: не было дня, когда бы они не звучали по радио.

Учась в Баку, Нихат не порывал творческих связей с Болгарией. В это время в Шумене был организован турецкий музыкальный театр, который оказался без национального репертуара. Его руководитель связался с Нихатом, и вскоре молодой композитор представил ему на суд оперетту «Лунная сказка», которая очень понравилась артистам. Нихат ездил в Шумен на репетиции, присутствовал на премьере музыкальной комедии, прошедшей с настоящим триумфом. Публика восторженно приняла первую турецкую оперетту, написанную соотечественником. Благодарностям руководства Шуменского округа, самого театра, исполнителей, зрителей не было конца. Об этом событии много писала болгарская пресса. С тех пор оперетта заняла прочное место в репертуаре театра. На этом сотрудничество Османова с шуменским театром не закончилось. Для него он написал еще несколько произведений – оперетту и музыкальную композицию, которые позволили ему вступить в Союз композиторов Болгарии.

К концу учебы в Бакинской консерватории у Нихата накопилось множество песен и крупных музыкальных сочинений: шесть прелюдий для фортепьяно и скрипки, сонатина для фагота, трио для скрипки, виолончели и фортепьяно и другие, которые исполнялись симфоническим оркестром Бакинской филармонии. Здесь он познакомился с выдающимся турецким поэтом Назымом Хикметом. Встреча способствовала выбору темы дипломной работы. Нихат решил написать симфоническую поэму «Легенда о любви» на сюжет одноименной драмы прославленного поэта.

Впервые «Легенда о любви» была исполнена в декабре 1959 года на пленуме молодых азербайджанских композиторов Бакинским государственным оркестром под управлением заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР Кемаля Абдуллаева. Нихат получил высшую оценку пленума – золотую медаль.

На пленуме присутствовал сам Назым Хикмет. Тепло поздравив Османова с успехом, он подарил ему свой только что вышедший в свет сборник стихов с автографом: «Надо всегда брать от народного корня, но украшать музыку новыми побегам и ветвями».

«Легенду о любви» включил в свой репертуар Болгарский государственный симфонический оркестр. Впервые в его исполнении на родине поэта она прозвучала в 1960 году. Высокая оценка творчества Н. Османова, данная на азербайджанском пленуме композиторов, обратила на него внимание известных музыкальных критиков. В журнале «Советская музыка» (№ 9, 1960 г.) появилась статья Л. Карагичевой «Начало жизни в музыке», посвященная творчеству молодого композитора. Перечисляя ценные черты художественной индивидуальности Османова, автор на-

зывает среди них также «прекрасное знание и живое ощущение народной музыки».

Общение с выдающимися азербайджанскими музыкантами, знакомство с их творениями, широкий доступ в высшее общество республики духовно и творчески обогатили молодого композитора, дали толчок к созданию многочисленных произведений крупного жанра – симфоний, увертюр, концертов, ораторий, балетов и так далее. Но это был уже следующий этап его творческого пути, связанный с Кабардино-Балкарией.

После окончания в 1961 году консерватории Н. Османов был рекомендован в аспирантуру. Однако он вынужден был вернуться на родину и отслужить в болгарской армии (порядки там были строгие). Закончив службу, Нихат приехал в Кабардино-Балкарию, где остался на постоянное жительство. Это было связано с его женитьбой на уроженке нашего края Раисе Хашхожевой, с которой он познакомился в Баку, где она училась в аспирантуре АзГУ. В выборе места жительства немаловажную роль сыграло также и то, что его дедушка, Хаджиумар Сомгуров, эмигрант, переселившийся во время гражданской войны в Болгарию, много рассказывал внуку о Кабардино-Балкарии, о прекрасном слободском парке, о брошенных им домах на одной из улиц Нальчика. Во время учебы в Баку он неоднократно приезжал в нашу республику, успел познакомиться со своими родственниками, сразу узнал те места, о которых живописно и с тоской в сердце рассказывал дедушка.

В Нальчике Нихат приступил к работе в музыкальном училище, где долгие годы преподавал теоретические дисциплины. Как педагог он не был педантом, относился к делу творчески, а к студентам с любовью и пониманием, чем снискал с их стороны уважение и преданность.

Работая в музучилище, Нихат Сеид-Ахмедович видел свою главную миссию в развитии музыкального искусства Кабардино-Балкарии. В республике было больше мелодистов, нежели музыкально грамотных композиторов, способных написать крупное музыкальное сочинение, сделать самостоятельную оркестровку. Нихат был в числе тех, кто, создавая высокопрофессиональное произведение, использовал национальные – кабардинские и балкарские мелодии. Одновременно он помогал овладевать нотной грамотой и искусством оркестровки многим местным мелодистам. Именно Османову поручалась оркестровка музыкальных произведений, включенных в концертную программу к торжествам на правительственном уровне, к праздничным мероприятиям. Знали, что делает он это мастерски, виртуозно и в самые короткие сроки.

Творческие достижения композитора позволили ему стать членом Союза композиторов СССР. Он был единственным иностранцем в СК СССР. Его хорошо знали и принимали в Москве. Все его произведения успешно проходили через художественный совет и принимались к исполнению. Тесная творческая и чисто человеческая дружба связывала его с композитором Тихоном Хренниковым, тогдашним председателем СК СССР, с Арамом Хачатуряном, Микаэлем Таривердиевым и другими известными музыкантами.

По заказу министерства культуры СССР к 35-летию Победы в Великой Отечественной войне Н. Османов написал балет «Зоя» на либретто Раисы Хашхожевой, посвященный партизанке Зое Космодемьянской. Для Музыкального театра в Нальчике он создал балет «Крепость Шамая» по мотивам балкарских народных сказок. Сочинил он также музыку к спектаклям Кабардино-Балкарского госдрамтеатра им. А. Шогенцукова по пьесам Алима Кешокова «Последняя верста», Аскерби Шортанова «Посланец партии» и другим. А к фестивалю «Болгарская драматургия в Советском Союзе» композитор написал музыку к пьесе болгарского драматурга Орлина Василева «Земной рай», которая была признана лучшей в номинации «музыкальное оформление». Его наградили Почетным дипломом за подписью министра культуры СССР Екатерины Фурцевой.

Произведения Нихата Османова исполняются не только в Кабардино-Балкарии, но нередко звучат на престижных столичных концертных площадках. В 1984 году Московский государственный академический оркестр русских народных инструментов им. Осипова включил в свой репертуар два произведения композитора «Уллу-эль» – концерт для голоса с оркестром, и фантазию «Исламей», написанные с большим мастерством и поразившие московских слушателей необычностью мелодий, экзотичностью и экспрессивностью. Оба сочинения мастера, по признанию художественного руководителя и дирижера оркестра Калинина, стали лучшими номерами его репертуара. Он просил для своего оркестра и другие произведения композитора, но их творческие контакты были прерваны болезнью Н. Османова.

Музыка, созданная Нихатом Сеид-Ахмедовичем, послужила прекрасным фоном к серии фильмов, созданных кинорежиссером Владимиром Вороковым «Здравствуй, туристская Мекка!», «Моя республика», «Быстрее ветра», «Лакумы по-чегемски». Особой популярностью в народе пользовались песни Османова, которых он написал более двухсот. Избранные песни изданы двумя сборниками, вышедшими в свет: первый – в 1982 году, а второй, посмертно, – в 1990 году (составитель Р. Хашхожева). В них собраны песни на стихи К. Кулиева, М. Геттуева, С. Макитова, А. Бицуева, Б. Утижева, П. Кажарова, Т. Зумакуловой, А. Созаева и других поэтов.

В 1983 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств КБАССР». Прошел торжественный вечер, завершившийся концертом, на котором было исполнено много его произведений.

Нихат Османов обладал уникальным даром композитора, однако не сумел раскрыть его полностью. Ему явно недоставало той творческой среды, которая бы помогла осуществить все его замыслы.

**ОШХАМАХО –
ГОРА СЧАСТЬЯ И КОЭФФИЦИЕНТ СЧАСТЬЯ.
ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?**



11 декабря – Международный день гор. Эта дата была установлена решением 57-й Генеральной Ассамблеи и появилась в календаре памятных дней ООН в 2003 году. С 2004 года отмечается под лозунгом «Мир: ключ к устойчивому развитию гор». Цель Дня – разъяснить важность устойчивого развития горных районов планеты. ООН разработана целая программа, касающаяся гор, называемая «МЭБ 6».

Горы занимают около одной трети суши земного шара и являются домом для 10% населения мира. Поражает масштаб и глобальное разнообразие гор – от тропических лесов до вечного льда и снега, от климата с более чем 12-метровым уровнем годового количества осадков до высокогорных пустынь, от уровня моря до горных пиков высотой почти в 9000 метров. Горы – источник воды всех основных рек Земли, они являются водонапорными башнями мира, обеспечивая пресной водой, по крайней мере, половину людей на планете. Вместе с тем, горы являются «зоной» повышенного риска: лавины, оползни, извержения вулканов, землетрясения и наводнения угрожают жизни в горных и прилегающих районах. Горы играют важную роль в формировании глобального и регионального климата и погодных условий. Горы – это заповедник для многих уникальных видов растений и животных.

Жители горных районов мира относятся к наиболее бедной и обездоленной категории населения мира. Они часто сталкиваются с политической, социальной и экономической маргинализацией и отсутствием доступа к таким базовым услугам, как здравоохранение и образование. Кроме того, нынешние глобальные вызовы, такие как изменение климата, экономическое развитие и рост численности населения усугубляют

трудности, с которыми они сталкиваются. Поэтому устойчивые подходы к развитию являются особенно важными для горных районов планеты.

Международный День гор имеет непосредственное отношение и к нашему региону. Ведь большая часть территории Кабардино-Балкарии имеет горный характер и сильно пересечена. КБР – одно из самых красивых и уникальных по природным, историческим и культурным характеристикам мест Российского государства. Наша республика является одним из центров сосредоточения политического, экономического и научного потенциала Юга России, входит в число наиболее привлекательных, а главное, стабильных областей Северо-Кавказского федерального округа РФ, имеет самые широкие перспективы развития.

Проблемы развития гор отличаются от проблем развития равнин, замечает доктор географических наук, академик Российской академии наук Алексей Николаевич Гуня. Да, горы – это, как правило, проблемы, связанные с обеспечением, конфликтами, разнообразием охранной природы... Международные организации обратили внимание на горы еще и потому, что в ближайшие десятилетия они будут определять политику многих ведущих стран. Именно там будут развиваться и осваиваться новые рекреационные ресурсы, именно горы являются хранилищем ценных биоресурсов. Они первые, как самая чувствительная территория, откликнулись на глобальные изменения, так называемые «глобал чейндж» – парадигма, о которой уже многие годы говорят. Сюда относится и глобальное потепление, начали таять ледники. Также они являются неким индикатором и того, что в мире не все ладно и с социальными процессами. Поэтому проходят конференции, на которых обсуждаются проблемы гор.

В мире такие инициативы идут давно. На них задействованы огромные институты, организации, проводятся конференции, студенческие программы, обменные поездки... Институт географии в Москве, где я работаю, является головным институтом, который координирует деятельность программы «МЭБ 6». Там было принято решение о том, чтобы стимулировать эти идеи дальше и довести их до российских горных регионов, проводить там мероприятия, посвященные Дню гор. Раньше горами занимались российские политики Р. Абдулатипов и М. Залиханов. Нужен новый поток энергии ответа на эти инициативы. Важно еще вот что. Люди, живущие в горах, лучше знают их специфику, чем те, которые принимают решения в центрах. Какие здесь происходят экологические процессы? Как хотят здесь осваивать ресурсы? Как планировать политику? А не спускать сверху программы-клише, разработанные для равнинных территорий, без учета местной горной специфики. Надо привлечь к ней внимание и указать на то, что решения, принимаемые в далеких центрах, а также европейский подход обязательно должны быть адаптированы, ориентированы на местную специфику, местные проблемы. Необходимо, чтобы молодежь, интеллигенция, студенты, те люди, которые живут в этой местности, стали проявлять активность, сформировали свое мнение об экологических, политических и других процессах, чтобы проводились мероприятия в рамках программы «МЭБ 6».

В настоящее время сильно развивается Международное горное партнерство, которое инициируют швейцарцы. Более 50% территории 50 стран мира представляют собой горы. Казалось бы, Швейцария – маленькая страна. Зачем ей надо вкладывать инвестиции в различные страны, например, Киргизию, Непал, Бутан, приезжать на Кавказ? Они поняли, что изменения, которые произойдут в горах уже через 10–20 лет, потребуют гораздо больших финансовых вложений. Горы – кладовая ресурсов, место жительства большого количества народов. Это и культурное разнообразие. От гор во многом зависит географическая оболочка планеты. Их можно сравнить с важными органами человека. И в то же время горы остаются без должного внимания. Они на периферии, их обходят вниманием правительства: уделяют им мало внимания, работают по принципу остаточного финансирования. Даже если имеет место какое-то субсидирование, то для решения проблем гор не учитывается их специфика. От гор тогда может исходить нехорошая ответная реакция – горные системы разрушатся, начнутся различные стихийно-разрушительные процессы, разрушится наш биофонд, культурный фонд. Люди уедут с насиженных территорий, пополнят ряды безработных. Самое бедное население многих стран живет в горных территориях, поэтому необходимо обратить внимание на горную специфику, горную территорию.

В мире уже имеется опыт использования горной специфики. Например, есть гималайский центр «Исемод», начинавший с маленькой организации и развившийся в большой центр. С ним сотрудничают и считаются страны, входящие в ООН, потому что это огромная консалтинговая фирма, занимающаяся и конфликтами, и стихийно-разрушительными процессами, миграцией и бедностью. Недавно, два месяца назад, в Бутане проходила конференция. В ней принимали участие и российские эксперты. Там рассматривался, как ни странно, коэффициент счастья. Мы всегда свою жизнь мерили и мерим по валовому внутреннему продукту. В этой же стране, исключительно горной, посчитали, что западные параметры и индикаторы не годятся для гор. Они слишком экономизированы, не учитывают, чем доволен человек. В коэффициенте счастья много научно обоснованных индикаторов. Это пример того, что горная специфика необычна, к ней должно быть обращено пристальное внимание.

ПРОФОБРАЗОВАНИЕ – ТЕРРИТОРИЯ ЖИЗНИ

*Обучай только того, кто способен,
узнав про один угол квадрата,
представить себе остальные три.*

Конфуций

Традиционно в начале октября наша страна отмечает два праздника – День профтехобразования и День учителя. В этом году славная система профессионально-технического образования отмечает еще и две круглые даты: профобразованию России исполняется 75 лет, а КБР – 50.

Празднование этих юбилейных дат предоставляет возможность не только показать достижения образовательных учреждений, осуществляющих подготовку рабочих кадров, но и привлекает внимание молодежи к рабочим профессиям, вызывая интерес к истории и лучшим традициям профессионального образования России и республики. Ведь не секрет, что во все времена подготовка рабочих кадров была необходимой и значимой для каждой страны. Сегодня, вместе с бурным ростом экономики России, ощущается стабильная нехватка квалифицированных рабочих кадров в наиболее быстро развивающихся отраслях, таких, как строительная индустрия, жилищно-коммунальная сфера, и в ряде других отраслей.

Подготовкой специалистов среднего звена по рабочим профессиям в республике занимаются девять учреждений профессионального образования. Кабардино-Балкарский колледж «Строитель» со своей прекрасной материально-технической базой и квалифицированным преподавательским составом является не только одним из лучших в республике, но и входит в десятку лучших родственных образовательных учреждений России. Сохранив лучшие традиции российского профтехобразования, он живет и развивается в соответствии с современными тенденциями. В 2009 году колледж получил диплом победителя Национального проекта «Образование» за внедрение инновационных образовательных программ.

Выдержав все реформы, периоды подъема и спада системы профобразования, колледж «Строитель» прошел 33-летний путь становления, поиска оптимальных и эффективных форм работы, укрепления кадрового потенциала и материально-технической базы. В результате профессионального и творческого роста колледж сегодня превратился в современный многоотраслевой учебно-производственный центр по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рабочих кадров. За эти годы из стен учебного заведения вышло более 18-ти тысяч специалистов. По сути, колледж стал для них отличным карьерным трамплином. Полученное здесь образование позволило им найти свое место в жизни и работать на ведущих предприятиях строительной сферы, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики.

В настоящее время здесь обучается 1165 студентов. Колледж предоставляет им определённые социальные гарантии: все студенты обеспечи-

ваются бесплатным горячим питанием и стипендией, а отличившиеся в учебе – и стипендией правительства РФ; для иногородних и детей-сирот предоставляется общежитие; учащимся и студентам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предоставляется полное государственное обеспечение.

Многие выпускники колледжа продолжают поддерживать связь с педагогическими работниками и после окончания обучения. Они приходят, делятся впечатлениями, достижениями, проблемами. Среди них: Иналов Аниуар (преподаватель и аспирант Московского автодорожного института), Гаужаев Муаед (владелец собственного газосварочного цеха), Яганов Кантемир (специалист ОАО НЗСМ «Сельхозтехника»), Алиев Аббас (сотрудник автосервиса «Кавказ»), Тхагалегов Ислам (работник дорожной службы), Шоров Аслан (мастер производственного обучения колледжа). Наблюдение за устройством выпускников и их продвижением в жизни помогает преподавателям лучше понять, на что следует обращать больше внимания при обучении и воспитании учащихся.

Колледж и сегодня продолжает играть существенную роль в развитии системы профобразования КБР, в формировании рабочих кадров, снабжая строительные сферы необходимыми специалистами. Это подтверждается трудоустройством выпускников (90% работают по специальности, 30 % обучаются в ВУЗах). Это – заслуга тех педагогов и мастеров производственного обучения, которые обучают сегодня студентов в соответствии с современными требованиями, несмотря на все проблемы, существующие в экономической сфере, и на устаревшую материально-техническую базу системы профобразования. Значит, не зря коллектив преподавателей и студентов колледжа вместе со своим директором Суншевым З. Ш. между собой называют колледж «территорией жизни».

Территория колледжа занимает несколько гектаров. Здесь распложены 4-х этажный учебный корпус, учебно-производственные мастерские, лаборатории, гаражи для спецтехники, благоустроенное общежитие, футбольный стадион, различные спортивные площадки (тренажерный зал, борцовский зал), медпункт со стоматологическим кабинетом, библиотека с читальным залом, столовая на 300 посадочных мест.

Спектр образовательных услуг в колледже довольно широкий. Подготовка квалифицированных рабочих осуществляется на базе основного общего и среднего (полного) образования по целому спектру направлений. В рамках начального профессионального образования идёт подготовка мастеров общестроительных и отделочных строительных работ, электрогазосварщиков, мастеров столярно-плотничных и паркетных работ, автомехаников. Среднее профессиональное образование представлено отделениями: техобслуживание и ремонт автотранспорта, строительство и эксплуатация зданий и сооружений, автоматическая электросвязь. Среди специальностей нет ни одной, которая не востребована в республике.

Основные вехи истории учреждения

Созданный в 1982 году как ГПТУ № 20, колледж приобрёл свой сегодняшний статус путем слияния в 1994 году нескольких учебных за-

ведений – профессионально-технического училища № 4, строительного техникума г. Нальчика и филиала Майкопского автодорожного техникума. Позднее к колледжу присоединилось и СПТУ № 9 г.п. Чемем в качестве филиала.

Учреждение сменило четырех директоров. У истоков его основания стоял Эдуард Рабаев – первый директор колледжа (1982–1986 гг.). С 1986 по 1987 гг. директором был Пронов А. С.; 1987–1990 гг. – Бондарь Г. Н. В 1990 г. директором был назначен Суншев З. А.

Среди первых преподавателей колледжа были известные сегодня в системе образования люди: Мальбахов Т. К., Абазов Б. З.

Немало и тех, кто работает здесь со дня основания: Шидуков М. А., Тхакахова М. М., братья Тарапата А. А. и В. А. Они любят свою профессию и не представляют жизни без колледжа. А если некоторым и приходилось уходить по разным обстоятельствам, то возвращались сюда, где делали первые шаги и оставили частичку себя. Каждый творит историю колледжа, оставляя свой незабываемый след.

О директоре

В трудные для системы профтехобразования 1990-е гг., когда предприятия закрывались, стройки замораживались и рабочие профессии были не востребованы, недостроенный колледж (а тогда СПТУ № 4) возглавил Суншев Заудин Шамсадинович. При нём были построены и оборудованы общежитие, слесарная и столярная мастерские, обновлен весь образовательно-воспитательный процесс.

За годы руководства Заудин Шамсадинович внес уникальный вклад в совершенствование системы НПО. Его трудовая деятельность отмечена на всех возможных уровнях: отличник профтехобразования РФ, заслуженный работник образования КБР, депутат горсовета, победитель Всероссийского конкурса «Лучший директор образовательного учреждения-2007», лауреат международного конкурса «Лицо Года – 2008», обладатель международного ордена «Рыцарь чести».

Благодаря его организаторским способностям, целеустремленности, огромной созидательной энергии, творческому поиску, высокому профессионализму, умению масштабно мыслить и бережно хранить заложенные традиции, коллектив колледжа неизменно добивается успехов в осуществлении самых смелых планов и идей.

За последние десять лет в колледже произошли большие изменения. Сменилась не только вывеска, изменился и подход к подготовке специалистов, изменилось содержание образования. Открытие новых специальностей потребовало частичного обновления материальной базы учебного заведения. Значительно увеличены объёмы вложения средств из внебюджетного фонда на капитальные и текущие расходы. Постоянно



З. Ш. Суншев

пополняется библиотечный фонд, информационно-методические кабинеты, в которых сосредоточена методическая литература, периодические издания, видеотека.

Пристальное внимание в колледже обращается на компьютеризацию учебного и управленческого процесса. Создан компьютерный класс. Лаборантские кабинеты, учебная часть и рабочие места сотрудников оснащены компьютерной техникой. Имеется электронная почта, выход в Интернет.

Главным показателем качества образовательного процесса является уровень подготовленности выпускников к выполнению социальных и профессиональных ролей. Это предполагает, что студент за период обучения в колледже должен овладеть необходимыми качествами (компетенциями), позволяющими ему быть конкурентоспособным и востребованным специалистом в современном обществе. Поэтому приоритетными направлениями работы колледжа в последнее время стали: создание необходимых условий для профессионального самоопределения учащихся, внедрение компетентностно-ориентированного подхода, обеспечение различных индивидуальных траекторий получения ими полноценного профессионального образования. Понимая новые требования к профессиональному уровню специалистов, педколлектив разработал «Личностно-ориентированную модель социальной и профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста». Она реализуется в рамках нового курса «Введение в специальность» для студентов первого года обучения. Специализированные занятия по совершенствованию, расширению и углублению знаний по современным строительным материалам, технологии строительства, расчету и конструированию элементов зданий и сооружений, строительным конструкциям, архитектуре зданий проводятся с первых дней обучения.

Весь колледж работает над важнейшей государственной задачей – подготовкой конкурентоспособного специалиста, востребованного на современном рынке труда. Материально-техническая база колледжа позволяет выполнять весь объем лабораторных и практических работ в соответствии с тематикой и объемом учебных программ соответствующих дисциплин и реализовывать квалификационные требования к уровню практической подготовки студентов. Не менее важная задача – обновление и повышение качества среднего профессионального образования, укрепление его связи с реальным производством. Во многих регионах активно и успешно занимаются развитием так называемого дуального образования, когда практика на конкретных предприятиях сочетается с теоретической подготовкой. Тесное соединение обучения с практикой по всем профессиям происходит не только в хорошо оборудованных мастерских колледжа, но и на различных автотранспортных предприятиях, реальных объектах действующих строительных предприятий г. Нальчика и республики. Колледж не первый год практикует подготовку специалистов непосредственно на предприятиях, заключая с ними договора на краткосрочные курсы. После такого курса обучения (1–5 месяцев) и при успешной сдаче квалификационного экзамена слушателям выдается до-



кумент государственного образца о присвоении квалификации по соответствующей профессии. Колледж проводит также профессиональную подготовку и переподготовку незанятого населения города и республики совместно с Центром занятости населения. Ежегодно отслеживаются потребности

рынка труда и вносятся необходимые коррективы в работу: введены новые профессии и специальности («Электрооборудование электрических станций и сетей», «Строительство зданий и сооружений, автомобильных дорог, аэродромов»), применяется заочная форма обучения, материальная база значительно улучшена.

Практическая, инновационная направленность, современные технологии, программы, методики обучения и воспитания, проекты, которые реализует колледж, позволяют уверенно идти в ногу со временем. С недавнего времени мастерские работают по заказам, изготавливая столярные и керамические изделия, ведется обработка пиломатериалов, выпускаются металлоизделия в электросварочной мастерской.

Педагогический коллектив ведет целенаправленную работу по поддержанию познавательного интереса и творчества студентов, формированию гражданских, профессиональных ценностей. С целью повышения профессиональной компетентности выпускников колледжа используются разнообразные формы работы по связям с общественностью: команда студентов 3–4 курсов активно участвует в волонтерском движении. (см. фото волонтеры во главе с Машуковой М. А.).

В учреждении действуют разнообразные клубы и секции по интересам (мотоклуб со своими транспортными единицами, секции по волейболу, баскетболу, вольной борьбе, объединения по декоративно-прикладному искусству, художественной самодеятельности и др.). Студенты колледжа успешно выступают на республиканских, российских конкурсах





профессионального мастерства, выставках, военно-спортивных соревнованиях, концертах и т.п.

На протяжении долгих лет существования колледжа воспитанием и обучением молодых рабочих занимается высокопрофессиональный сплоченный педколлектив, в котором тридцати преподавателям присвоено звание «Отличник профтехобразования». Многие отмечены государственными и ведомственными наградами за вклад в дело подготовки кадрового потенциала республики. Изменение статуса учебного заведения потребовало повышения квалификации и омоложения коллектива педагогов. 36 % – молодые специалисты, выпускники колледжа. В колледже работает 63% преподавателей с высшей категорией; 23% – с первой; 8% – со второй.

Вышеперечисленные достижения – заслуга всего коллектива, возглавляемого директором Суншевым З. Ш., который в совершенстве владеет знаниями в системе среднего профессионального образования, его содержании. Умеет правильно оценить уровень развития коллектива, определить основные задачи управленческой деятельности.

Годы жизни колледжа – это и славная история, и ясное настоящее, и твердая уверенность в завтрашнем дне. Зрелому возрасту колледжа присущи успех созидания, поиски творчества, осмысленность дальнейшего развития. Директор Суншев З. Ш. вполне заслуженно может гордиться яркими страницами биографии колледжа, именами тех, кто стоял у истоков его создания, кто обеспечивает его авторитет и востребованность сегодня. Вместе с ним достижениями могут гордиться и коллектив, и настоящие студенты, и выпускники, благодаря которым колледж пользуется заслуженным авторитетом среди учреждений профессионального образования России.

Каждый праздник – это, прежде всего, традиционные поздравления.

В юбилейный год педагогический коллектив, сотрудники и студенты колледжа «Строитель» обращаются к своему директору со словами: «Уважаемый Заудин Шамсадинович! Вы – настоящий Рыцарь профобразования! Благодаря Вашему таланту и активности наш колледж выжил в трудные годы и продолжает успешно развиваться. Ваши надежность, доброжелательность, общительность, демократичность, способность оказать не только профессиональную помощь, но и вдохновить на твор-

ческую работу создают нам территорию жизни. Долгие лета, успеха, здоровья и благополучия Вам и Вашей семье!»

Сотрудники о директоре:

Точиева Р. М., зам. директора по УР: Наш колледж имеет позитивный имидж в социуме, среди родителей он известен как «хорошее и нужное учреждение». Педагоги и родители стремятся поддерживать этот имидж, педагоги представляют деятельность образовательного учреждения в профессиональном сообществе (форумы, конкурсы педагогического мастерства, статьи в профессиональной прессе, конференции), об учреждении хорошо отзываются в СМИ. Кроме того, с 2006 г. колледж выпускает свою газету «Строитель», где подробно и регулярно освещается вся деятельность учреждения. На официальном сайте представлена в полном объёме информация об учреждении и его деятельности, родители регулярно обращаются к информации на сайте. Они всегда могут обратиться напрямую к администрации, познакомиться с образовательными программами и иными документами. Также родители участвуют в работе общественных и попечительских советов, комиссиях учреждения, есть традиции согласования и обсуждения с родителями тактики и стратегических планов колледжа в вопросах образования детей. Мнения родителей учитываются при решении любых важных вопросов. Приёмная директора никогда не закрывается, он лично встречается и общается с родителями.

Человек волевой, добросовестный, имеющий хозяйский склад ума, Заудин Шамсадинович требователен к себе и коллегам. Он не только подлинный руководитель, но и импозантный, обаятельный, элегантный мужчина, счастливый глава семейства. Супруга, Марина Михайловна, по совместительству и коллега, работает бок о бок с ним долгие годы. Дочерям он смог тоже дать достойное образование: Элина – историк, Ляна – юрист правового отдела МВД КБР. Искренне желаем семье Суншевых здоровья, оптимизма, неиссякаемой энергии, новых творческих идей и долгих лет работы.

Калякова Е. Б. зам. директора по ВР: Год юбилея – время, когда старшие задумываются о сделанном, а молодые размышляют о будущем. На примере нашего города хорошо видна важность профессионального образования на начальном этапе становления личности: тысячи выпускников нашего колледжа работают в строительной сфере. Мы уверены в светлом будущем колледжа, пока им руководит Заудин Шамсадинович. Мы знаем: наши выпускники, педагоги и вся система профтехобразования в целом будут широко востребованы в перспективе и по мере развития республики и всей России. Сердечно поздравляю всех с 75-летним юбилеем системы НПО. Желаю жизнестойкости и благополучия!

Машукова З. А.: Наш директор много внимания уделяет совершенствованию образовательных программ, учебных планов, оснащению учебных кабинетов, информатизации учебного процесса, повышению профессионального уровня педагогических кадров, созданию комфортных условий для подготовки специалистов, благоприятного морально-

психологического климата в коллективе. Мы уверены, что его чуткое руководство и хозяйский подход к работе будут содействовать дальнейшему процветанию нашего учебного заведения.

Таранова В. А., зам. директора по ПР: Потребность нашего государства в грамотных рабочих строительных профессий с каждым годом увеличивается. Наше учебное заведение не меняло своих традиций по подготовке высококвалифицированных специалистов. На сегодняшний день мы можем предоставлять образовательные услуги по тридцати востребованным профессиям.

По отзывам гостей, наше заведение отличается еще и своей особой профессиональной культурой. Территория колледжа чистая и благоустроенная, в вечернее время освещается. Посторонним лицам и транспорту доступ сюда ограничен, ремонтные площадки, гаражи и спортивные сооружения на территории колледжа в безопасном состоянии. Соблюдение идеальной чистоты и порядка – это кропотливый труд коллектива, который не понаслышке знает о щепетильности директора по отношению именно к этому вопросу. Заудин Шамсадинович редко засиживается в кабинете, обходит территорию по нескольку раз в день. И если где что не так, засучив рукава, сам берется за работу. Чистая территория – залог безопасности образовательной среды.

Шорова Р. Х., зав. отд.: Современный мир задал нам множество вопросов? И нам приходится искать на них ответы каждый день. Наш колледж «Строитель» – это уже результат этого поиска. Территория колледжа – это территория для всех желающих строить благополучную жизнь, найти необходимые ресурсы для самопознания, развития и реализации качеств, направленных на устройство собственной жизни, жизни общества и страны. Мы можем быть энергичны и счастливы только в том случае, если поймем то, что делает нас по-настоящему живыми, помогает грамотно выстроить отношения с окружающим миром, т.е. стать Мастерами жизни. Стать мастером строительных работ – просто, а вот стать Мастером жизни, создать свою территорию жизни – задача непростая. Наш педагогический коллектив вместе со своим вдохновителем, Заудином Шамсадиновичем, уверен, что справится! Целеустремленность директора, его ответственность и любовь к своему делу являются для нас примером. Он – настоящий Мастер жизни!

Главные пожелания педколлектива обращены к нынешним студентам – получить здесь максимум знаний и продолжить свою профессиональную деятельность на благо родной республики.



В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОМ ИНСТИТУТЕ БИЗНЕСА ПОДВЕЛИ ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

Завершился открытый республиканский литературный конкурс имени Али Шогенцукова. Поэт, 115-летний юбилей которого отмечается в этом году, стал основоположником современного литературного кабардинского языка, заложил основы всех литературных жанров, нового кабардинского стихосложения, явился автором первого романа в стихах «Камбот и Ляца».

Учитывая, что 2015 год объявлен в России Годом литературы, Кабардино-Балкарский институт бизнеса учредил конкурс среди учащихся 9–11 классов.

Предполагалось проведение двух туров конкурса: первый, отборочный, – заочно, второй – очно, в игровой форме.

География конкурса охватила все районы КБР. Всего на рассмотрение жюри на первом туре было принято 170 сочинений, из которых 70 работ прошли конкурсный отбор, и их авторы получили возможность участвовать во втором туре. Имена членов жюри оставались анонимными до окончания первого тура, все работы были обезличены для беспристрастного анализа.

После экспертизы были названы имена авторов лучших работ, которые будут опубликованы в республиканских литературных журналах, стали известны имена и членов жюри первого тура:

Председатель жюри конкурса, первый проректор КБИБ Хараева

Фатима Феликсовна; директор колледжа Абдуллаева Хеда Решедовна; профессор КБГУ Бакова Зера Хачимовна; главный редактор журнала «Минги-Тау» Додуев Аскер Тауканович; директор PR-Департамента института бизнеса Кумыш Оксана Мусаевна; ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы КБИГИ, профессор КБИБ Хакуашева Мадина Андреевна.





Участники и победители конкурса

Второй тур состоялся 28 октября 2015 года и проходил в устной игровой форме. В процессе проведения конкурса участникам нужно было ответить на вопросы по номинации: «Жизнь и творчество Али Шогенцукова».

Ответы снова оценивало компетентное жюри, в которое вошли новые члены: проректор института бизнеса Язева Антонина Борисовна; заведующая кафедрой менеджмента Хапаева Бэла Рашидовна; поэт, журналист Куготова Зарема Хабасовна; председатель правления фонда им. Али Шогенцукова Шогенцуков Леонид Хасанбиевич.

Конкурсанты, заработавшие наибольшее число баллов (5-ти бальная система), стали победителями и поделили между собой три призовых места. Фондом им. А. Шогенцукова был учреждён Гран-при, который завоевала ученица 10 класса МКОУ СОШ с.п. Этоко Унашхотлова Радима. Победительницу конкурса подготовила учитель кабардинского языка и литературы Карданова Зухра Юрьевна.

Первое место заняла ученица 10 класса МОУ СОШ с. Лашкута Настаева Альбина, которую подготовила учитель балкарского языка и литературы Ахматова Марина Залкуфовна.

Второе место занял ученик 10 класса МКОУ СОШ с.п. Хабаз Малкаров Мухаммат, которого готовила учитель немецкого языка и литературы Бадова Жанета Хабасовна.

Грамотой третьей степени награждена ученица 11 класса МОУ «Лицей № 1» г.п. Терек Шериева Фатима, её руководитель – учитель кабардинского языка и литературы Фиапшева Марина Арсеновна.

Победителям и их преподавателям вручены грамоты и памятные призы, которые были подготовлены выпускницей института бизнеса, а ныне директором магазина Л'Этуаль, ООО «Алькор и Ко» Гочияевой Бэлой Анзоровной.

Все конкурсанты и их педагоги получили дипломы и сертификаты, дающие право получить скидку на обучение в вузе.

Ректор института Феликс Ахмедович Хараев, обращаясь к участникам мероприятия, отметил, что в наше время особенно радостно видеть хорошо подготовленных конкурсантов. Он выразил благодарность их педагогам, сумевшим раскрыть потенциал своих учеников, привить любовь к знаниям, помочь подружиться с наукой. «Вы – уникальные люди, достойные самых лучших слов, – сказал он, обращаясь к ним. – Я очень надеюсь, что, активно и бескорыстно сотрудничая и в дальнейшем, мы станем добрыми партнёрами».

От редакции

Редакция журнала «ЛКБ» поддержала конкурсную комиссию в выборе лучших работ конкурсантов для публикации их на страницах нашего издания.

СОЧИНЕНИЕ «НАШ АЛИ ШОГЕНЦУКОВ»

Автор: ученица МКОУ «СОШ № 1 им. М. А. Камбиева»

с.п. Каменноостское Ворокова Дана

Руководитель: учитель русского языка и литературы

Кашежева З. Г.

*«...Малочислен народ, родивший Али Шогенцукова,
но велик поэт, потому что он сделал для своего народа
то же самое, что Пушкин – для русского, Руставели –
для грузинского, Петефи – для венгерского...»*

Зубер Тхагазитов

Я стою перед кабардинским драмтеатром в Нальчике у памятника поэту Али Асхадовичу Шогенцукову работы Михаила Тхакумашева и смотрю... Сидящий Али задумчив, хрупок, аристократичен, интеллигентен.

Пока я смотрела на памятник, мне невольно вспомнились стихи «Памяти Али Шогенцукова» Марины Лобач:

*Он был рожден стихи слагать,
Петь до седин,
А приходилось умирать
В сорок один.
Когда сомкнулась вражья рать,
Подвел затвор...
Так не хотелось умирать
Вдали от гор.
Замки тяжелые глухи,
Тяжел запор,
А в сердце плещутся стихи
У сына гор.
Как мало он на свете жил...
Но жил, искрясь,
И песни, что Али сложил,
В душе у нас!*

Мне известно, что поэт, возвращаясь домой с работы, любил задерживаться у надмогильных плит первому кабардинскому просветителю Джабаги Казаноко и его жене. О чем думал тогда Али?.. О прошлом или о будущем?.. О семенах мудрости, посеянных Джабаги?.. Одно время здесь, на памятной доске, можно было прочитавать изречение Казаноко (в переводе Аскерби Шортанова): «Человек и в малом, и в большом должен творить для грядущего». Получилось, что Али именно так и жил, творя добро и завораживающую магию стихосложения.

Поэзия Шогенцукова выросла из народного творчества. Необычайно богата красками палитра изобразительных средств писателя. Язык произведений Шогенцукова – это народный кабардинский язык, обработанный, обогащенный и отточенный выдающимся талантом писателя. В нем ор-

ганически слились замечательные особенности, которые накапливал на протяжении всей своей истории народ в своем родном языке.

Главное содержание шогенцуковской поэзии – стремление воспроизвести характер народа в его историческом развитии, с умением дать неписаную историю народной жизни в характерах живых и ярких, шлифуемых во всей их психологической достоверности ходом борьбы за лучшую долю.

Шогенцуков не был сторонним наблюдателем происходящих событий, и писал он не от случая к случаю: он жил стихами, отдавая им все лучшее в своем сердце. Тонкие чувствительные пальцы поэта он всегда держал на пульсе народной жизни, вне ее же он ни на мгновение не мыслил собственного существования. Оттого-то мы в каждой строке его шедевров ощущаем предельно обнаженное поэтическое сердце и ту неподдельную искренность, которой, как тавром, отмечены лучшие создания поэзии всех народов.

Никто не выявил исторического и духовного содержания народной жизни в момент ее наибольшего подъема, как это сделал Шогенцуков. Не потому ли, в конечном счете, Али остался самым почетным, хотя и незримым гостем в каждой семье, где читают по-кабардински, не потому ли авторитетные теоретики и специалисты нашей страны оценивают его творчество как закономерную ступень в развитии национальных младописьменных литератур, а последующие поколения наших писателей единодушно называют его первым среди своих наставников на ниве творчества.

Шогенцуков создал целую галерею образов. Особенно меня интересуют женские образы, ставшие символом красоты и величия горской женщины. Одетые в чистые романтические формы, они и сегодня не утратили своего обаяния и жизненной правды. Их судьба – эмоциональная доминанта творчества поэта. Пленительными красками сияющей юности выписан образ простой крестьянской девушки Мадины из лиро-эпической поэмы «Мадина» (1928).

Красотой и обаянием исполнен образ Ляцы из романа «Камбот и Ляца». Через образы своих героинь Шогенцуков не только обобщил, но и выразил свою мысль о том, что судьба горской женщины в эпоху классового неравенства, социальной несправедливости и засилья шариатских законов во всем зависела от диктата и произвола мужчины. Выписанные с исключительной задушевностью, героини привлекают цельностью характеров, высокой чистотой морального облика.

Говорят, что учиться чувствовать мы можем лишь у немногих поэтов, а потрясать народное сердце способны и вовсе единицы. К этим счастливым избранныкам народного сердца принадлежит и наш Али – поэт и человек, созданный не только лучезарной эпохой всеобщего возрождения народов, но и сам прославивший ее светоносным словом и оставшийся нашим живым спутником, чье негасимое пламя души светит людям «во дни торжеств и бед народных».

...Его могилы нет ни в пойме реки Нальчик, ни на родовом кладбище в Баксане. Как сын человеческий он повсюду, а как мученик уже давно

обрел святость. В день предполагаемой его кончины, 29 ноября, мы и вспомним о нем, и помолимся. Как делаем это для родных и близких, перешедших в иные миры, но живущих с нами и в нас...

СОЧИНЕНИЕ «МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ»

Автор: ученица 10 класса МКОУ «СОШ № 4 г. Баксана»
Бозиева Лейля. Руководитель: Бирмамитова Ф. Г.

*«Радуюсь, поэтесса всегда помнила о существовании на
земле горя, горюя, никогда не забывала о радости жизни,
о ее светлых сторонах».*

Зубер Тхагазитов

Мой любимый поэт – Инна Кашежева. Она дочь военного летчика кабардинца Инала Кашежева из селения Каменноостетское и Ксении Федоровны Васильевой, русской женщины, родом из Калуги. Родилась Инна Иналовна в военном 1944 году. Все практически документально точно:

*Отец мой – суровый горец.
Глаза ледяной росы.
А мама из нежных горлиц,
Вращенных на Руси.*

Поэтесса считала, что ее происхождение – символ единства России и Кабарды, а ее родители продолжили те традиции, которые были заложены еще в XVI веке между Россией и Кабардой. В единении двух народов Кашежева видела основу любви и дружбы народов:

*Шли друг к другу навстречу со мною
Два народа сквозь бури веков.
Шли мучительно долго, упрямо –
Не сломили ни войны, ни Бог.*

Инна ворвалась в русскую поэзию юной и буквально, как говорится, на розовом коне. Литературный институт, где она училась долго, с перерывами, был чистой формальностью. Мартовский номер «Юности» за 1961 год, как метрика, засвидетельствовал рождение поэта, когда поэт еще сидел за партой. Инне только что исполнилось шестнадцать, но стихи сильные, взрослые:

*Там садик и там скамеечка,
За низким забором – трава.
Ты говорила, девочка,
Там ласковые слова.
Гадала: «Выйдет, не выйдет...».
Там липы шумят вокруг.
Ты плачешь, тебя обидел
Твой самый хороший друг.*

*Там ночь не кончалась долго,
По щиколотку роса...
И Яуза кажется Волгой,
Только сощурь глаза.*

И сразу завертело, закружило: вечера в Политехническом, потом в Лужниках, рядом живые классики, но и она – не фон, а главное действующее лицо. Потом их всех назовут голосом поколения, шестидесятниками.

*Мы пробивались сквозь табу,
искали черный ход,
чтоб превратить ее, толпу,
опять в родной народ.
Мы поднимались в небеса,
парили в облаках...
Остались наши голоса
навек в Лужниках.*

Поэтическое новаторство Инны Кашежевой выросло из родной почвы и опиралось на классические традиции русской и национальной поэзии. Она глубоко осознавала, что о ее творчестве будут неизбежно судить с учетом эстетического опыта прошлого и настоящего. Это могло быть суждением, сравнением, при котором оба фактора должны были соизмеряться друг с другом. Приверженность традициям совсем не означала для нее полную преемственность и заимствование. Она полагала, что вновь созданное произведение не бывает по-настоящему новым, а потому и подлинным произведением искусства, если в нем нет новизны и самостоятельности.

И. Кашежева считала, что величие и жизненную силу поэзии можно оценить не только через историю, но и через способность к обновлению.

Творчество И. Кашежевой свидетельствует о глубоком освоении культурного наследия своего народа, осознании себя как личности в контексте исторического времени (когда она жила и творила), ориентации на историко-культурные корни и возможности своего творчества в оказании влияния на культурно-исторический процесс не только своей малой родины, но и России.

Инна Кашежева покоряет своей искренней любовью к Кавказу. Ее стихотворения пронизаны запахами, вкусами и видами родного края. Обезоруживающая искренность и та доброта, с которой она пишет про Кавказ, не могут не влюбить в себя читателя.

*Хочу лакума, пахнущего детством,
его когда-то бабушка пекла...
А мне, знакомой с кухней европейской,
в ее меню, прелестном, только пресном,
такого вот не встретилось пока.
Хочу лакума, пахнущего дымом,
из кукурузной тающей муки...*

*Хочу хотя бы лакомством любимым
вернуть года в краю неповторимом,
где излечимы раны все мои.
Где слаще нет для бедствия лекарства,
где сразу в счастье от печальных дум...
Хочу лакума в желтых каплях масла,
но бабушкина печь давно погасла,
а я не знаю, как пекут лакум...*

Кавказ для поэтессы пахнет детством, на вкус он, как лакум из тающей кукурузной муки и ярко-желтого цвета, как капли масла на любимом лакомстве. Кроме ассоциативного восприятия произведений И. Кашежевой можно наблюдать и цветовой. Вот стихотворение Артура Рембо «Гласные», которое мне недавно попало в руки:

*А – черно,
Е(Э) – бело,
У – зелено,
О – сине,
И – красно.
Я хочу открыть рождение гласных.*

Каково же было мое удивление, когда я увидела, как гармонично сложены строчки одного из самых обожаемых мной стихотворений. Как точно переданы эмоции в самих цветах.

Строки	Гласные звуки
Хочу лакума, пахнущего детством,	А, у, а, у, а, а, у, и, а, е, а – 11; 6 – чёрных.
Его когда-то бабушка пекла...	И, о, а, а, а, а, у, а, и, а – 10; 6 – чёрных.
А мне, знакомой с кухней европейской,	А, е, а, о, а, у, и, и, а, е, а – 11; 5 – чёрных.
В ее меню, прелестном, только пресном,	И, йо, и, йу, и, е, а, о, а, е, а – 11; 3 – красных; 3 – черных.
Такого вот не встретилось пока.	А, о, а, о, и, е, и, а, а, а – 10; 5 – черных.

Как мы видим, в первых пяти строчках преобладает звук «а», символизирующий черный цвет – цвет тоски. Для Инны Иналовны детство – самое лучшее время жизни, по которому она очень скучает. Лакумы олицетворяют ту беззаботную пору, в которой она была так счастлива. Всего

в самом стихотворении 159 гласных звуков, из них 69 обозначает черный цвет, причем в первых пяти строчках сосредоточено больше всего гласных «а». Мне кажется, основной лейтмотив стихотворения ностальгический, не столько по забытому вкусу лакума, сколько по забытому детству, по ушедшей бабушке, по истокам, которые мы называем Родиной.

Лиричность, певучесть, солнечность стихов Кашежевой всегда пленили и вдохновляли кабардинских, российских и зарубежных композиторов. На слова ее стихов создано и записано более трехсот песен. Такие композиторы, как А. Колкер, А. Островский, Е. Рябов, С. Пожлаков, писали песни на ее стихи: «Опять плывут куда-то корабли», «Подари мне лунный камень», «Вспоминай меня всегда», «Наша молодость» и другие, которые часто звучали по центральному телевидению и радио.

Инна Кашежева сумела увидеть и изобразить национальное и общечеловеческое в органическом единстве и естественно вошла в систему диалога культур. Глубокое философско-эстетическое осмысление тем малой родины шло параллельно с поэтическим воспеванием огромной России:

*Нас беды били и косили
За каждый безобидный грех.
«Не угасай, свеча России!» –
Молитва и надежда всех.*

Знаменитый философ П. Флоренский писал: «Мы перестали охватывать целые культуры, как, собственно, жизнь».

Я полагаю, что кабардинская поэтесса И. Кашежева смогла своим творчеством сделать то, что удастся немногим национальным поэтам, – охватить культуру России, Кавказа, Кабарды как свою личную жизнь. Это нашло отражение в ее многочисленных сборниках стихов, которые даже своими названиями свидетельствуют об этом.

СОЧИНЕНИЕ «ЗДРАВСТВУЙ, ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК!»

(по творчеству З. Налоева)

Автор: ученик 10 класса МКОУ

«Средняя общеобразовательная школа имени Б. К. Утижева»

с.п. Зарагиж Калмыков Алибек

Руководитель: учитель высшей категории Хаваяшхова Л. М.

*Здравствуй, гордый человек,
Чья душа лелеет веру,
Что пришедший новый век
В нашу жизнь добавит меру.*

Хасан Тхазеплов

Кабардино-Балкария! Бесконечный простор равнин, залитый мягким, ласковым светом солнца. Бурлящие непокорные речки, дружной

вереницей спускающиеся с родных гор, белоснежная шапка Эльбруса, гостеприимные люди с богатой древней культурой, которые всегда радостно примут тебя в своем доме. Вот – мой край, моя родина.

Интересно, когда мы начинаем впервые постигать эту неземную красоту, понимать, что она особенная, непохожая на другие?

Мне было, наверное, лет шесть, когда, играя в машинки, играя наперегонки с детворой, впервые начал задумываться о том, почему небо голубое, трава зеленая, а снег белый. Конечно, на многие мои вопросы отвечали родители, но и мне хотелось самому докопаться до некоторых истин, подвластных моей юной голове. Вот тут-то я и стал обращаться к ярким страницам книжек – добрым, терпеливым, мудрым друзьям, готовым ответить на самые нелепые детские вопросы. Поначалу я рассматривал пестрые картинки, но, научившись читать, начал соединять буквы в слова, а слова – в интересные стишки, сказки, рассказы. По вечерам, когда все в доме успокаивалось, моя мама доставала яркие номера журнала «Нур», и какое это было счастье! Какой-то добрый человек писал обо всем, что меня так интересовало. У него я узнавал о нашей дворовой собаке, об орешнике, с которого сыпались вкусные орехи, о бабочке, порхающей над цветущими нарциссами, о холодном ручейке, из которого дедушка поил меня жарким знойным летом.

Заур Налоев... Вот так он вошел в мой мир. Жил в нем. Самыми первыми были стихи: «Душа наны, язык дады», «Дарина» (и откуда он узнал, что у меня есть такая сумасбродная сестренка), «Нанау», «Злой телефон», «Идар и бабушка» и другие. Когда я читал его стихи, я видел краски его жизни, представлял, как зори глядят его доброе лицо. Листья его деревьев шептали мне о потаенном, чувствовал, как его цветы улыбаются. Наши мысли начинали совместное движение по нашей земле. Уже тогда я начал понимать, что только человек, любящий свою землю, выросший в красоте гор и водопадов, может замечать все ее тонкости и таким языком передать свои чувства.

Прошли годы. И я начал смотреть на мир по-другому. Я начал искать ответы, которые нельзя выразить словами, на вопросы: «Кто есть я?», «зачем я живу?», «как устроен мир?». Задавая их, погружаясь в них, я начал понимать себя, других людей и весь мир на более глубоком уровне. Теперь совсем другие книги моего давнего друга приходили мне на помощь, помогали увидеть, понять что-то новое. Эти книги помогали жить полнее и осознаннее: иногда – заметить в жизни прежде неразличимые нюансы и оттенки, иногда – увидеть в событиях более глубокий смысл, а порой – ответить на вопрос: «Что со мной происходит?». Я чаще стал искать в книгах Заура Налоева то, чего нам не хватает в жизни. Смотреть в нее, как в зеркало и находить в ней отражение того, что происходит в моей душе.

Заур Налоев известен как автор детских стихов, песен, игр, новелл. Но именно его поэзия трогает и заставляет биться мое сердце. Как и другие писатели, Налоев воспевает свой родной край, гуманизм, любовь.

На языке поэзии он говорит о своих затаенных чувствах и переживаниях, возвышая значение правды и красоты. Его поэзия имеет свои отличительные черты – она обращена на почве адыгских сказаний, которые он собирает и изучает на протяжении многих лет. Поэзия Налоева кажется мне самобытной и оригинальной. В ней воплощены национальные особенности, черты и качества, быт и нравы, национальный этикет – «адыгэ хабзэ». Она стала для меня сводом нравственных правил и обычаев моего народа. К сожалению, мне трудно перевести на русский его стихи, но хотелось бы отметить некоторые. Они выражают нравственно-этические взгляды автора. И если они прививали у меня в детстве любовь к языку, развивали мою речь, то сейчас учат бережному отношению к семейным традициям и обычаям своего народа. А это и есть, наверное, первые законы, с которыми человек встречается в своей жизни. Читая его строки, я чувствую, как во мне растет чувство любви к отчужденному дому, семье, родине, близким народам.

Есть ли среди стихов Налоева особенное, самое любимое, которое больше других повлияло на меня? Совсем недавно я познакомился с циклом стихов Заура Налоева «Там, где расходятся две дороги». Цикл состоит из пяти стихотворений, в которых автор выражает свои философские размышления. «Необъезженный жеребенок» – стихотворение, в котором в символическом образе жеребенка, которого надо холить и лелеять, автор воплощает родной язык. Родной язык он называет «необъезженным» не потому, что на него нужно накинуть поводья и уздечку. У кабардинского языка, как и у любого другого, есть сила, подобная силе молодого жеребенка: язык может рассказать о совсем неожиданных явлениях, с его помощью многое можно совершить. Но не каждому человеку легко дается понять всю глубину и тонкость родного языка. Если это тебе удастся, то удастся то, что под силу молодому, сильному жеребцу, и тогда твое слово будет острым и пронзительным, как стрела, пущенная нартским всадником.

Дорога – начало начал, где обнажается истина. Так как перед человеком две дороги, то он обязательно должен выбрать одну из них. Здесь можно выбирать между правдой и ложью, между светом и тьмой, плохим и хорошим. Каждый, кто рождается на свет, рано или поздно становится перед таким выбором. «Но случается и по-другому, – рассуждает поэт, – хочется многого. И не знаешь, что выбрать из всего этого. В таком случае – большое счастье, если сумеешь быть верным избранному пути, если не отступишь от него, не забросишь избранного дела. Если же не сумеешь с этим справиться, то ты подобен предателю: и хорошее дело загубил, и жизнь твоя обесценилась». Эти слова поэта глубоко тронули меня, так как сегодня и я, ученик десятого класса, стою перед главным выбором в жизни: кем стать? Вопросы о себе самом и о смысле существования мира мы, люди, задаем себе в течение всей жизни. Но в юности они стоят особенно остро, да и времени на чтение и размышление у нас гораздо больше. У меня две заветные мечты –

стать врачом и юристом, но понимаю, что только в лучшем случае одна из них осуществима. Вновь и вновь я обращаюсь к строкам, ставшим своеобразным гимном в моей жизни, – вдруг стану врачом, и выяснится, что это не мое. И тогда буду страдать не только я, но и люди, с которыми придется иметь дело. А, может, юрист для меня – мальчика из традиционной, как сейчас говорят, семьи, где принято идти по стопам отцов и дедов, привыкших работать на земле, – станет воплощением защитника всех устоев и норм поведения в обществе? Ведь в истории каждого народа есть яркие страницы, которым суждена вечная жизнь. У моего народа – это, несомненно, народные традиции и обычаи. Они сильно влияют на чувства и эмоции, мысли и поступки людей. Нормы поведения превращаются в убеждения личности.

Сейчас, к сожалению, меняется образ жизни, стиль мышления, материальные ценности стали преобладать над духовными. Понимая, чем чревата эта опасность, люди, и в числе первых – поэты и писатели, заговорили о возрождении всего лучшего, что было у моего народа в прошлом. В их числе Заур Налоев – самый народный поэт моей республики, самый большой патриот...

Меня дома теперь ждут новые книжки моего большого друга – мне боязно сейчас к ним прикасаться, пойму ли я их содержимое? Смогу ли понять все проблемы, изучением которых занимается Заур Налоев? Это монографии «Этюды по истории культуры адыгов» и «Корни и ветви». Я верю: что бы там ни было написано, мне просто стоит поверить ему и снова сказать: «Здравствуй, добрый человек!», открывая новую страницу.

*Светлана РАДЖАБОВА,
школа № 28 г. Нальчика*

ОБ ИСТОРИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

История нашей страны – это многовековой путь и уникальное наследие великого государства. Это был тяжелый, но и славный исторический путь. Ни одна страна в мире не перенесла того, что пришлось перенести нашей стране. Есть нашим гражданам, россиянам, чем гордиться. Какое государство может столько рассказать о великом прошлом своей страны! Сколько славных имен можно вспомнить! Это и деятели культуры, науки, спорта, это великие общественные деятели. Конечно, были светлые и мрачные страницы нашей истории. А сколько войн сотрясало Россию! Но почти в каждой из них страна одерживала победу, с достоинством выходила из нее.

Мы часто говорим о великом прошлом нашей страны. Может быть, уже даже и привыкли к этому. А что же сегодня? Ведь, говоря о своей стране, нельзя всё время только вспоминать, как это было и что происходило раньше.

В силу своей профессии у меня есть возможность разговаривать с детьми на разные темы. На уроках литературы мы анализируем произведения классиков, и мои дети знают, что мы обязательно поговорим о том, как произведение, написанное много лет назад, можно рассматривать применительно к сегодняшнему дню. Думаю, нет большой пользы от произведения как такового, оно не просто должно учить нас прекрасному, доброму, вечному. Ведь это классика. И вот то, о чём я часто люблю говорить с детьми, особенно это легко идёт со старшеклассниками, это немодное слово «патриотизм». Честно скажу, еще несколько лет назад я просто не касалась этой темы. Формально говорить о том, что надо любить свою страну, у меня не получалось, а желания говорить об этом не было, так как сама ничего подобного не испытывала. Сейчас же, особенно в последнее время, не могу не говорить об этом. Очень хочу, чтобы чувство гордости за свою страну передалось и моим ученикам, хочется, чтобы это были достойные граждане своей страны, искренне любящие её, знающие историю своей страны, никогда не говорящие о ней плохо, вносящие свой посильный вклад в ее развитие и процветание. Считаю, и об этом говорю детям, что сейчас, как никогда, наша страна выходит на ведущую мировую позицию. И это не голословно. Что за этим стоит? Ни одна мировая проблема не может разрешиться без России. Огромный вклад в это, на мой взгляд, президента нашей страны. Сейчас страной руководит действительно мудрый, сильный, опытный, владеющий ситуацией глава огромной державы. Именно благодаря его продуманной внешней политике Россия укрепила свои позиции на ми-

ровой арене. И мы видим, что это не всем нравится. Со всех возможных сторон при удобном и неудобном случае имеют место попытки унижить нашу страну, обвинить ее во всех бедах. Интересно то, что я вижу искренний интерес, согласие моих детей.

А наша военная мощь? Считаю, и об этом при случае говорю учителям, в этом нам нет равных. Много узнала об этом благодаря своему супругу, который постоянно говорит о том (теперь я и сама в этом не сомневаюсь), что лучше нашей военной техники в мире нет. Помню, с каким чувством призывала детей обязательно посмотреть парад Победы, рассказала им о нашем сильном вооружении, о том, что это действительно демонстрация военной мощи нашей страны.

О многом на уроках литературы мы говорим с детьми. Конечно, говорим и о любви, особенно это тема нравится девочкам, и о чести, и о порядочности. Всё стараюсь применять к сегодняшнему дню, к тому времени, в котором живут сами дети. И, как я уже сказала, не на последнем месте стоит у нас на уроках тема любви к своей стране, гордости за нее. Дети знают, что семья не может быть крепкой, если в ней нет единства. Наша страна – это большая семья, а мы её члены. Еще мои дети знают, что если не они сами, то никто никогда не позаботится об этой семье. Мы, только мы, ее члены, можем позаботиться о ней, ведь каждый нормальный человек хочет иметь спокойную, уважаемую, здоровую семью. Семью, которая имеет авторитет.

Где, как не в школе, можно воспитать в детях эти прекрасные чувства! И кто, если не мы, учителя российских школ, донесёт это до наших детей.

Это – дело, которое обязательно даст нашей стране что-то хорошее. В любом случае, в своих детях я не сомневаюсь.

*Султан ПШИБИЕВ,
артиллерист-зенитчик,
капитан запаса войск ПВО*

БОГ ВОЙНЫ

Артиллерия на Руси появилась в конце XIV века, и это событие отражено в летописи словами: «Привезли россияне армату огненную и с тех пор из нее стреляти уразумели».

На протяжении всей истории нашего государства отечественная артиллерия с честью оправдывала свое предназначение и вносила весомый вклад в разгром иноземных захватчиков. Особую роль артиллерия сыграла на полях сражений в годы Великой Отечественной войны и являлась по общепризнанию «богом войны».

По мере нарастания международной напряженности и угрозы войны правительство и наш народ прилагали огромные усилия по всесторонней подготовке страны к обороне. Следует подчеркнуть, что оборонная промышленность того времени являлась одной из передовых отраслей народного хозяйства и работала с большим напряжением по производству вооружения для армии и флота, уделяя большое внимание оснащению войск артиллерией.

О значении и роли этого рода войск на одном из совещаний Комитета обороны страны было сказано следующее: «Артиллерия, несмотря на появление новых, исключительно важных видов боевой техники (авиации и танков), остается мощным и решающим фактором в войне. На нее должно быть обращено особое внимание».

Артиллерия рассматривалась как основное средство противодействия массированному применению бронетанковой техники немецко-фашистскими войсками. Работа в конструкторских бюро, на промышленных предприятиях и в войсках велась по многим направлениям.

Разрабатывались новые артиллерийские и минометные системы, формировались артиллерийские противотанковые полки и бригады, готовились к развертыванию дивизии и корпуса тяжелой артиллерии (орудия калибра 175–240 мм) резерва Верховного главнокомандования, принимались меры к совершенствованию системы противовоздушной обороны войск и стратегических объектов страны. Осенью 1940 года успешно прошли полигонные испытания пусковой установки реактивной артиллерии БМ-13, которую впоследствии окрестили красивым именем «Катюша». Но до начала Великой Отечественной войны многие планы по перевооружению армии и флота оказались невыполненными.

Исправлять допущенные ошибки, просчеты и наверстывать упущенное пришлось в тяжелейших условиях начального периода войны.

Достижение главной цели «блицкрига» – разгрома Красной Армии и порабощения народов нашей страны – гитлеровские стратеги связывали с победоносным захватом Москвы.

К концу сентября 1941 года фашистское командование на московском направлении сосредоточило мощную группировку войск, в составе которой насчитывалось более полутора миллиона человек, 14 000 орудий и минометов, 1390 самолетов и свыше 17 000 танков. Но с первых дней московской битвы враг наткнулся на стойкость, мужество и массовый героизм защитников Отечества.

Беспримерная по своим масштабам, ожесточенности и трагизму битва под Москвой завершилась первым и крупнейшим поражением фашистской Германии во Второй мировой войне.

Тесно взаимодействуя с пехотой, танками и авиацией, свой вклад внесли и артиллеристы, наследники ратных подвигов и славных традиций русских пушкарей.

Фронтвики с особым вниманием и уважением относились к воинам-артиллеристам истребительно-противотанковых частей и подразделений, на долю которых легла основная тяжесть борьбы с вражескими танками. О характере единоборства артиллеристов свидетельствует такой пример: только один противотанковый артиллерийский полк под командованием майора Еременко на подступах к столице уничтожил 186 фашистских танков.

В отдельные дни обороны столицы борьба с немецкими танками приобретала столь ожесточенный характер, что в бой вступали зенитные дивизионы, укомплектованные в основном женщинами.

Грозным оружием для фашистских войск была реактивная артиллерия – гвардейские «катюши», наносившие мощные удары по скоплениям техники и живой силы противника.

В боях на подступах к столице враг потерял в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий и большое количество другой техники.

На опыте боев под Москвой войска стали осваивать такую форму боевого применения артиллерии, как артиллерийское наступление, которое включало артиллерийскую подготовку, артиллерийскую поддержку и артиллерийское сопровождение пехоты и танков при бое в глубине противника. Огневой вал артиллерийского и минометного огня двигался впереди наших наступающих войск, прокладывая им путь, подавляя и уничтожая противника.

Убедительным подтверждением боевого мастерства и роли артиллерии в войне стала знаменательная дата – 19 ноября 1942 года, когда залпами более 15 000 орудий и минометов началось историческое контрнаступление под Сталинградом, завершившееся окружением и полным разгромом 330-тысячной группировки немецко-фашистских войск.

В ознаменование боевых заслуг и роли артиллерии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками страна ежегодно отмечает 19 ноября как День ракетных войск и артиллерии.

Важнейшим этапом на пути достижения нашей исторической победы является Курская битва, завершившая коренной перелом в ходе войны.

Потерпев поражение под Сталинградом, немецко-фашистское командование развернуло лихорадочную подготовку к реваншу в районе Курского выступа, сделав главную ставку на танковую группировку, насчитывающую в своем составе более 2 700 танков и самоходных установок.

Утром 5 июля 1943 года немецкие войска начали наступление, но уже 12 июля, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, наши войска перешли в решительное контрнаступление, которое завершилось полным поражением противника, поставившее фашистскую Германию перед лицом военной катастрофы.

От сражения к сражению мужала и крепла наша армия, приобретали боевой опыт командные кадры, качественно иной становилась и артиллерия. На фронт непрерывно поступала новая техника: 160-мм минометы, более совершенные «катюши», зенитные и противотанковые пушки, позволявшие успешно вести борьбу с такими мощными танками и самоходными установками противника, как «тигр», «пантера», «фердинанд».

Переход с конной на механическую тягу и создание самоходных артиллерийских установок существенно расширили маневренность артиллерии.

Создавая плотность до 250–300 орудий и минометов на 1 километр фронта и тесно взаимодействуя с авиацией и танками, артиллерия была главной огневой силой и основным фактором успешного решения боевых задач на полях сражений.

История сохранила немало примеров исключительного мужества и героизма воинов артиллеристов. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский так описывает один из боевых эпизодов на Курской дуге: «На батарее капитана Г. И. Игишева двигалось почти три десятка танков. Артиллеристы приняли неравный бой и уничтожили семнадцать танков. Но и от нашей батареи осталось только одно орудие, а возле него три человека. Но артиллеристы продолжали вести огонь и подбили еще два тяжелых танка».

Легендарным для всей страны был подвиг командира противотанковой артиллерийской батареи, Героя Советского Союза Василия Петрова. В бою с вражескими танками он лишился обеих рук, но после лечения вновь вернулся в действующую армию. За мужество и героизм в боях по удержанию плацдарма на Одере он был награжден второй медалью «Золотая звезда».

За годы войны более 1800 артиллеристов стали Героями Советского Союза и свыше 1 600 000 награждены орденами и медалями. И в их числе представители Кабардино-Балкарии – Герой Советского Союза Сергей Стеблинский, четырежды награжденный боевой медалью «За отвагу» Бачкан Хуранов, а также Суфьян Асанов, Салим Афаунов, Анатолий Антонов, Мухамед Хаконов, Рамазан Кафоев, Сулемен Узденов и многие другие.

Мужество и героизм фронтовиков подкреплялись самоотверженным трудом ученых и конструкторов, инженеров и техников, рабочих и колхозников, наших славных женщин и молодежи.

Всемирно-исторической победой закончилась Великая Отечественная война, отгремели победные залпы, и наш народ, восстанавливая разрушенное хозяйство, ни на минуту не забывал о необходимости обороноспособности страны. Учитывая реальную опасность со стороны США, обладающих ядерной монополией и впервые применивших атомные бомбы против Японии, наше правительство было вынуждено принять решительные меры к обеспечению безопасности государства. Ведущие научные и промышленные центры страны форсировали работы по созданию отечественных атомных бомб и средств их доставки – ракет различного класса и предназначения.

Во второй половине 1949 года в нашей стране создано ядерное оружие, а в 1957 году началось серийное производство управляемых баллистических ракет, способных поражать цели в любой точке земного шара.

Началось строительство ракетных комплексов, освоение сложной боевой техники, формирование ракетных частей, боевое дежурство и боевые пуски ракет на государственном полигоне. Таковы основные этапы рождения нового вида Вооруженных Сил, в становлении которого принимали участие и наши земляки – Леся Афаунов, Виктор Климченко, Султан Мурзаканов, Владимир Сердюков, Владимир Тамазов и другие.

Более 50 лет несут боевую вахту Ракетные войска стратегического назначения, обеспечивая мир и безопасность нашего Отечества.

*Маржан МОКАЕВА,
зав. кафедрой психологии ИПК и ПРО КБГУ г. Нальчик,
кандидат психологических наук, доцент*

НУЖНА ЛИ КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ КАЖДОГО РЕБЕНКА?

Как ребенок не может родиться, если он даже не зачат, точно так же из него не вырастет здоровый, во всех смыслах и отношениях человек с востребованными современностью качествами и свойствами, если его не воспитывать. Так ли уж очевидна эта истина? На первый взгляд ДА. Тогда почему в жизни люди ждут, что изменения в нужном направлении произойдут сами собой? Попытаюсь обосновать, что такого не будет и, опережая систему своих аргументов, скажу, что только ВРЕМЯ и правильные ДЕЙСТВИЯ, а точнее ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ дадут желаемый РЕЗУЛЬТАТ.

Сейчас, когда накоплен огромный эмпирический опыт и отрефлексированы теоретические источники различных авторов, а по отдельным проблемам воспитания проведены конкретные исследования, появилась возможность стать над проблемами воспитания и сформировать некое свое видение. Постараемся в достаточно **лаконичной** (так как мы живем в такое время, когда информационный поток столь велик, что переработать огромные массивы становится невозможным) **форме** поделиться уже сложившимися своими мыслями, суждениями, взглядами, выводами, рекомендациями в направлении обозначенной проблемы.

Какие принципы лежат в основе успешного воспитания? Основной секрет успешности – это, как человек (ребенок, родитель, педагог и др.) проводит свое время. Время же есть у каждого человека?! А его можно конвертировать каждому во все, что хочет. Это богатейший ресурс, который требует правильного использования.

На наш взгляд, самое эффективное вложение времени это, во-первых, направить его на развитие собственного мышления с тем, чтобы в последующем правильно воздействовать на своего ребенка, адекватно его данным, взаимодействовать с ним, одним словом, грамотно воспитывать его.

Необходимо чувствовать «ткани» ребенка. Говоря несколько грубовато, из какого «материала он соткан»? То ли он «шелковый», то ли «шерстяной», то ли «брезентовый», «бязевый» и т. д.?

К примеру, если он «шелковый», то требует бережного, деликатного, тонкого, осторожного, обдуманного отношения. С «брезентовым» ребенком допустима твердость, лаконичность, конкретность, наказуемость за негативные поступки и т.д.

Конечно же, понятно, что вкупе с этим следует учитывать и ряд ситуационных обстоятельств, и многое другое.

Самое же главное и особо существенное влияние на ребенка и его поступки оказывают ценности, культивируемые, в первую очередь, в семье, школе и в среде сверстников. Ценности, понимаемые как желаемые

человеком цели и образцы (модели) поведения, которые способствуют достижению этих целей. Их влияние усиливается эмоциональной окрашенностью, трансцендентностью, то есть касаются самых разных действий и ситуаций, стандартностью, упорядоченностью. Предпочтением тех или иных ценностей отличаются не только отдельные люди друг от друга, но и культуры в целом. Следовательно, формированию и развитию системы ценностей подрастающего поколения, а соответственно ценностных ориентаций, должна отводиться определяющая роль.

Основываясь на последних исследованиях в области ценностей, мы исходим из того, что существует 19 основных ценностей, которые можно свести в 4 группы, нами проведено конкретное эмпирическое исследование в подростково-молодежной среде (учащиеся школ КБР и студенты вузов республики).

Всего в исследовании приняло участие 332 респондента. Для изучения особенностей их ценностного мира использован опросник, разработанный Ш. Шварцем и его коллегами (Schwartz, Shalom H. et al., 2012) и адаптированный для российской выборки (Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова).

Суть теста сводится к тому, что респондент оценивает насколько та или иная характеристика «какого-то» человека похожа на характеристику самого респондента. Опросник включает в себя 57 утверждений, которые опрашиваемый должен оценить по стандартной 6-бальной шкале Лайкерта (от «Совсем не похож на меня» до «Очень похож на меня»). Отдельные утверждения (шкалы) представляют доминирующие ценности, которые объединяются в группы на основе расчета средних значений шкал.

К первой группе – «самопреодоление» относятся такие ценности как «универсализм», «благожелательность» и «скромность».

Вторая группа – «сохранение» – включает ценности «конформизм», «безопасность», «репутация» и «традиция». Конформизм присутствует в сфере правил. Ценность репутации означает защиту и влияние посредством поддержания публичного имиджа и избегания унижения. Отдельной ценностью является поддержание и сохранение культурных, семейных или религиозных традиций.

В третью группу – «самовозвышение» – вошли такие ценности, как «власть», «достижение» и «гедонизм». Особыми ценностями являются достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами). Под гедонизмом следует понимать стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению.

Четвертую группу – «открытость изменениям» составляют «самостоятельность» и «стимуляция». Под самостоятельностью следует понимать как свободу, проявляемую в мыслях, развитии собственных идей и способностей в поступках, а также определять собственные действия. Стимуляция означает стремление к (само) возбуждению, новизне и переменам.

Результаты полученных данных показывают, что каждая группа ценностей является для респондентов значимой, задействуется в формировании жизненных представлений. Средние значения по группам занесены в таблицу 1.

Таблица 1. Средние значения по блокам ценностей

№	Группа ценностей	Высокий уровень (%)	Средний уровень (%)	Низкий уровень (%)
1	Самопреодоление	54	32	14
2	Сохранение	52	28	20
3	Самовозвышение	24	58	18
4	Открытость изменениям	71	22	7

Показатели данных таблицы говорят о том, что на среднем уровне значимости выделяются преимущественно ценности, которые входят в группу «самовозвышение» (58%). То есть больше половины респондентов невысоко ценят такие ценности, как «власть», «достижение» и «гедонизм».

Высокий уровень выраженности у опрашиваемых получили ценности, входящие в группы «открытость изменениям» (71%), «самопреодоление» (54%) и «сохранение» (52%).

Таким образом, большая часть респондентов приоритетными посчитали ценности, основывающиеся на стремлении к общегуманным принципам. Для значительного большинства опрошенных оказалось характерным стремление к чему-то новому, поиску новых мыслей, совершению новых поступков в сочетании с обращением к традициям прошлого.

Полученную характеристику ценностной картины мы связываем с возрастными особенностями современных подростков и молодежи, которая в определенной степени согласуется с ценностями, которые демонстрируют и другие возрастные категории россиян, отражая единство специфических культурных, ментальных особенностей.

Сегодняшние молодые люди в значительной мере отличаются от своих предшественников, и, в первую очередь, эти отличия проявляются в коммуникативной сфере. Каждый из нас везде и всюду наблюдает, как сейчас общаются люди. Они в своих телефонах, планшетах или в других гаджетах – нет непосредственного общения, даже когда все рядом.

Все больше и больше детей, подростков, да и взрослых людей, становятся компьютерозависимыми. К сожалению, они там не учатся и не работают, а играют и общаются друг с другом, создавая ощущения нужности и определенного признания, вследствие чего непосредственная коммуникация минимизируется, и, что самое страшное, такие явления ведут к росту числа аутистов.

Аутизм и другие социальные болезни являются, в значительной мере, порождениями чрезмерного использования современных коммуникационных технологий. В этом смысле нельзя забывать о простой истине, что во всем необходимо соблюсти меру. Понятно, что мера у всех своя. Отрефлексировать свое Я и вывести свою меру – задача решаемая, а ребенку в этом должны помочь взрослое окружение и, в первую очередь, семья. Хотя с сожалением приходится констатировать, что сегод-

ня ни семья, ни школа, одним словом – никто не учит детей создавать семьи, дружить, ухаживать, любить. Им никто не рассказывает о том, кто такой мужчина и каковы его обязанности, функции, и то же самое про женщину, а об их взаимоотношениях – тем более, не учат понимать, договариваться, строить отношения и т.д. А ведь то, какая будет личная жизнь у человека, закладывается с 7 до 14 лет. Все знания у детей и подростков формируются через собственный опыт, часто не совсем удачный, и отсюда много негативных последствий на всю оставшуюся жизнь, или подобные знания они черпают из той же сети, либо с учетом опыта так называемых звезд эстрады. К сожалению, не приходится говорить о том, что эти «звезды» есть лучший образец для подражания. Посредством их привносятся негативные явления нравственно-этического характера. Все перевернуто верх дном. Женщины стремятся оказаться в роли мужчин, и наоборот. Пожилые пребывают в поисках молодых семейных партнеров. А ведь природа есть природа, и, как ни крути, реализация принципа природосообразности так же, как и других принципов (целесообразности, гармонии, детерминации и др.), является необходимостью.

Нет сомнения в том, что вопросы воспитания и упущенных моментов родителей этих детей могут обернуться катастрофой жизни детей. И чтобы дети были счастливы, родители перво-наперво обязаны сами быть идеальным примером, причем не на показуху, а по-настоящему, и учиться воспитывать. При этом возникающие психологические проблемы должны решаться не в иных местах, а в семье и только в семье. Тогда дети будут в нужном возрасте заниматься тем, чем нужно (а именно с помощью мощной сексуальной энергии в их возрасте учиться, развивать себя), а не использовать по прямому назначению свою формирующуюся сексуальность.

Таким образом, получается, что пока каждый родитель не научится правильно воспитывать своего ребенка, их проблемы будут увеличиваться и усложняться, а потому сегодня, как никогда ранее, в связи с усложнившимися условиями реальных развития становится особо востребованной концепция воспитания каждого ребенка. Такие концепции могут и должны быть разработаны для каждого ребенка родителями в сотрудничестве со специалистами по воспитанию, а также самими родителями, которые проявляют повышенный интерес к вопросам воспитания и читают много специальной литературы и т. д.

ЛЕТОПИСЕЦ РАЙОНА



Д. Х. Емкужев

Мы уже писали о том, что первым редактором газеты «Терек» был Джахфар Ханефович Емкужев. Затем издание в разное время редактировали У. Ногмов, А. Т. Балкаров, З. А. Шхагошев, И. С. Тарчоков, Л. Боготова, Х. Керефов, Х. И. Хамуков. К сожалению, не обо всех сохранились сведения, но в газете были статьи о Емкужеве и Хамукове. Вот одна из них – о первом редакторе, которая была опубликована 13 января 2004 года.

Слово о первом редакторе «Терека»

В День российской печати журналисты нашей газеты отдают дань глубокого уважения коллегам, стоявшим у истоков издания «Терека», которому в будущем году исполнится 60 лет. Мы хотим напомнить нашим читателям и рассказать молодому поколению о первом редакторе нашей газеты, которая в те далекие годы называлась «Победа», о фронтовике Джахфаре Ханефовиче Емкужеве. Он не пришел на готовое место. Только что отгремела война, после которой все было в разрухе. Но в упоении победы люди поднимали хозяйство, и район смог организовать выпуск своей газеты, как символ победы жизни над смертью.

Сохранились архивные материалы газетных публикаций, рассказывающих об этом удивительном человеке. Их нам любезно предоставила дочь Д. Х. Емкужева Нина Джахфаровна Казиева. Пожелтевшие листы газет бережно хранят воспоминания людей, близко знавших Джахфара Ханефовича. Воспоминания дороги и тем, что многих из этих людей нет уже в живых, как и самого нашего первого редактора. Но сегодня эти строки вновь живы, потому что нет настоящего без будущего.

Жизнь Джахфара Ханефовича Емкужева типична для своего времени, с которым он всегда шел в ногу, преодолевая внешние обстоятельства жизни. Он родился в 1916 году в селении Урожайное (тогда Абеева) в крестьянской семье и, казалось бы, должен был продолжить традиционное занятие сельским трудом. После школы он в течение восьми лет работал участковым мелиоратором Урожайненской МТС. Но Великая Отечественная война внесла коррективы в судьбы миллионов советских людей, в одночасье из мирного труда перешагнувших в ратный.

В мае 1942 года Емкужев уходит на фронт и почти сразу же попадает в пекло Сталинградской битвы. В составе 1037-й артиллерийского





полка он участвует в боях до мая 1944 года в должности начальника вычислительной команды и в звании старшего сержанта. В июне 1944 года получает тяжелое сквозное ранение и комиссуется. За активное участие в боях Великой Отечественной Джахфар Ханефович награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и другими.

Фронтовику не довелось долго лечить свои раны. Партии нужны были кадры. В июне 1944 года РК ВКП(б) зачисляет его на должность помощника секретаря, а 17 сентября ему поручают организацию районной газеты. Из воспоминаний его жены Розы Шамиловны: «Его вызвали в райком. Вернувшись, он быстро собрался и сказал, что ему поручено организовать выпуск местной газеты, поэтому едет в Грозный. Оттуда он привез какой-то примитивный станок и специалиста, который работал на этом станке. Станок установили в старом помещении в районе нынешнего кафе возле бывшего железнодорожного рынка на улице Вокзальной. Набрали девчат-печатниц. Приехавший мастер обучил их и уехал. Мой муж настоял на том, чтобы газета называлась «Победой».

Самое удивительное то, в какое время создавалась газета. Еще не закончилась война, она продолжалась на подступах к Европе. Вокруг на освобожденных территориях была разруха, траур царил в сердцах многих людей. И вот в таких условиях райком партии решил создать свою газету, которая стала надеждой на победу в самой страшной в истории человечества войне, надеждой на мирное развитие, будущее, в котором средства массовой информации смогут информировать людей о событиях, агитировать их на труд по восстановлению разрушенного хозяйства. Неслучайно, приняв решение об организации в поселке Терек районной газеты, Терский райком ВКП(б) поручил это дело фронтовику-коммунисту Емкужеву Джахфару Ханефовичу. В считанные дни ему удалось выпустить первый номер районки, с которой идет отсчет истории «Терека».

Из воспоминаний сменившего Д. Х. Емкужева редактора Л. Б. Боготовой: «Хорошо помню, как Емкужев развезжал по городам и весям и по крупницам собирал станки, шрифты. Ведь транспорта не было. Однажды он, еще хромой после боевого ранения, поехал в Нальчик за шрифтами. Оттуда доехал поездом до Майского, а из Майского, пешком, на себе принес мешок со шрифтами. Работать было трудно. Все делалось вручную. Газета выходила двухполосная. На одной стороне русский текст, на дру-



гой – тот же текст, переведенный на кабардинский язык. На первых порах газета выходила один раз в неделю тиражом 200 экземпляров. Печатницы и наборщицы работали в три смены. В этих условиях, случалось, что и погибали люди. Умерла молоденькая печатница, надышавшись свинцовой

пылью. Небезопасно было ночью возвращаться домой со смены. По пути домой в с. Дейское была убита печатница.

О большой трудоспособности первого редактора вспоминает и работавшая тогда наборщицей Елена Анзоровна Кошкокова. «Наладив выпуск газеты, Д. Х. Емкужев проработал редактором до 15 октября 1948 года. Но чего стоили эти годы! Дело для него было новое, но взялся за него он решительно и энергично. Как настоящий первопроходец».

Опытные организаторы, каким зарекомендовал себя на посту первого редактора Джахфар Ханефович, требовались и в других областях народного хозяйства. Решением бюро РК ВКП(б) от 15 октября 1948 года Емкужева переводят на должность заведующего отделом сельского и колхозного строительства при Терском райисполкоме. А с 1949-го по 1953 год он секретарь Терского райисполкома, затем – заведующий отделом водного хозяйства Терского района, заведующий Терским райводхозом. Вся дальнейшая его жизнь до ухода на пенсию была связана с работой в оросительной системе района.

За доблестный труд он был награжден многочисленными правительственными наградами, ему присвоено звание «Заслуженный мелиоратор РФ». Но есть у него и боевые награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией».

Вместе с супругой Розой Шамиловной (в девичестве Боготовой) они воспитали четверых достойных детей, каждый из которых добросовестно трудится в разных областях социальной и производственной сфер. Эстафету труда на благо государству продолжают и внуки.

В 1990 году ушел из жизни фронтовик, первый редактор газеты, но в ее истории он останется навсегда первопроходцем. Ему газета обязана своим существованием. Не закончен период ее становления, новое время диктует новые, более совершенные технологии. Многие молодые журналисты уже не имеют представления о линотипах, кассах наборных шрифтов и литер, с которых начиналось издание первых тиражей районки. Все становится историей. Но мы знаем, что труднее всего было начинать это дело, тем более, в то далекое и тяжелое время. Тем глубже дань уважения и признательности к нашим коллегам, стоявшим у истоков газеты «Терек». И особенно мы отдаем дань уважения и светлой памятью чтим первого редактора нашей газеты Джахфара Ханефовича Емкужева.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В предыдущей статье («ЛКБ» № 3, 2015) было приведено утверждение ООН и международного научного сообщества о том, что западная модель развития общества более не подходит ни для богатых, ни для бедных стран и единственная возможность решения глобальных проблем сегодняшнего дня – это устойчивое развитие.

Осмысление глобальных проблем человечества и возникновение научных основ устойчивого развития предвосхитила система научно-философских взглядов выдающихся мыслителей и учёных – представителей философии общего дела – школы русского космизма (Н. Ф. Фёдоров, С. А. Подолинский, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, П. Г. Кузнецов и многие другие), которые развивали идеи развития Жизни как космопланетарного явления.

Однако руководящая роль в выработке концепции устойчивого развития принадлежит ООН, в рамках которой была предпринята попытка к комплексному рассмотрению экономических, экологических и социальных аспектов взаимодействия общества с окружающей средой [1].

Так, ещё в 1969 году в докладе Генерального секретаря ООН господина У. Тана, озаглавленном «Проблемы окружающей человека среды», было отмечено: «Безудержное загрязнение окружающей среды и неконтролируемый рост численности населения представляют две реальные угрозы нашему образу жизни и жизни как таковой».

В 1971 году появился первый доклад Римского клуба «Пределы роста» (Медоуз Донелла Х. и её коллег), в котором на основе компьютерного моделирования было дано научное обоснование опасений Генерального секретаря ООН. В докладе было показано, что в условиях возрастающего потребления природных и, прежде всего, энергетических ресурсов неизбежны пределы роста и катастрофическое загрязнение окружающей среды с возможным исчезновением всего живого на Земле. От катастрофы спасал только один вариант – «нулевой рост». В соответствии с концепцией нулевого роста человечество должно было стабилизировать численность населения, прекратить промышленный рост, инвестировать и развивать только сельское хозяйство для увеличения производства продовольствия и сферы услуг, а в промышленности только возмещать износ фондов. То есть был сделан приговор экстенсивному экономическому росту и для того времени это был прорыв в сознании и первый шаг в осознании глобальных угроз. Люди поверили в реальность научных прогнозов и выводов учёных Римского клуба. И это было огромное достижение.

В 1972 году на Международной конференции ООН в Стокгольме глобальные угрозы У. Тана и Римского клуба были объявлены вызовом Человечеству. Международной общественностью началось широкое обсуждение проблемы, начался поиск альтернативной стратегии. Появилось море публикаций. Было положено начало многим важнейшим решениям по проблемам окружающей человека среды.

Стокгольмская конференция приняла Декларацию, состоящую из 26 принципов и план действий по выполнению принятых обязательств, который включает 109 рекомендаций. В декларации по окружающей среде впервые был сформулирован так называемый свод «законов» на право людей жить «в окружающей среде такого качества, которое предполагает жизнь, полную достоинства и благосостояния».

Главным выводом Стокгольмской конференции ООН явилось признание существования неразрывной взаимосвязи между необходимостью создания безопасной для человека окружающей среды и экономическим развитием.

Начиная с этого времени, значительное число международных организаций и около 50 правительств разных стран приняли основные документы или национальные конституции, включающие право на здоровую окружающую среду в число основных прав человека. Проблемы окружающей среды были включены в число приоритетных. Так, например, до Стокгольма во всех странах мира было только 10 министерств охраны окружающей среды, а к 1982 году такие министерства или департаменты были созданы почти в 110 странах. После Стокгольмской конференции стало возможным говорить о государственных экологических приоритетах и зарождении всемирного экологического движения.

Примерно через 10 лет после Стокгольмской конференции появились первые идеи об устойчивом развитии человечества.

Первым международным документом, в котором содержалось упоминание об устойчивом развитии, была Всемирная стратегия охраны природы (ВСОП), разработанная под эгидой Международного союза охраны природы (МСОП), Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Всемирного фонда дикой природы (WWF). Стратегия была обсуждена на конференции МСОП в Ашхабаде в 1979 году, а затем принята в 1980 году.

В декабре 1983 года по инициативе ООН была создана Международная Комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР) во главе с Премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд. Перед Комиссией была поставлена задача: сделать анализ состояния мировой окружающей среды и подготовить свои предложения по улучшению ситуации.

После трёх лет напряжённой работы с привлечением многих международных экспертов, учёных, практиков и других специалистов, Комиссия в 1986 году подготовила доклад под названием «Наше общее будущее». В докладе были предложены долгосрочные стратегии в области охраны окружающей среды, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие мировой экономики на длительный период, рассмотрены способы и средства, используя которые мировое сообщество смогло бы эффективно решать проблемы взаимодействия природы и общества. Выводы и рекомендации Международной Комиссии были одобрены на 42-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая состоялась 20 октября 1987 года.

Здесь было провозглашено: «Самая главная проблема, которая стоит перед мировым сообществом в целом – это обеспечение устойчивого развития Человечества». Была одобрена политическая Концепция устойчивого развития и дано определение [2]:

«Устойчивое развитие подразумевает удовлетворение потребностей современного поколения, не угрожая возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

Было отмечено, что этот принцип должен стать центральным руководящим принципом ООН, всех правительств и министерств, частных компаний, организаций и предприятий.

На второй Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) концепция устойчивого развития получила официальное признание. Основой формирования нового типа социо-эколого-экономического развития должно стать устойчивое развитие (sustainable development). К числу самых значимых документов конференции следует отнести программу «Повестка дня на XXI век». Принятая представителями 179 государств, она представляет собой глобальную программу социального и эколого-экономического развития человечества в 21 веке. Странам-членам ООН было рекомендовано принять ориентированные на устойчивость национальные стратегии.

С этой целью более чем в 100 государствах при исполнительных органах власти или парламентах были созданы специальные советы или комиссии. Более 80 государств разработали (в том числе и в России) соответствующие национальные программы, в соответствии с которыми гражданское общество и государство берут на себя ответственность обеспечить возможность удовлетворять потребности как настоящего, так и будущих поколений.

С этого времени вокруг термина «устойчивое развитие» не прекращаются дискуссии и споры. В них участвуют самые широкие слои общественности: политики, философы, экономисты, экологи, социологи, праведы, физики, биологи из разных стран. Ими предложен широкий спектр интерпретаций устойчивого развития, конкретизирующих его первоначальный вариант. Его английский оригинал (sustainable development) подвергается критике как словосочетание, сомнительное с точки зрения формальной логики. Что касается принятого у нас русского перевода, то он не передаёт адекватным образом смысл исходного английского термина, означающего «развитие, которое может поддерживаться непрерывно». В русском языке нет точного семантического эквивалента этого понятия, его можно перевести и как «самоподдерживающееся», «допустимое», «сбалансированное», «приемлемое» и т.д.

Поскольку термин «устойчивое развитие» уже твёрдо вошёл в научный оборот и практический обиход, академик Н. Н. Моисеев предложил не отказываться от него. Он писал: «Речь должна идти не о замене термина, а о наполнении понятия «устойчивое развитие» единообразным научно обоснованным содержанием и его адаптации к современному научному мировоззрению» [3].

В силу разных причин до настоящего времени отсутствует общепотребительное толкование и сохраняется значительный разноречивый в определениях и понимании устойчивого развития. Часто эти определения отличаются друг от друга акцентом на определённых проблемах, однако ключевые элементы определения Комиссии Г. Х. Брундтланд (сохранение

возможностей удовлетворять потребности как живущих, так и будущих поколений), как правило, остаются неизменными. Приведём несколько определений [1].

Международный Союз Сохранения Природы и Природных ресурсов (IUCN), Программа по окружающей среде Организации Объединённых Наций (UNEP) и Всемирный фонд дикой природы (WWF), 1991 г.: «Устойчивое развитие есть улучшение качества человеческой жизни при проживании в пределах ёмкости экосистемы (среды) и пропускной способности от неё к обществу».

ООН, доклад «О развитии человеческого потенциала», 1994 г.: «Устойчивое развитие – это развитие, не только порождающее экономический рост, но и справедливо распределяющее его результаты, восстанавливающее окружающую среду в большей мере, чем разрушающее её, увеличивающее возможности людей, а не обедняющее их. Это развитие, которое отдаёт приоритет бедным, расширению их возможностей и обеспечению участия их в принятии решений, затрагивающих их жизнь. Это развитие, в центре которого человек, ориентированное на сохранение природы, направленное на обеспечение занятости, предполагающее реализацию прав женщин».

Н. Н. Моисеев: «Устойчивое развитие следует интерпретировать как стратегию переходного периода к такому состоянию природы и общества, которое можно охарактеризовать термином «коэволюция», или «эпоха ноосферы». При этом сохранение биосферы – условие необходимое, но недостаточное». «Речь должна идти... о стратегии человечества, т.е. о совокупных действиях людей, способных до наступления экологической катастрофы обеспечить коэволюцию человека и окружающей среды. Разработка такой стратегии мне представляется самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества. Может быть, вся история человеческих знаний, всё развитие нашей общей культуры было всего лишь подготовительным этапом для решения этой задачи...».

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 440 01. 04. 1996): «Устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы».

Генеральный секретарь ООН, 1999 г.: «Устойчивое развитие в целом – это устойчивый рост полезной энергии».

В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев: «Устойчивое развитие – такое развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной ёмкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека»; «...хозяйственная ёмкость биосферы понимается как предельно допустимое антропогенное воздействие на биосферу, превышение которого переводит её в возмущённое состояние и со временем должно вызвать в ней необратимые деградационные процессы».

А. Б. Вебер: «Устойчивое развитие – это развитие общества, совместимое с сохранением природной среды в пригодном для существования

человечества состоянии сейчас и в будущем (жизнеспособное общество в жизнеспособной среде).

Б. Е. Большаков: «Устойчивое развитие страны (общества) – это хроноцелостный процесс сохранения неубывающих темпов роста производимой страной полезной мощности, при неувеличении темпов потребляемой страной мощности, сокращении потерь мощности за счёт воспроизводимых прорывных технологий и повышении качества управления на всех уровнях: мир в целом, страна, субъекты (регионы страны), отрасли, муниципалитеты, предприятия, человек».

Можно было бы привести ещё множество других определений, но достаточно и приведенных, чтобы убедиться в том, что они не вполне раскрывают сущность и содержание понятия «устойчивое развитие».

Требуется также представить не только словесное определение принципа, но и указать его меру, то есть качественно-количественную определённую всех ключевых понятий, определяющих содержание принципа «устойчивое развитие», поскольку важны не слова сами по себе, а содержание, которым наполняется соответствующее ему понятие.

Каждое из этих определений отражает взгляды различных слоёв общества – научных, политических, предпринимательских и т.д.

Каждая наука (экономика, социология, экология, философия и др.) «смотрит на проблему устойчивого развития через призму «своих» индикаторов и понятий.

Так, например, представители предпринимательских кругов подразумевают под устойчивым развитием «возможность работать без политических потрясений и переустройства общества, биологи – поддерживаемую продуктивность биоресурсов, а транснациональные корпорации сформулировали такое определение «устойчивого развития». Это «финансовая стабильность, минимизация социальных конфликтов, спад социально-политической напряжённости, неуклонный подъём производства и обслуживания, улучшение инвестиционного климата, чёткая работа государственных и региональных институтов, обеспечивающих права человека и гарантирующих безопасность граждан и организаций».

Налицо борьба за выгодное каждому участнику дискуссий понимание термина, поскольку за этими двумя словами скрываются колоссальные материальные и финансовые интересы, которые и формируют различные в своих формулировках и целях стратегии устойчивого развития.

Такое положение порождает у людей ещё большее непонимание смысла и значения устойчивого развития человека, природы и общества в их взаимосвязи и, в конечном счёте, приводит к недоверию к самой проблеме и к её научным разработкам. Но для того чтобы человечество постоянно приближалось к траектории устойчивого развития, а не удалялось от неё, каждый человек и в целом человечество должны не только чётко знать и понимать смысл и значение устойчивого развития, но и что они имеют полное право, но и что и как нужно делать, чтобы устойчиво развиваться. То есть каждый человек, страна и мир в целом должны вносить свою лепту в движение к траектории устойчивого развития.

Отсутствие общепринятого толкования термина «устойчивое развитие» создаёт препятствия в его адекватном восприятии, приводит к различным результатам в исследованиях, к «разнотению» одних и тех же проблем. Отчасти по этой причине диспуты по устойчивому развитию напоминают иногда диалог глухих.

Но разногласия обусловлена не только тем, что предмет обсуждения недостаточно определён, поскольку ясно, что, какую бы дефиницию ни зафиксировать, многие всё равно будут толковать предмет «по-своему» по причине отсутствия совершенного понимания. Разброс мнений наблюдается и в предлагаемых вариантах моделей, концепций устойчивого развития. Причины называются разные: антропоцентрическое и экзоцентрическое понимание природы, разные трактовки «развития», обусловленные различиями в видении отношений между экономическими, политическим, экологическим и социальным развитием.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что мировое научное сообщество, к сожалению, не смогло преодолеть внутренних противоречий и достичь желаемого единства взглядов относительно путей будущего развития общества.

Литература

1. *Большаков Б. Е.* Наука устойчивого развития. Книга I. Введение / Б. Е. Большаков. М.: РАЕН, 2011. – 272 с.
2. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (КОСР). Наше общее будущее. М., 1989.
3. *Муссеев Н. Н.* Быть или не быть Человечеству? М., 1999.

В ЗАГСЕ

Торчим в очереди в загс. Я и бабка. Ей семьдесят, мне восемьдесят. Мы пришли сюда зарегистрировать наш брак, который состоялся полвека назад. Тогда мы не успели этого сделать. Вернее, не смогли.

А не смогли, потому что секретарь сельсовета, который должен был это сделать, был в тот день в стельку пьян. На следующий день – в дым. На третий день на бровях ползал. На четвёртый лыка не вязал, а на пятый... Тьфу!

Короче – мы так и не смогли поймать его трезвым и поэтому плюнули на всё и стали жить так.

Потом мы переехали в пригород, жизнь пролетела, как выдох, и вдруг, совсем недавно, один наш знакомый сказал нам, что без загса жить нельзя. Что вышел новый закон и по нему тех, у кого нет загса, будут штрафовать и сажать.

Мы сначала не поверили. Какой штраф? За что сажать? Что за ерунда?

Я посмотрел на него и улыбнулся.

– Чушь несёшь!

– Ничего не чушь, – знакомый аж покраснел. – Штраф за аморальное поведение. Вы живёте не как муж с женой, а как любовники. А это карается по закону.

– Ну какие мы любовники, – я рассмеялся. – Ты что, спятил? Старики-любовники! Ну ты даёшь!

– Ничего не даю, – он тоже улыбнулся, – вы самые настоящие любовники. Ты любовник бабки, а бабка любовница деда, то есть твоя. Так что платите штраф и шагом марш в КПЗ.

Ни знаю, шутил он или нет, но мы испугались и решили на всякий случай зарегистрироваться.

Итак, стоим мы в очереди, и все пялятся на нас. Хихикают, шущукаются, перемигиваются. Но нам на это наплевать. Не такое видели. Вот.

Впереди нас стоит одна молодая пара. Невеста в белом платье, в белых туфлях. Жених весь в чёрном. У обоих в руках цветы, и от обоих несёт духами. Стоят и смотрят на нас. У нас никаких цветов нет, на мне фуфайка, на бабке халат, и несёт от нас совсем не духами, а несёт сарайным, если можно так сказать, духом. Потому что, мы прямо из сарая сюда прибежали. Бабка вспомнила, что сегодня наш день приёма в загс, и мы боялись опоздать.



Стоим и стоим. Не обращаем ни на кого внимания. Пялятся на нас, ну и пусть пялятся.

Наконец приходит заведующая загсом, очень... ну, очень сочная женщина, такая сочная, что хочется всё бросить и зарегистрироваться только с ней. Вот. Уфффф!

Приходит и сразу берёт быка за рога. Без всяких церемоний смотрит на паспорта этой молодой пары и говорит: Такой-то, такой-то! Вы согласны взять в жёны такую-то, такую-то. Говорите только «да» или «нет».

– Да, – говорит жених. – Согласен.

Ещё бы! Я тоже на его месте был бы согласен. Такая невеста! Сказка, а не невеста. Посмотрел бы я на его согласие, если бы на её месте была моя бабка. Хрен бы он согласился. Эээх!

Я вздыхаю и слушаю дальше. Мотаю, так сказать, на ус. Чтобы не оплошать, когда дойдёт наша очередь отвечать.

– Такая-та, такая-та, – говорит заведующая невесте, – а вы согласны взять в мужья такого-то такого-то?

– Да – смело отвечает невеста. – Согласна.

– Тогда, – говорит заведующая, – обменяйтесь кольцами!

– Вот тебе на! Я смотрю на бабу, она на меня. Про кольца-то мы забыли! Нет у нас никаких колец! Да и не было никогда. Что же делать? Бабка шепчет: – Давай убежим.

Я шепчу:

– Подожди. Может, проскочим.

А заведующая не унимается.

– Теперь, – говорит, – поцелуйтесь!

Уфффф! Ещё не легче. Целоваться на старости лет. Да и с кем? Добро бы с молодой, а то... Тьфу!

Молодая пара целуется, принимает поздравления и уходит. Мы подходим к столу. Заведующая смотрит на нас с удивлением.

– А вы что припёрлись? – спрашивает она с усмешкой. – Похоронное бюро рядом. Здесь загс, дорогие мои.

– Знаем, – говорю я, – не дурнее некоторых. Нам как раз и нужен загс.

– Что? Зачем?

– Как зачем? – Я тоже усмехаюсь. – Ясно зачем! Регистрироваться хотим.

– Кого регистрировать-то? – Заведующая никак в себя не придёт. – Вас?

– Нас.

– Вы что, серьёзно?

– Серьёзно. Давайте действуйте. Знаете, делу время, потехе час.

– Так вы что, действительно хотите жениться? – спрашивает заведующая с изумлением.

– Слушайте дорогая, – говорю, – когда я женился, вас ещё и на свете не было. Понятно?

– Понимаю, – говорит она, – у вас была другая жена, да?

– Какая другая жена? – кричит бабка. – Что ты там мелешь? У него одна жена – я! Поняла?

– Ничего не понимаю, – заведующая вопросительно смотрит на нас. – Вы зачем пришли, вообще? Если вы уже муж и жена. Что вы хо-ти-те!?

– Ре-ги-стри-ро-вать-ся! – кричу я. – Что тут непонятного? Зарегистрируйте нас, и все дела! Что вы тянете? Нам ещё в сарай переть, за бурёнкой поглядеть.

– Уффф! – вздыхает заведующая. – Ладно. Но как вы пришли, а? Кто же так приходит в загс?

– А что?

– А то, что здесь не сарай, вот что! Здесь культурное учреждение. А вы? Как вы одеты? Эта что за фуфайка, что за халат? Что это такое?

– А что? – сердится бабка, – нам голыми, что ли, прийти? У нас другой одежды нет.

– Как нет?

– Вот так нет. Другой рабочей одежды нет. А выходную жалко. Мы её только на нашу свадьбу и надевали.

– Не знаю, – вздыхает заведующая, – какое оно у вас выходное, а сюда надо было надеть невесте белое платье, а жениху – чёрный костюм.

– А почему, – спрашиваю я, – невесте именно белое платье? А другое нельзя? Например, жёлтое?

– Нельзя!

– Почему?

– Потому что белый цвет – цвет радости.

– Аха! – говорю, – теперь понятно, почему жених должен быть в чёрном.

– Ладно, – смеётся заведующая, из уважения к вашему возрасту сделаю исключение. Давайте ваши паспорта. Дети есть?

– Нету, – говорю я. – Бабка бесплодная.

– Кто бесплодная? – орёт бабка. – Я бесплодная? Ах ты, козёл вонючий! Да если бы не ты, я, может, матерью-героиней бы была! Уж если кто у нас и бесплодный, так это...

– Хорошо, хорошо, – говорит заведующая. – Это ваше дело. Теперь я буду задавать вам вопросы, а вы отвечайте только «да» или «нет». Понятно?

– Да!

– Отлично, – говорит она, и смотрит наши паспорта. – Гражданка такая-та, – обращается она к бабке, вы даёте своё согласие на брак с гражданином таким-то?

– А! – машет рукой бабка, – теперь хоть давай, хоть не давай – один чёрт!

– Вы неправильно отвечаете, – терпеливо говорит заведующая, вы должны отвечать только «да» или «нет». Вы согласны выйти замуж за такого-то? Вы же уже раз выходили за него.

– Лучше бы не выходила, – говорит бабка со вздохом. – Алкаш! Да вдобавок еще и бабник. Ни одной юбки не пропускает, идиёт! Уф!

– Так «да» или «нет»? – Заведующая начинает нервничать. – «Да» или «нет»?

– Да!

– Уффф! – Заведующая облегчённо вздыхает. – А вы, – обращается она ко мне, – вы согласны взять в жёны такую-то?

– Нет! – говорю, – не согласен.

Заведующая ошарашена.

– Почему?

– А она ночью храпит, – говорю, – глаз не сомкнёшь.

– Кто храпит? – кричит бабка. – Я храплю? А ты? Ты не храпишь? Ты ещё похлеще моего храпишь! Так храпишь, что я боюсь – дом развалится!

– Послушайте, – обращается заведующая ко мне, – её храп – единственная причина вашего нежелания взять её в жёны?

– Нет, – говорю, – не единственная. Главная причина, в том, что она уже стара. Ни черта не может. И я, пользуясь случаем, очень прошу вас поменять мне эту мымру на какую-нибудь молодку. Например, на вас. Вы мне здорово глянетесь. Особенно глаза.

Но тут я вру. Совсе не глаза её мне глянутся. По правде сказать, глаза у неё дрянь. Один косит, а другой слезит. И притом оба разноцветные. Один серый, другой белый. Почти как в песне о козлике, то есть, не козлике, а о гусе, или, вернее, о гусях, вот. Так что её глаза – это последнее, что мне нужно в ней. Но о нужном, вот так при всех не скажешь, поэтому я говорю «глаза».

– Ну, – расцветает заведующая, – такую, как я ... конечно... И широко открывает эти самые глаза.

Но тут не выдерживает бабка.

– Ах ты дрянь, – орёт она. – Что «конечно»? Кому ты глазки свои бесстыжие строишь? Я вот тебе эти глазки выколою, будешь знать, как ими играть! Тебя сюда зачем поставили? Чужих мужей отбивать? Тебя, милая, поставили дело делать, а не глазами зыркать! Села тут и «зырк» туда, «зырк» сюда. Регистрируй, а не глазки строй! Были бы глаза хоть как у людей, а то – как у совы. В разные стороны смотрят.

– Кто глазки строит? – вскакивает заведующая. – Кому я строю глазки? Этому старому хрычу? Да нужен он мне, как рыбе зонтик! Нашла сокровище! А ты чего молчишь? – накидывается она на меня? – Согласен жениться на этой перечнице? Да или нет?

– Да!

– Уффф! Замучили совсем. – Заведующая вытирает платочком лоб. – Обменяйтесь кольцами и катитесь к чёрту!

– Нету.

– Чего нету?

– Колец нету.

– А где они?

– Не было. У нас их и в молодости не было, а уж теперь...

– Уффф! – Заведующая вздыхает и садится. – Чёрт с вами, целуйтесь и убирайтесь. Первым целует жених.

– Нет! – говорю, – не буду, мне легче умереть, чем её поцеловать. Хотя зарежьте, не буду!

– Как это не будешь? – кричит бабка и бросается на меня. – Ещё как будешь!

– Не буду!

– Будешь!

– Ни за что!

– Посмотрим, – говорит она, хватая меня за ноги и валит на пол. Затем сама валится на меня и страстно целует.

– Спасите-е-е! – ору я. – Убиваю-ю-ют! Карау-у-ул!

Заведующая бежит к нам, и оттаскивает от меня бабку. Я хватаю заведующую за шею и целую в губы. Бабка кусает заведующую за ногу и та с визгом отскакивает от меня. Я тоже встаю. Мы все глубоко дышим.

– Идиоты, – говорит заведующая, тяжело дыша, – обормоты. Принесла вас нелёгкая. Вот здесь распишитесь, и чтобы духу вашего не было здесь! Натё! – И суёт нам книгу. Мы расписываемся, она быстренько заполняет наши паспорта и швыряет нам.

– Вон! Глаза бы мои вас не видели!

– Полегче, – говорит бабка от двери. – Видали таких.

Бабка выходит, я за ней.

– Подождите, – вдруг кричит заведующая. – Я забыла. Я должна вас поздравить... Поздравляю с законным браком, – говорит она со злостью. – Совет да любовь. – И протягивает мне руку.

– Спасибо, – говорю, – большое спасибо, – и долго жму её руку. Затем иду к двери и оборачиваюсь.

– Я тоже чуть не забыл, – говорю, – ты вечером свободна?

– Что-о-о-о! – кричит она. – Опя-я-ять.....

Я вылетаю за дверь.

«ПО ЖИЗНИ Я ПОСТОЯННЫЙ УЧЕНИК...»



Жанна Хутова – педагог, предприниматель, мама двоих детей, двадцать лет работает в системе образования.

«По жизни я постоянный ученик, – говорит моя собеседница, – учусь у своих детей, учеников, у успешных людей, у жизни. Не люблю нытиков, не люблю жаловаться. Мы обречены крутиться, надо двигаться. Стабильность – это обман, и, если стремиться к ней, мы получим разочарование. Поэтому лучше научиться адаптироваться к тем изменениям, которые происходят сегодня. Мне очень нравится принцип “изменяйся или будешь изменен”. Единственный способ измениться – это начать делать что-то по-другому и прямо сейчас.

Сегодня я осваиваю бизнес, снова обучаюсь, посещаю тренинги и семинары. Любые перемены несут с собой новые возможности. Поэтому стремлюсь “стать лучше себя вчерашнего”».

Европейская Юридическая Служба, в структуре которой работает Жанна Хутова, первой вывела на рынок дистанционные юридические услуги по всем видам права и на сегодня является пионером и лидером на рынке дистанционных юридических услуг.

Круглосуточно функционирующий штат юристов в кратчайшие сроки решает вопросы клиентов любой степени сложности.

Консультации осуществляются по всем областям российского права.

Отлаженная системой контроля качества, соответствует международному стандарту ISO-9001, ее обеспечивает штат клиентской службы.

География бизнеса охватывает представительства в 4 странах (Россия, Казахстан, Украина, Польша).

За восемь лет практики юристы компании приняли свыше 2 000 000 обращений. Все знания, накопленные за это время, формируют базу юридических знаний. Именно она позволяет делать работу максимально оперативно. И является основой для создания инновационных сервисов. Среди них «Нострадамус» – услуга, позволяющая клиенту оценить его правовое поле. Новая разработка – «Тезаурус» – ответы на наиболее часто задаваемые вопросы, проанализированные и систематизированные по областям права, – все это шаги к созданию LEGAL Cloud – облака юридических знаний, которое сделает возможным предупреждение возникновения правовых случаев, благодаря типологизации клиентов. Аналогов этого инструмента нет на российском рынке.

Техническая поддержка сервиса осуществляется двумя собственными ИТ компаниями.

В компании существует собственный корпоративный университет, который осуществляет постоянное повышение квалификации сотрудников, а также помощь по внедрению услуг для бизнес-партнеров компании.

Компания ведет активную социальную деятельность. Так, среди постоянных партнеров ЕЮС: Ассоциации юристов России, совместно с которой компания осуществляет бесплатную юридическую поддержку малоимущему населению.

Российская футбольная премьер-лига и Всероссийское общество болельщиков, вместе с которыми развивается программа «Стадион – наш общий дом», направленная на формирование благоприятной атмосферы на спортивных трибунах и способствующая развитию культуры болельщика.

В рамках программы на всех матчах российских и международных сборных ЕЮС осуществляет юридическую поддержку болельщиков.

Компания имеет весомые шансы стать официальным юридическим партнером чемпионата мира по футболу – 2018.

За время работы сервисом компании воспользовалось более 300000 человек, база постоянных клиентов насчитывает более 50000 человек. Клиенты ЕЮС присутствуют во всех 85 субъектах РФ.

Социальная миссия компании – формирование правовой культуры российского общества. Каждый человек должен знать свои права и иметь возможность их использовать. Расширять горизонты своего восприятия действительности, использовать свои возможности максимально. Стоимость годового абонемента для клиента можно сравнить со стоимостью одного посещения городского юриста, при этом на пользователя работает целая система и юридический штат. Вместе с обладанием карты, клиент становится участником глобального процесса изменения взаимодействия государства и общества, участвует в формировании правового государства.

Утвержден на заседании правления СП КБР
15 октября 2015 г.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 2016 год

КАЛЕНДАРЬ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И ПАМЯТНЫХ ДАТ

1.	Атмурзаев Магомед Мажидович	60	17 января
2.	Ахматова Сафарият Сагидовна	65	13 сентября
3.	Берберов Бурхан Абуяусупович	55	8 мая
4.	Бжеников Мухаб Мусабиевич	75	1 января
5.	Бицуев Анатолий Муратович	70	26 июля
6.	Вороков Владимир Халидович	80	2 января
7.	Гаунов Борис Хизирович	75	29 декабря
8.	Кокоев Мухамед Нургалиевич	65	16 сентября
9.	Мукожев Анатолий Хабалович	60	21 июня
10.	Опрышко Олег Леонидович	80	26 июля
11.	Созаев Ахмат Султанович	75	21 января
12.	Шогенов Хасан Хазизович	85	1 июля
13.	Хафиц Мухамед Мусабиевич	70	30 март

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ (ДНИ РОЖДЕНИЯ)

1.	Бабаев И. Х.	80	12 августа
2.	Геттуев М. И.	100	25 октября
3.	Дударов Х. М.	95	15 мая
4.	Кациев Х. Х.	100	13 мая
5.	Кубанов Х. И.	100	29 июня
6.	Налоев А. Х.	95	10 августа
7.	Теппеев А. М.	80	18 июня
8.	Урусбиева Ф. А.	75	1 апреля
9.	Хавпачев Х. Х.	90	26 января
10.	Шахмурзаев С. О.	130	
11.	Шогенцуков А. О.	100	13 сентября
12.	Шортанов А. Т.	100	16 декабря
13.	Эльмесов Х. Ц.	105	6 октября
14.	Эльчепаров А. М.	80	1 мая

ДНИ ПАМЯТИ

1.	Бекмурза Пачев	(1854–1936)
2.	Кязим Мечиев	(1859–1945) Перезахоронен на родине (11.11.1999)
3.	Али Шогенцуков	(28.10.1900–29.11.1941)
4.	Кайсын Кулиев	(01.11.1917–04.06.1985)
5.	Алим Кешоков	(22.07.1914–29.01.2001)
6.	Керим Отаров	(03.05.1912–13.10.1974)

В номере:

<i>Александр Сарахов.</i> Тайна хозяйственной сумки. <i>Рассказ</i>	3
<i>Раиса Герандокова.</i> Мои воспоминания. <i>Очерк</i>	21
<i>Мусарбий Дацирхоев.</i> Он нашел свой путь. <i>Очерк</i>	24
<i>Михаил Абазов.</i> Воспоминания. <i>Очерк</i>	28
<i>Бурхан Берберов.</i> Одеядло в клетку. <i>Рассказ</i>	29
<i>Билал Лайпанов.</i> <i>Стихи</i>	35
<i>Иван Тертычный.</i> Необыкновенный человек. <i>Рассказ</i>	41
<i>Алексей Береговой.</i> Из сборника «Офигеть». <i>Рассказы</i>	45
<i>Петр Кажаров.</i> <i>Стихи</i>	50
<i>Жанна Кандорова.</i> Память, живущая в поколениях	56
<i>Жак Циммерман.</i> В садах Дамаска вместе с тридцатым черкесским эскадром. Абдерахман и Харун Али (1926). <i>Рассказ</i> (пер. Каральби Мальбахова)	59
<i>Георгий Яропольский.</i> <i>Стихи</i>	68
<i>Фатима Кучинаева-Казакова.</i> Бесценная находка. Неотправленное письмо. <i>Рассказы</i>	73
<i>Ибрагим Гукемух.</i> Перезагрузка. <i>Рассказ</i>	78
<i>Астемир Мамхегов.</i> Судьба Пшиби Хапова. <i>Очерк</i>	80
<i>Мусса Байдаев.</i> <i>Стихи</i>	91
<i>Эдуард Битиров.</i> «Классный классный». <i>Очерк</i>	94
<i>Асланбек Мзюков.</i> Нафи Джусойты: «Национальная идея у всех народов одна – быть вечными и благополучными». <i>Статья</i>	98
<i>Владимир Бесланеев.</i> Князь Кургоко Канчокин-Черкасский. <i>Главы из повести</i>	110
<i>Адам Гутов.</i> Вознаграждение за щедрость. <i>Статья</i>	122
<i>Шихархан Назучева.</i> <i>Стихи</i>	126
<i>Аслан Эржибов.</i> Он заслужил свою улицу. <i>Очерк</i>	129
<i>Сафарби Загаштоков.</i> Чтобы помнили дети и внуки... <i>Очерк</i>	131
<i>Анна Халишова.</i> У хорошего наставника... <i>Очерк</i>	133
<i>Арнольд Баскаев.</i> Жизнь посвятил родному языку. <i>Очерк</i>	135
<i>Жаухар Аппаева.</i> В живом потоке музыки. <i>Статья</i>	137
<i>Фатима Дударова.</i> Ошхамахо – гора счастья и коэффициент счастья. Есть ли связь? <i>Очерк</i>	141
<i>Фатима Тазова.</i> Профтехобразование – территория жизни. <i>Статья</i>	145
<i>Оксана Кумыш.</i> По итогам литературного конкурса. <i>Статья</i>	152
<i>Светлана Раджабова.</i> Об истории на уроках литературы. <i>Статья</i>	164
<i>Султан Пшибиев.</i> Бог войны. <i>Очерк</i>	166
<i>Маржан Мокаева.</i> Нужна ли концепция. <i>Статья</i>	170
Летописец района. Газета «Терек». <i>Статья</i>	174
<i>Сафарби Тлупов.</i> Устойчивое развитие: что это такое? <i>Статья</i>	177
<i>Хусей Кулиев.</i> В ЗАГСе. <i>Рассказ</i>	183
<i>Элла Тхашигугова.</i> По жизни я постоянный ученик. <i>Статья</i>	188
Календарь знаменательных дат СП КБР	190

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Жанны Кандоровой*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *А. С. Бозиевой*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 27.11.15. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2000 экз. Заказ № 178. Цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
